

555/76

Проверено 1964 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Проверено 1948 г.

За социалистическую законность

ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ СССР

СЛБ

СЕНТЯБРЬ

1934

9

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОВЕТСКОЕ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Быстро перестроиться!	1
Десять лет Верховного суда Союза ССР. Речь председателя ЦИК Союза ССР тов. М. И. Калинина на торжественном собрании, посвященном десятилетию Верховного суда Союза ССР	3
По-боевому перестроить работу органов юстиции (Из речи секретаря ЦК КП(б) Т. Гикало)	5
С. Березовская—Прокуратура в борьбе с обвешиванием	8
Назаров, Тарасов-Родионов, Ласкин—Руководство следствием важнейший участок работы крайобл. прокуратуры	11
Хаевский—О перестройке районной прокуратуры	13
В. Лебединский, Г. Смоленский—Суд и прокуратура в борьбе за уборку урожая и зернопоставки	19
Михайловский—О недочетах, которые устраняются через чур медленно	23
Вяч. Чернов—Два вопроса следственной техники	25
А. Сольц—Больше внимания к жалобщикам, товарищи прокуроры	27
С. Файнблит—Судебно-бытовая история одного пензенского зернала	27
С. Ф.—К вопросу о подготовке кадров	29
Итоги работы прокуратуры Армении	31
И. Крастин—К вопросу о качественном учете судебно-прокурорской работы	33
Институт уголовной политики—Обзор уголовно-процессуального законодательства гитлеровского правительства в Германии	34
П. Символ—Как военная прокуратура МО добилась хороших показателей в своей работе	39
О недостатках в работе транспортной прокуратуры и ее задачах	40
Постановление ЦИК СССР и СНК СССР—О выполнении уголовных кодексов союзных республик статьей об ответственности за обворовывание потребителя и обман Советского государства	43
Хроника	44
Официальный отдел	47

Быстрее перестроиться

Уже в течение длительного времени идет работа по перестройке органов прокуратуры на основе директив XVII партийного съезда и решений I всесоюзного совещания судебно-прокурорских работников.

Основное содержание этой перестройки заключается в устранении разрыва, имеющегося между так называемым общим надзором и судебной работой органов прокуратуры, в окончательной ликвидации функционалки, обезлички и безответственности, нередко прикрывающих бездеятельность отдельных работников прокуратуры и их неумение справиться с стоящими перед советской юстицией задачами.

На основе указаний XVII партийного съезда и в связи с изданными за последнее время такими важнейшими документами, имеющими буквальное историческое значение, как декрет об организации НКВД и декрет о рассмотрении дел о преступлениях, расследуемых НКВД и его местными органами, несомненно в органах прокуратуры наблюдается перелом, стремление и решимость избавиться от имеющихся в их работе недостатков, и стремление поднять качество своей работы на уровень, соответствующий требованиям партии.

Такой перелом обозначился уже на I всесоюзном совещании, давшем богатый материал для перестройки нашей работы и для устранения всех имеющихся в этой работе пороков и недостатков, с одной стороны, и намечившем практические мероприятия по этой перестройке, с другой.

Еще большее и в прямом смысле этого слова исключительное влияние в этом отношении оказало на работников прокуратуры, состоявшееся при Центральном комитете совещание с участием т.т. Кагановича, Молотова, Калинина, Орджоникидзе, указания которых были восприняты всем составом совещания как партийный закон, осуществление которого является первой обязанностью каждого работника прокуратуры.

То исключительное внимание, которое особенно за последнее время уделяет партия и правительство органам прокуратуры как органам, призванным к охране социалистической законности, обязывает ко многому. Оно обязывает раньше всего к быстрому и энергично-

му окончанию начатой перестройки, особенно в области методики и тактики работы органов прокуратуры, оно обязывает органы прокуратуры к ясному пониманию своих обязанностей, направленных на точное и последовательное проведение в жизнь советских законов, на борьбу за укрепление социалистического правосознания за укрепление общественной социалистической собственности, являющейся основой всего советского строя, оно обязывает к такой организации своей работы в указанном выше направлении, которая оправдала бы назначение советской прокуратуры как боевого органа пролетарского государства.

Здесь на первый план выдвигается такая обязанность прокуратуры, как последовательная и непреклонная борьба за доведение своего дела до конца. Именно с этой обязанностью связано выполнение указаний вожда нашей партии т. Сталина о борьбе за крепкую дисциплину, за осуществление советских и партийных законов, о борьбе с «зазнавшимися вельможами», думающими, что советские законы писаны не для них, а для дураков.

Борьба за советский закон, невзирая на лица, вопреки и наперекор всем местным тенденциям и влияниям, всякого рода антигосударственным, местническим настроениям, не считающимся с требованиями партийных и советских законов, составляет важнейшую обязанность органов прокуратуры, именно как органов, наделенных пролетарским государством специальной функцией охраны социалистической законности и социалистического порядка, именно как органов, на которые ех *officio* возложена почетная обязанность от имени пролетарского государства бороться за точное, последовательное проведение в жизнь его воли.

Между тем до сих пор имеется немало прокуроров, не умеющих бороться за порученное им дело, не решающихся «тронуть» кое-кого из нарушителей советских законов.

Эти прокуроры забыли завет Ленина, высказанный им на Всероссийской конференции РКП(б) (май 1921 г.) в следующих замечательных словах:

«С ними (т. е. с канцелярскими чиновниками, делающими гадости, мешающими нам ра-

ботать.—А. В.) нужно воевать по всем правилам искусства и привлекать к ответственности тех партийных товарищей, которые ходят и жалуются или рассказывают анекдоты о том, что в таком-то учреждении сделана такая-то гадость, ходят по всей Москве и рассказывают анекдоты про бюрократические происшествия. А Вы, товарищи, сознательные коммунисты, что вы сделали для борьбы с этим?—Я жаловался.—А до какого учреждения довели вы эту жалобу? Оказывается, что ни до какого, а между тем, жалоба должна была быть направлена в СНК и в ВЦИК, т. е. с использованием всех прав, предоставленных нашей конституцией. Эта война, конечно, связана подчас и с поражениями. Но где же это видано, чтобы даже самые победоносные войны обходились без поражения? Так и здесь возможны поражения, но борьбу вести нужно. Но у нас дело всерьез не берут. А к суду за волокиту привлекали? Где у нас приговоры народных судов за то, что рабочий или крестьянин, вынужденный четыре или пять раз придти в учреждение, наконец получает нечто формально правильное, а по сути издевательство? Ведь вы же коммунисты, почему же вы не организуете ловушки этим господам бюрократам и потом не потащите их в народный суд и в тюрьму за эту волокиту? Сколько вы посадили их в тюрьму за волокиту? Это штука хлопотливая, конечно, скажет всякий... Пожалуй, такой-то обидится... Так рассуждают многие, а рассказать, на это есть сила». (XXVI, 406).

Эти указания Ленина, хотя они и относятся к вопросу о борьбе с бюрократизмом и волокитой, имеют значение, далеко выходящее за пределы этого частного случая.

В этих словах Владимира Ильича содержатся принципиальные указания, как должен вести свою работу коммунист и в первую очередь прокурор, на обязанности которого лежит устранение таких явлений, как бюрократизм, волокита, на обязанности которого лежит организация борьбы («ловушки») со всеми «господами», мешающими нам работать и делающими гадости (Ленин).

Работа прокурора это, говоря словами Ленина, война, это «штука хлопотливая» (Ленин). Вот почему кое-кто из прокуроров «сдает», оказывается не в силах справиться с этой «штукой», оказывается плохим воином. Но прокурор должен быть воином прежде всего. Резолюции о соблюдении законов без реальной борьбы за закон, без борьбы за исполнение советских законов шаг за шагом, по мелочам, как бы незначительны они не казались,—это вредная болтовня, только дискредитирующая органы прокуратуры.

Нужно помнить слова Сталина о том, что «бюрократы и канцеляристы давно уже набрали руку, чтобы на словах продемонстрировать верность решениям партии и правительства, а на деле положить их под сукно».

К стыду нашему нужно признать, что таких бюрократов и канцеляристов немало и среди прокурорских работников. Каждый день Прокуратура Союза получает немало подтверждений этих печальных явлений, когда кое-кто из прокуроров ограничивается констатированием различных нарушений революционной законности вместо того, чтобы решительными мерами, пользуясь всей силой предоставленной им государственной власти, немедленно прекра-

тить эти нарушения, а виновных привлечь к ответственности.

На только, что закончившемся II всебелорусском съезде работников юстиции зам. прокурора республики т. Глезеров рассказал про прокурора Ельского района Гомелько, который занимался тем, что сообщал в газеты факты о нарушениях революционной законности, не исправляя их и не борясь с ними как прокурор.

Прокурор Гомелько ограничивался литературными упражнениями в этой оригинальной прокурорской «борьбе» с нарушениями революционной законности, подписываясь «селькор прокурор Гомелько». Когда его спрашивали, почему он как прокурор не протестовывает беззаконие, он отвечал: «Не имею оснований»; когда его спрашивали, почему же ты пишешь об этом в газету, он отвечал: «Потому, что я убежден, что имеются нарушения»...

Гомелько с работы сняли. Но мало ли среди нас таких Гомелько, в груди которых борются две души: общественика и чиновника, губящего дело, извращающего обязанности прокурора, дискредитирующего свое высокое общественное назначение?

Чиновничье-бюрократическое отношение к своему долгу все еще окончательно не изжито в работе некоторых прокурорских звеньев. До какой степени бюрократического чванства и извращения своих обязанностей иногда доходят зарвавшиеся прокурорские «вельможи», хотя и районного масштаба, видно из другого случая, также ставшего предметом обсуждения на II всебелорусском съезде работников юстиции.

Дело идет о кассационном протесте, поданном прокурором одного из белорусских районов, просившем Верховный Суд Белоруссии отменить приговор. В этом протесте, состоявшем из 7 строк, не было сказано ни слова по существу дела, зато содержались такие выражения: «Непонятно, почему суд нашел отсутствие состава преступления. Возможно только потому, что 1) суд не читал предварительного следствия, 2) плохо разобрался даже и в том, что говорили обвиняемые и свидетели на заседании».

Когда прокурор по суднадзору Верховного Суда вернул этот протест районному прокурору с предложением составить мотивированный протест, указав на недопустимость подобного рода рассуждений, к тому же и изложенных достаточно безграмотно, районный наш «вельможа» направил всю переписку в Верховный Суд с такой надписью: «вернуть Верховному Суду без исполнения» и сопроводил это новым «рассуждением» такого рода:

«1. Кража доказана предварительным и судебным следствием.

2. В краже сознался.

3. Где спрятаны вещи указал сам обвиняемый, и они там обнаружены и изъяты.

4. Обвиняемому 18 лет. Ясно? Ясно. Суд оправдал? Оправдал. Мотивы для оправдания есть?—Нет.

В протесте это указано?—Указано.

Не верите? Проверьте. Дело перед Вами. Суд вынес приговор правильный? Так и напишите».

Наш прокурор на съезде получил заслуженный урок. Надо полагать, что впредь он не будет допускать таких грубых ошибок, но и здесь законен вопрос, в какой степени этот

Десять лет Верховного суда Союза ССР

Речь председателя ЦИК Союза ССР т. М. И. Калинина на торжественном собрании, посвященном десятилетию Верховного суда Союза ССР

Я не буду подробно останавливаться на работе самого Верховного суда, и не потому, что эта работа не имеет достаточно большого значения, а потому, что Верховный суд находится на глазах у ЦК партии и ЦИК СССР, и его решения полностью совпадают с линией партии. Гораздо сложнее работа народных судов, местной прокуратуры, местных народных следователей. Рост этой категории работников имеет для нас огромное значение.

Народный судья, районный прокурор, народный следователь — важнейшие звенья в борьбе партии за преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей. Вот об этом важнейшем в содержании работы низовых звеньев органов юстиции и в первую очередь в работе народного суда меньше всего у нас знают; этому уделяется все еще недостаточное внимание. Недостаточно еще знают о том, что работа народного суда — очень ответственная политическая работа.

Если судья — хороший марксист, диалектик, опытный практический работник, культурный, грамотный человек, то можно смело сказать, что 99 процентов его приговоров и решений будут иметь положительное политическое значение, будут являться одной из лучших форм пропаганды советских законов, пропаганды директив партии. Судья — плохой марксист, не знающий партийных решений, не умеющий достаточно крепко драться за партийные решения, идущий на поводу у местных организаций, не годится.

Судья должен не только уметь правильно политически разобраться в данном конкретном деле, в той обстановке, в которой это дело произошло, правильно оценить, распознать людей, участвовавших в этом деле, выявить все пружины каждого данного дела, его классовую подоплеку и сущность, но он должен еще, кроме того, суметь это сделать так убе-

дительно, так показательно, чтобы не только он сам и народные заседатели, но и все присутствующие на суде разобрались в этом деле и поняли правильность вынесенного судом решения.

Можно совершенно уверенно сказать, что когда народный суд так разберет дело, т.б. и осужденный запомнит его решение на всю жизнь, как бы он этим решением ни был недоволен. Мы мало учитываем, что суд оказывает огромнейшее влияние как на тех, которые привлекаются к ответственности, так и на присутствующих. Судья, который хорошо, умело, по-партийному ведет дело, всегда сумеет обеспечить и хорошую аудиторию. Люди придут его слушать, учиться у него.

Таким образом, народный суд, выполняя каждый раз конкретную задачу выявления и соответствующего наказания в отношении лиц, виновных в том или ином преступлении, одновременно проводит огромную массово-разъяснительную работу, мобилизует присутствующих на самопроверку, на улучшение своей собственной работы, на лучшее исполнение своих обязанностей, на соблюдение социалистической дисциплины.

Партия сейчас ведет борьбу против шаблона в нашей агитации и пропаганде. Тов. Сталин говорил о том, какой вред приносят люди, говорящие готовыми формулами.

После XVII съезда партии мы на основе решений съезда и указаний т. Сталина вносим новые моменты в содержание и в формы агитации и пропаганды. Это дело очень сложное и трудное. Прислать пять агитаторов на пять собраний, вынести пять трафаретных шаблонных резолюций — не так уж трудно. Вместо того чтобы продумать тот или иной вопрос, дать аудитории доклад на конкретном материале и подготовить мобилизующую резолюцию, — вместо этого берут готовые форму-

факт является исключительным? Не говорит ли он о крайне недостаточном уровне культуры у кое-каких наших прокуроров? Не говорит ли он о непонимании отдельными нашими товарищами своего положения в судебной системе, своих обязанностей по отношению к суду, своей роли как представителя государственной прокуратуры?

И здесь, надо сказать, немало фактов, идущих к нам в Союзную прокуратуру с разных сторон нашей необъятной страны, не дают нам возможности ответить на этот вопрос отрицательно. Да, у нас не хватает еще культуры в работе, не хватает чувства ответственности, не хватает настойчивости и последовательности, не хватает понимания того, что только беззаветной борьбой за полное и безоговорочное осуществление директив нашей партии и указаний правительства об охране революционной законности и укреплении социалистического правопорядка, прокуратура оправдает свое назначение, выполнит свой долг перед своей родиной.

В освоении именно этих требований партии и такой организации нашей работы, которая обеспечила бы максимальное исполнение этих требований, заключается основное содержание, главная сущность перестройки работы прокуратуры в настоящее время.

Вот почему нужно скорее, быстрее перестроить свою работу, нужно решительнее ее повести на действительно новых, указанных партией и правительством началах, при помощи новых, соответствующих директивам нашей партии, методов...

Нельзя медлить с этим ни одного часа. Партия и советское правительство оказали органам советской прокуратуры величайшее доверие и возложили на них величайшую ответственность.

Это нужно помнить и спешить на деле доказать, что мы достойны этого высокого доверия, что мы полностью берем на себя эту ответственность.

лы, тезисы и по ним говорят. Против таких докладчиков, против таких методов работы мы все сейчас боремся.

А вот если взять такого агитатора и поручить ему выступить общественным обвинителем по конкретному делу, тут с готовыми формулировками будет уже трудновато. Здесь, хочешь или не хочешь, а надо будет ознакомиться, продумать и проработать конкретные обстоятельства данного дела, составить собственное мнение по данному делу и это мнение суметь доказать. Это, конечно, трудно. До сих пор мы недостаточно думали о народном суде как об одном из важнейших звеньев в нашей агитационно-массовой работе, в разъяснении и пропаганде наших советских законов, в пропаганде партийных решений, в мобилизации масс на их проведение в жизнь.

Мы проводим и еще не закончили огромной работы по перестройке в связи с решениями XVII съезда партии. Перестройка произошла у нас и на таком важнейшем участке, как агитационно-массовая работа. Надо включить народный суд, как одно из существеннейших звеньев, в нашу массовую агитационно-пропагандистскую работу, ибо он фактически такую работу выполняет, во всяком случае, может и должен выполнять.

Ленин говорил, что пролетарский суд нам нужен не только для подавления эксплуататоров:

«На суды, если они организованы действительно на принципе советских учреждений, ложится другая, еще более важная задача. Это — задача обеспечить строжайшее проведение дисциплины и самодисциплины трудящихся... Без принуждения такая задача совершенно невыполнима... Органом пролетарского государства, осуществляющим такое принуждение, должны быть советские суды. И на них ложится громадная задача воспитания населения к трудовой дисциплине» (Ленин, т. XXII, стр. 424).

Эта задача — воспитание широчайших масс трудящихся к новой социалистической дисциплине труда, борьба с пережитками старого в сознании людей — занимает и должна занимать в работе народного суда все большее и большее место. Это требует особого подбора людей, которым мы доверяем такое большое, важное, политически ответственное дело, как дело народного суда в нашей стране.

Мы очень часто говорим, что народный суд должен проводить правильную классовую линию во всей своей работе. Кое-кто понимает это подчас необычайно шаблонно, упрощенно. Некоторые думают, что проведение правильной классовой линии примерно сводится к тому, что если обвиняемый — выходец из буржуазного класса, то при всех случаях надо его бить и в хвост и в гриву. Такое упрощенчество, конечно, сугубо неправильно. Наш суд должен бить активных врагов, тех, которые борются против линии партии, тех, которые любыми формами и методами сопротивляются мероприятиям партии. Но наш суд не должен бить только за то, что тот или иной человек является выходцем из разгромленных, ликвидированных эксплуататорских классов. Ведь и наша карательная политика является не только карательной, он ставит перед собой задачу карать и одновременно воспитывать, перевоспитывать.

Лучшим примером того, что мы эти задачи ставим и их решаем, является то, что немалое количество прямых открытых врагов советской власти, которые пошли в концлагерь, настолько исправились, настолько себя проявили, что многие из них были награждены высшей наградой — орденом Ленина или орденом Трудового красного знамени. Тысячи восстановлены в избирательных правах. Упрощенчеству не место в работе органов юстиции!

Нужно помнить о всей цепи и о каждом отдельном звене в судебном деле. Народный следователь должен быть достаточно квалифицированным, обладать хорошей техникой своей работы, чтобы не дергать зря и не отрывать от работы людей, ни в чем неповинных, и чтобы от суда одновременно не ускользнул классовый враг, дезорганизатор социалистической стройки, всякий нарушающий государственную дисциплину.

Из этого видно, какое огромное значение имеет следственный аппарат и как необходимо на эту работу подобрать крепких, хорошо подготовленных, политически грамотных работников, умеющих ориентироваться в сложных делах и проводить правильную политическую линию.

От прокурора зависит направление каждого дела. Наш районный прокурор работает в довольно-таки сложной, трудной обстановке. Мы требуем и вправе требовать от прокурора, чтобы ни один невинный не был привлечен к суду. Мы требуем от него такой постановки и такого обоснования обвинения, которые действительно помогли бы судье разобраться в деле. Мы требуем от прокурора такой постановки работы, такой организации борьбы за социалистическую законность, при которой каждый рабочий, каждый колхозник, каждое советское учреждение были бы гарантированы от бюрократических извращений, при которых каждый был бы уверен, что его законные права и интересы охраняются, что на страже этих интересов стоит специально поставленный советской властью прокурор.

О том, какую огромную роль играет и какое значение имеет работа народного судьи, я уже говорил. Вот, если бы меня спросили, какое лицо соответствует званию судьи, кто может быть в нашем государстве сейчас судьей, я бы сказал, что судья должен обладать знаниями хотя бы в пределах коммунистического университета; это должен быть человек, который своим личным поведением, своим отношением к работе заслужил доверие и авторитет, человек, который имеет большой общественно-политический опыт, умеет разбираться в людях, и я еще должен к этому прибавить, — культурный человек.

Ведь мы сейчас повышаем наши требования к руководителям предприятий, ко всем руководящим работникам, которые имеют дело в конце-концов с вещами, а судья имеет все время дело с людьми! Брак, допускаемый народным судьей, — это очень дорогостоящий, тяжелый брак. На каждом правильном решении учатся не только те, против которых вынесено решение, но и те, которые присутствуют при этом, и те, которые выносят решение.

Стоит ли наш народный суд, наше следствие, наша прокуратура на такой высоте, как нам это нужно? Правда, именинникам не по-

По-боевому перестроить работу органов юстиции

(Из речи секретаря ЦК КП(б)Б тов. Н. Г. Гикало на Всебелорусском съезде работников юстиции)

Свою речь на совещании т. Гикало начал с указания на то, что:

Наш советский судья, советский прокурор, следователь, наша рабоче-крестьянская милиция выполняют исключительно ответственную работу в нашем социалистическом государстве.

Владимир Ильич Ленин не раз подчеркивал, что «прокурор обязан следить за установлением действительной единой законности во всей республике, несмотря ни на какие местные различия и наперекор каким-бы то ни было местным влияниям. Прокурор отвечает за то, чтобы ни одно решение органов местной власти не расходилось с законом, он обязан принять все меры к тому, чтобы законность устанавливалась абсолютно одинаково по всей республике».

Тов. Гикало подчеркнул, что в нашей стране великого социалистического строительства органы прокуратуры (следователь, судья, милиция) выполняют совершенно иные задачи, чем в буржуазных государствах. Они прежде всего являются действительным оружием диктатуры пролетариата, защиты социалистического отечества, и уже это одно накладывает огромнейшую обязанность и ответственность на прокурора, суд, следователя, милицию и т. д.

Прокурор, судья, органы милиции должны осуществлять революционную законность не речами, не словами, не на бумаге, а прежде всего делом и действием.

Работники юстиции в своей повседневной работе связаны с широчайшими массами трудящихся. И это накладывает на них особую ответственность. Работники юстиции свою связь с массами осуществляют в специфически сложных условиях и формах. Они имеют дело с преступлениями, конфликтами, стычками, с неправильными отношениями человека к человеку, с тем, как человек проявляет себя в обществе, быту общественном и в быту семейном. Вы встречаетесь с человеком, когда он опять-таки неправильно относится к государству. Говорить неприятностей, но что полагается.

Приходится сказать, что пока еще нет. Мало у нас еще культурных, политически достаточно развитых кадров работников юстиции, отвечающих тем требованиям, о которых я говорю.

У меня нет сомнения, что роль суда будет расти, будет расти роль суда как агитатора, пропагандиста, борца за директивы партии и правительства, за социалистическую законность за государственную дисциплину. Поэтому нам нужно сейчас очень много внимания уделять подбору кадров, помощи в работе низовым звеньям органов юстиции, помощи народному суду, нам нужно помнить об огромном воспитательном значении народного суда. И чем больше мы сделаем в этом отношении, тем суд будет крепче, тем больший он будет иметь авторитет и значение. (Аплодисменты, переходящие в овацию).

к производству, к окружающей среде. В этих условиях работники юстиции должны иметь дело с человеком не на основе веками установившихся отношений к частной собственности, а на основе отношений к социалистической собственности.

Осуществляя связь с массами в этих условиях, роль работников юстиции подымается несравненно выше, чем когда бы то ни было. Учитывая всю эту сложную обстановку, правильно разбираясь во всей этой обстановке, людских, бытовых, производственных и государственных отношениях, работники прокуратуры, судов, следователи должны с еще большей энергией проводить свою работу на основе советской социалистической революционной законности.

Каждый из вас в любой отрасли своей работы, разбирая ли дело о мелкой краже, или об отношениях человека к человеку и т. п., о простых и сложных вещах — не должен упускать той великой революционной перспективы, которая сопровождает работу каждого из нас, не только коммуниста, но каждого сознательного беспартийного, где бы он ни работал в Советском союзе, — это значит видеть свою роль, понимать значение тех действий, которые он проводит.

У нас, говорит дальше т. Гикало, развернулась огромная, исключительная по всей важности и по своему значению перестройка, которая во всей нашей советской стране проводится под руководством партии и правительства. Речь идет о перестройке производственных наркоматов, об организационной структуре и перестройке руководства промышленностью, сельским хозяйством и транспортом. Тов. Гикало особенно указывает на огромное принципиальное значение, которое имеет создание Народного комиссариата внутренних дел, в связи с перестройкой нашей прокуратуры, суда.

Тов. Сталин неоднократно подчеркивал новые условия сегодняшней работы для каждого коммуниста, независимо от того, на каком посту он находится и на каком участке он работает. Мы успешно осуществляем политику ликвидации последнего капиталистического класса — кулачества. Мы добиваем этот последний эксплуататорский класс в нашей стране. Но недостатки кулацкие элементы, остатки капиталистических классов изменили тактику своей борьбы против социалистического строительства. Они прибегают к новым сложным методам борьбы против нас, действуют тихой сапой. Меж тем многие наши работники, особенно в деревне, часто проглядывают эти новые формы, эти новые методы борьбы классового врага против социалистического строительства.

Тов. Сталин не раз со всей силой указывал на необходимость так развернуть теперь нашу большевистскую работу и поднять нашу классовую революционную бдительность на такую высоту, чтобы своевременно выявлять и

сокрушать классового врага, своевременно и в корне пресекать каждую его вылазку.

Колхозный строй окончательно у нас победил. Социалистические формы хозяйства восторжествовали. Широкие массы крестьянства, не говоря уже о рабочих, активно поддерживают все мероприятия партии и советской власти. В этих условиях нужно особенно упорно учиться культурно работать, уметь работать без ошибок, работать так, чтобы широчайшие массы рабочих, колхозников, единоличных трудящихся крестьян еще больше поддерживали наши действия, наши мероприятия.

Но нередко, как отмечает тов. Гикало, у нас еще не умеют поставить работу так, чтобы именно вести дело оперативно, без администрирования, так, как это делают действительные большевики, которые организуют и ведут за собой массы.

Перестройка работы прокуратуры, работы судов и всех других органов и организаций—это огромное политического значения дело.

ЦК партии, т. Сталин относятся к вопросу о перестройке суда и прокуратуры исключительно серьезно. Возьмите один только вопрос—вопрос о кадрах—это главное звено в перестройке.

ЦК партии, наметив пути перестройки, особенно подчеркнул, что это великое дело самоотем или только директивным порядком разрешить нельзя, что перестройку нужно осуществлять оперативно, что это дело нужно укрепить крепкими кадрами.

ЦК ВКП(б) указал на то исключительное внимание, которое нужно проявить при подборе каждого работника, посылаемого для укрепления прокурорского или судебного состава.

Однако, отмечает т. Гикало, у нас есть немало фактов невнимательного, несерьезного подбора. Нужно действительно по-большевистски взяться за это великое дело, имеющее исключительное принципиальное и практическое значение, взяться, как это подобает большевикам, подобрать лучших людей, укрепить быстро этот участок, чтобы он отвечал всем требованиям, которые предъявляются партией и правительством.

Останавливаясь на работе органов суда и прокуратуры в Белоруссии, тов. Гикало говорит: Если сравнить эту работу с прошлым годом, то у нас имеются определенные достижения. Работа прокуратуры и судов Белоруссии, безусловно, повысилась. Но если поставить вопрос, на какой высоте стоит работа прокуратуры, то нужно этот вопрос разделить и сказать: в центральных органах суда и прокуратуры есть значительный сдвиг за последнее время. Развертывается оживленная, серьезная положительная работа.

Не то в районах. Правда, и тут имеется некоторое улучшение, но пока нельзя говорить о значительном улучшении. В этой области мы еще не можем сказать, что полностью отвечаем тем требованиям, которые предъявляют партия и правительство.

Тов. Гикало отмечает, что главное в перестройке работы суда и прокуратуры—это поставить дело так, чтобы революционное, социалистическое правосознание каждого трудяще-

гося в нашей стране было поднято на огромнейшую высоту. Нам нужно добиться, чтобы все рабочие, колхозники, все трудящиеся были активными исполнителями законов, активными проводниками этих законов. Нужно добиться, чтобы проведение каждого пункта, каждого слова нашего советского закона, явилось бы священным делом для каждого советского гражданина, чтобы действительно все трудящиеся, и в первую очередь сами прокуроры, судьи, следователи поняли бы социальный, политический смысл этого закона. Нам нужно добиться, чтобы активная борьба за осуществление советских законов, защищающих социалистическую собственность, защищающих колхозный строй, защищающих советское государство и нашу социалистическую стройку от врага, — была бы делом каждого трудящегося нашей великой социалистической страны. Именно так должно ставить вопросы проведения революционной законности, вопросы перестройки нашего аппарата.

Неизмерима мудрость и прозорливость нашего ЦК партии во главе с великим Сталиным. Они неуклонно продолжают дело Ленина в нашей социалистической стране. Они намечают правильные пути, дают лозунги, понятные не только коммунистам, но и широким трудящимся массам страны. Они организуют людей и в первую очередь коммунистов, советский актив на осуществление этих лозунгов, этих задач. Партия во главе с т. Сталиным правильно оценила сегодняшнюю обстановку и правильно поставила вопросы дальнейшей перестройки, чтобы еще быстрее идти вперед по широкому пути нашего социалистического строительства.

С одной стороны, там, за рубежом—огромнейший кризис, разложение капитализма, все большее и большее приближение в ряде стран к непосредственно революционной обстановке. В то же время на одной шестой части мира расцветает Советская страна, руководимая великой ленинской партией во главе с ее вождем т. Сталиным, неуклонным продолжателем дела Ленина. В этих условиях, когда каждое наше действие является действием, на которое смотрят пролетарии, трудящиеся, угнетенные всего земного шара, наша работа должна быть наиболее правильной, точной, большевистски организованной. Именно так мы должны работать. В этом по существу главное, что должна дать перестройка.

Работники юстиции, говорит т. Гикало, должны работать лучше, чем когда бы то ни было, работать без ошибок. А если ошибки бывают, то их нужно быстро осознать и полностью выправить. Нужно работать так, чтобы каждое наше действие, каждое мероприятие сопровождалось любовью широчайших масс, чтобы каждый приговор суда был демонстрацией политически правильного классового подхода к делу, чтобы это было мероприятием справедливым с точки зрения наших советских социалистических законов, с точки зрения защиты социалистической собственности, защиты нашей социалистической родины.

Культурно, внимательно относиться к делу, глубоко вникать в каждый вопрос — вот что требуется. А как у нас временами бывает? Следователь ведет дело и ведет его как-нибудь. И вот в таком виде с этим следственным материалом знакомят прокурора или председателя суда, нарсудью. Прокурор, понятно, в та-

ком плохо оформленном деле разобраться не может, хотя бы потому, что это дело без начала и конца, что часть материала совершенно отсутствует. В результате этого сам следователь часто не знает, как ему вести дальше дело, ибо он не совсем понимает.

Есть у нас и такие прокуроры, которые не продуманно, поверхностно относятся к работе. Он знает 2—3 статьи законов и просит в судебном заседании вынести обвинительный приговор. А когда глубоко разберешься в деле, то оказывается, что фактов собрано мало, закон применен неосновательно и приговор совсем неправильный. Такие факты, когда выносились явно преувеличенные или явно либеральные приговоры — у нас не исключение. Это говорит не о злой воле того или иного работника. Это говорит о незнании дела, о незнании нашего законодательства, о некультурности, о неумении выразительно, пунктуально повести и разрешить дело. Классового, пролетарского и марксистского, культурного, большевистского стиля в работе, четкости, организованности — вот чего еще не хватает многим работникам прокуратуры и судов.

По линии дисциплины среди работников прокуратуры, суда, органов милиции нужно провести еще очень большую и большую работу. В органах юстиции еще нет мощной дисциплины, нужной, необходимой дисциплины, которая организующе действует на окружающих. Еще много распушенности, расхлябанности, с чем необходимо быстрее и более решительно покончить.

Тов. Гикало останавливается на проявлениях местничества. Нередко влияние на работу прокурора со стороны местных работников, местных организаций — как на то или иное дело посмотрит секретарь райкома, что скажет председатель райисполкома — прокурор ставит на первое решающее место. Понятно, вы не должны отрываться от общественности, тем более от партийных и советских органов. Это было бы в корне неправильно. Нужно быть всемерно связанным с ними. Но в то же время нужно помнить, что когда речь идет о защите революционной законности, о защите советских законов, о разрешении конкретного судебного или следственного дела, то нужно действовать невзирая ни на какие лица. Этого можно добиться не декларациями со стороны партийных организаций, тем более с вашей стороны, — этого можно добиться в первую очередь конкретной работой, соответствующей перестройкой при помощи партийных и советских организаций.

В прошлом году, — говорит т. Гикало, — на местах допускалось не мало перегибов и беззаконий. Мы проделали очень большую работу по выправлению этих недостатков. Под руководством ЦК партийные и советские организации помогли работникам юстиции выправить эти ошибки. В 1934 г. был успешно закончен сев и теперь разворачивается огромной важности работа в деревне по уборке и заготовкам без применения каких-бы то ни было массовых мер воздействия. Это большое и серьезное дело.

Тов. Гикало останавливается на недавнем решении Центрального комитета ВКП(б) по докладу ЦК КП(б)Б и СНК БССР.

ЦК ВКП(б) в своем решении по докладу ЦК КП(б)Б и СНК БССР отметил, что за последнее время работа ЦК КП(б)Б значительно

продвинулась вперед. Но, подчеркнув достигнутые успехи, Центральный комитет нашей партии совершенно правильно и своевременно указал на целый ряд серьезных недостатков, которые имеются еще на сегодняшний день в нашей работе. ЦК ВКП(б) отметил, что ЦК КП(б)Б в своей практической работе недооценил значения советской государственной работы. В наличии недооценка национальных моментов в партийной и советской работе, недооценка вопросов белорусского языка в таком национальном районе, как Дзержинский, и другие. В наличии целый ряд перегибов в практической работе как центральных, так и районных организаций.

Решение ЦК, подчеркнул т. Гикало, является большевистской совершенно правильной оценкой нашей работы. Нельзя закрывать глаза на то, что у нас есть целый ряд недопустимых недостатков.

Тов. Гикало указывает, что определенная часть работников еще продолжает рассуждать примерно так: «Только бы хорошо провести ту или иную кампанию, а если и допустим какие-либо ошибки, перегибы, то ничего — нам простят; победителей не судят». Это, товарищи, вреднейшее заблуждение.

Факты грубого нарушения революционной законности, возмутительного отношения к отдельным трудящимся еще не изжиты. Тов. Гикало подробно приводит целый ряд конкретных фактов. Возьмите стародорожское дело, или кричевское дело об издевательствах над одной работницей-торфяницей. Возьмите факты грубейшего нарушения революционной законности со стороны целого ряда ответственных работников и со стороны органов милиции в Пуховичском районе, искривления советских законов в Костюковичском районе и т. д. Что самое характерное во всех этих делах?

Характерно то, что ни прокурор, ни суд в этих районах не проявили надлежащей инициативы, надлежащей бдительности в борьбе за революционную законность. Они имеют права, власть, авторитет, но они не использовали своих прав, не наказали немедленно виновных по заслугам. Больше того, прокурор в ряде случаев сам санкционировал неправильные и незаконные постановления и решения местных организаций по этим вопросам. Ни партийные, ни советские организации данных районов не подошли правильно к вопросу, не разобрались по существу дела.

Это свидетельствует, — как говорит т. Гикало, — об ослаблении у нас борьбы за революционную законность со стороны партийных и советских организаций, не говоря уже, что свои непосредственные задачи и обязанности прокуроры и судьи в этих случаях не выполняли.

Это свидетельствует также о безусловном спокойствии в вопросах революционной законности, о недостаточном проведении указаний ЦК и правительства.

Это говорит о том, что не только на местах, но и мы тут, в центре, еще плохо организуем помощь в перестройке работы прокуратуры и судов, что у нас прокуратура и суды еще не укреплены лучшими работниками, в органах прокуратуры и судов в наличии

огромная текучесть кадров, еще не развернута действительная борьба с этим злом, еще не принимаются надлежащие меры к закреплению работников на постоянной работе.

Надо изжить текучесть, надо повысить авторитет прокурорских, судебных и следственных работников. Действуйте смелее, крепче, более уверенно, и, понятно, в правильном деле, в разумном деле вас партийная организация, ЦК КП(б)У, безусловно, поддержат. У того прокурора, судьи, следователя будет авторитет выше, кто будет лучше работать, кто добьется четкости, культурности, организованности в работе, кто будет твердо и неуклонно советские законы проводить, как этого требует партия и правительство.

Вот, говорят, в Быхове хорошо судебный процесс провели. Смотри с какой точки зрения. С точки зрения нашего классового отношения к суду, с точки зрения защиты революционной законности, социалистической собственности, усиления и укрепления авторитета партии и советской власти, правильного с точки зрения советского законодательства — вот с этой точки зрения давайте хорошо и правильно проведем судебный процесс. Нужно оценивать работу прокурора, судьи, следователя с той точки зрения, как они будут вокруг каждого дела мобилизовать массы, повышать политическую сознательность масс, организовывать их на дальнейший подъем нашего

социалистического хозяйства, на беспощадное разоблачение классового врага.

Тов. Сталин не раз указывал, что вся сложность работы, все громадное значение роли работников прокуратуры, судов, народного комиссариата внутренних дел, милиции заключается в том, что они работают в условиях требующих большой выдержанности, чуткости и организованности, требующих знаний, дальнейшего роста, а не замыкания в собственном соку, требующих изучения марксистской революционной теории. Нужно знать и разбираться в окружающей обстановке, понимать и разбираться в методах классового врага, своевременно разоблачать каждый новый маневр недобитого кулачества.

Нужно уметь жестко и по-большевистски бороться за революционную законность, невзирая на лица, проводя дела так, как этого требует партия и правительство. В то же время надо наладить правильные, большевистские отношения с партийными комитетами, советскими органами и т. д. Нужно быть и уметь быть человеком культурным, политически развитым знатоком советского закона, человеком дела и дисциплины, марксистом. Нужно быть человеком таким, который достоин звания судьи, прокурора, следователя в нашей великой социалистической стране, руководимой ленинской партией во главе с т. Сталиным.

С. Березовская

Прокуратура в борьбе с обвешиванием

Центральный комитет нашей партии поставил перед судебно-прокурорскими работниками задачу развернутой борьбы с обвешиванием, обмериванием и нарушениями розничных цен.

Указания Центрального комитета, как и изданное почти одновременно пост. ЦИК и СНК СССР от 25/VII с. г. «Об ответственности за обворовывание потребителя и обман советского государства», вызваны широким распространением этого зла в системе госторговли и кооперации, при совершенно недостаточной борьбе с ним как со стороны руководящих торгорганизаций, так и судебно-прокурорских органов.

Обвешивание и обмеривание потребителей, а также продажа по незаконно повышенным ценам получили быстрый рост за последние полтора года в связи с усилением борьбы с хищениями и растратами. Эти преступления явились как бы защитной реакцией со стороны расхитителей государственной и кооперативной собственности на принятые против них суровые меры.

Руководители торгующих организаций и наши органы, сосредоточив свое внимание в борьбе с хищениями и растратами на недостатках товаров, проглядели, что воры и растратчики нашли способ красть без образования недостатка, покрывая украденное из кармана рабочего потребителя.

Соответственно с этим была допущена явная недооценка серьезности явлений обвешивания и обмеривания покупателей, установления повышенных наценок и т. д.

Это выражалось, например, в том, что большинство материалов об обвесе, обмере и превышении цен работниками прокуратуры на местах направлялось по линии административных взысканий, или прекращалось «за незначительностью нарушения». При этом не принималось в расчет, что за незначительной наценкой на единицу товара, или незначительным обвесом одного покупателя могут скрываться весьма крупные хищения. Те же дела, которые органы прокуратуры или милиция принимали к расследованию, затягивались на долгие месяцы.

Прокуратура Союза, выявив неудовлетворительную работу судебно-прокурорских органов на местах по борьбе с этими преступлениями, еще 25 декабря 1933 г. обратила на это внимание прокуроров союзных республик, предложив им прежде всего устранить медлительность в рассмотрении этих дел, установить 5-дневный срок для их расследования.

Дальнейшее наблюдение за работой органов суда и прокуратуры на местах показало, что крупные неправильности имеются и в карательной политике, проводимой по этим делам.

Лица, уличенные в незаконных наценках и обвешивании потребителей, привлекались к ответственности как «за нарушение правил регулирующих торговлю», т. е. по ст. 105 УК (РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик), предусматривающей санкцию в виде принудработ или штрафа. Самой собой разумеется, что подобная квалификация

этих преступлений не отвечала их экономической и политической сущности и не обеспечивала успешной борьбы с ними.

Поэтому 8 мая, а затем 7 июля текущего года, Прокуратура Союза дала развернутые указания о карательной политике по делам, связанным с обвешиванием и нарушениями цен, предложив квалифицировать эти преступления, как должностные по ст. 109 УК, а в случаях, связанных с хищениями и растратами, — по закону 7 августа. Одновременно Прокуратура СССР указала, что карательная политика по этим делам должна быть действенной и что в частности исправительно-трудовые работы, даже при отсутствии корыстной заинтересованности виновных, могут применяться лишь в исключительных случаях и с отбыванием в органах ИТУ (теперь, в связи с законом 25/VII, это вообще возможно только в порядке применения ст. 51 УК).

Прокурор Союза, давший эти директивы, подчеркнул в них всю политическую важность активной борьбы с этими преступлениями и прямо указал работникам прокуратуры, что они «не должны допускать вынесения судами мягких приговоров в отношении виновников обвешивания и обмеривания потребителя».

Только за последние 1½—2 месяца органы прокуратуры на местах начали раскачиваться и всерьез браться за работу по борьбе с обворовыванием потребителя. К числу таких развернувших работу прокуратур относятся прежде всего прокуратуры г. Москвы, Московской, Западной и Одесской областей, выживших и удовлетворительно проводивших целый ряд дел о нарушении цен и обвешивании и обеспечивших выдержанную, в общем, карательную политику по этим делам.

Зато многие прокуратуры и по сейчас еще не раскачались, продолжая смотреть на дела об обвешивании и нарушениях цен как на мелочь, мешающую им осуществлять «большую политику».

Представитель прокуратуры РСФСР, проверявший в июле работу периферии, установил например, что в Азово-черноморском крае за 1934 г. рассмотрено всего 10 дел о нарушениях цен. При этом установить это удалось лишь с большим трудом, т. к. никакого учета дел о нарушениях цен там никто не вед, несмотря на директивные указания Прокуратуры СССР о производстве выборочной проверки этих дел в районах и т. д. Здесь же обнаружено, что, несмотря на установленный Прокуратурой СССР жесткий срок (5 дней) для расследования дел о нарушениях цен, эти дела тянулись по 2—4 месяца.

В том же крае оказалось, что до июня м-ца там не была организована и инспекция цен. Таким образом борьбы с нарушениями советской политики цен в Азово-черноморском крае совсем почти не велось.

Работа же органам прокуратуры в этой области предстоит большая и, что называется, тонкая.

Постановление ЦИК и СНК СССР от 25/VII установившее в качестве меры соцзащиты за обвес, обмер и незаконные наценки до 10 лет лишения свободы, предоставляет судебнo-прокурорским органам широкую возможность дифференциации наказания. Это сделано потому, что сами эти преступления чрезвычайно многообразны и различны по своей социальной опасности.

Предоставленная правительством возможность широкой дифференциации наказания накладывается на суд-прокурорские органы и повышенную ответственность за правильность выбора мер соц. защиты, а правильность выбора меры соцзащиты, как известно, зависит прежде всего от качества предварительного и судебного следствия.

Обвешивание и превышение цен весьма часто служит орудием, при помощи которого совершаются или покрываются другие преступления (хищения, бесхозяйственность и т. д.). Поэтому при расследовании каждого дела об обвешивании или превышении цен стоит задача не просто констатировать факт самого обвешивания, а вскрыть, что за этим фактом скрывается. А многие наши следователи не любят, вернее, не умеют заниматься такой, как они говорят, «шерлокхольмщиной», предпочитая дела, основанные на готовых актах тех или иных ревизионных органов, подтвержденных сознанием подозреваемых.

В делах же об обвешивании и наценках необходимо изучение всей обстановки совершения преступления и при том с минимальным разрывом между временем совершения преступления и рассмотрением дела. При расследовании дел, касающихся ОПСов и др. торговых организаций, обслуживающих определенные производственные предприятия, чрезвычайно большой эффект может дать применение метода открытого следствия.

Квалификация действий виновных в тех случаях, когда обвешивание, обмеривание или превышение цен делается с целью совершения или сокрытия другого преступления, должна производиться как за обворовывание потребителя или как за сопутствующее преступление, в зависимости от того, какое из действий обвиняемого имеет наибольшую социальную опасность и соответственно строже карается.

Так например, если расследование установит, что обвиняемые в обворовывании потребителя занимались систематическим хищением государственной и кооперативной собственности, покрывая эти хищения с помощью обвеса потребителя и незаконных наценок на товары, — к лицам, виновным в этих систематических хищениях, должен применяться закон 7 августа 1932 г.

Незаконные наценки исходят довольно часто не от работников торговых точек, а от руководства данной торговой организацией. Судебная практика знает уже много таких случаев.

Незаконные наценки в этих случаях делаются для того, чтобы скрыть последствия бесхозяйственного ведения дела и заткнуть образовавшиеся в хозяйстве прорехи.

Таким образом и в этом случае превышение цен используется как способ сокрытия другого преступления, именно бесхозяйственности, халатности и т. д.

Однако действия виновных в установлении незаконных наценок должны квалифицироваться не по соответствующим статьям хозяйственных преступлений, а по закону 25/VII, т. к. на данной стадии именно это преступление представляет большую опасность.

Существует мнение, что обвешивание, обмеривание и незаконные наценки всегда только сопутствуют другим преступлениям, целиком покрываясь этими последними.

Это неверное представление.

Практика показывает, что в значительном количестве случаев обвешивание и т. д. покупателей совершалось и при отсутствии личной корыстной заинтересованности продавца в незаконном получении излишков товаров и денег, а являлось одним из проявлений «эмпманского духа», в торговле, проявлением психологии старых торговцев и хозяйских «приказчиков», работающих в нашем торговом аппарате в небольшом числе. Еще чаще обвешивание и незаконные наценки производятся «на всякий случай», имея в виду под этим «случаем» недотачи товаров (не от хищений) и не надеясь на прозорливость наших следователей и судей.

Но от отсутствия непосредственной корыстной заинтересованности, обмеривание, обвешивание и нарушение цен не перестает быть одним из наиболее злостных преступлений в нашей стране. Поэтому к виновникам и в этих случаях должен применяться закон 25 июля.

Однако в практике судебно-прокурорских органов встречалось и впредь встретится много случаев, когда, несмотря на наличие фактов прямого обвеса или обмера, к лицам, непосредственно допустившим эти факты, закон 25/VI все же применен быть не может.

Госинспекция цен обнаружила целый ряд торговых точек, преимущественно на селе, где обвешивание товаров производилось на весах, потерявших что называется 100% трудоспособности.

Взвешивание каждой покупки на этих весах сопровождается целой серией сложных манипуляций, в виде поддерживания подставки, подталкивания чашек и т. д. и т. п.

Роль гирь в этих торговых точках играют обломки кирпича, куски болтов, замки и другие «точные» измерители.

Проверка этих «гирь» конечно всегда давала отклонения от истинного веса (правда, не всегда в сторону уменьшения), что же касается весов, то их проверять было бесполезно, так как каждый раз они действовали по-разному.

Ясно, что при пользовании подобными гирями и весами потребитель терпит большой ущерб. Однако здесь, как правило, виновников следует искать не в торговой точке, а выше — в органе, снабжающем такие точки измерительными приборами.

Работники сельпо безрезультатно бомбардируют эти органы своими требованиями на присылку правильных весов и гирь и, не получая удовлетворения, выходят из положения как могут.

Было бы конечно неправильным привлекать их при таком положении к уголовной ответственности, как за пользование неправильными измерительными приборами, т. е. по закону 25/VI.

Но зато лица, от которых зависело снабжение торговых точек измерительными приборами и по вине которых эти точки пользовались кирпичами вместо гирь, должны привлекаться к строгой ответственности.

Другой случай этого же рода — это снабжение торговой сети неправильными измерительными приборами.

При выпуске в употребление неправильных измерительных приборов, заклеенных как правильные, ответственность за обвес потребителя должны нести не продавцы торгующей сети, а работники производственных предприятий, выпустившие эти приборы в употребление, и не по закону 25/VI, а по закону 8/XII.

Однако самая прекрасная работа следственного и судебного аппарата в части правильной их квалификации не будет иметь успеха в борьбе с обворовыванием потребителя, если прокуратура и суд не изменят темпов своей работы и не привлекут к ней внимание советской общественности.

Если виновник обвеса потребителей в каком-нибудь сельпо предан суду через год со времени совершения им этого преступления и притом осужден в отсутствие как тех, кого он обвешивал, так и тех, кто сменил его на работе, то при самом идеальном расследовании дела и при правильном назначении меры соцзащиты эффективность приговора суда как средства предотвращения подобных же преступлений сведется к нулю.

Работники суда и прокуратуры должны стремиться к тому, чтобы каждое дело, проведенное органами юстиции, получило тысячеголосый отклик. Только при этом условии сможем мы правильно и полно обслужить страну.

Это относится ко всей нашей работе вообще, а к работе по борьбе с такими массовыми преступлениями, как обворовывание совпотребителя и обман советского государства — в особенности.

т.т. Прокуроры!
включайтесь в работу
нашего журнала

Руководство следствием—важнейший участок работы край(обл) прокуратур

Не случайно одним из основных вопросов, обсуждавшихся на Всесоюзном совещании судебно-прокурорских работников, явился вопрос о состоянии следствия.

Всесоюзное совещание, в своей резолюции по докладу т. Акулова, было вынуждено констатировать, что следствие является самым узким местом в системе органов юстиции.

Тов. Вышинский, отметив в своем докладе неудовлетворительное состояние следствия, дал и анализ причин этого, указав, что это объясняется главным образом невысокой квалификацией следователей, невниманием их к своей работе и отсутствием руководства со стороны районных прокуроров.

Указав, что в отдельных краях и областях мы имеем уже сейчас хотя и немногочисленные, но хорошие кадры следователей, воспитавшихся уже в наших советских условиях, т. Вышинский сделал вывод, что «там, где следовательским делом прокуроры интересуются, где этому участку работы они придают значение, там за это время выросли следовательские кадры...».

Касааясь вопроса о качестве расследования, т. Акулов указал, что на эту сторону прокуроры должны обратить главное внимание.

«Необходимо, — сказал т. Акулов, — перестроить работу наших прокуратур таким образом, чтобы прокурор осуществлял непосредственное оперативное руководство подведомственными ему следственными органами, нес бы полную ответственность за качество расследования. В этих целях мы должны будем провести целый ряд мероприятий по улучшению следственной работы, по усилению руководства расследованием со стороны органов прокуратуры...».

На Всесоюзном совещании судебно-прокурорских работников в достаточной степени исчерпывающе говорилось и о путях перестройки руководства следствием, и о мерах, направленных к повышению квалификации следователей и к улучшению качества следствия.

Все это нашло отражение в резолюциях совещания, которые должны явиться программой действия для край(обл)прокуратур.

Особое значение высокого качества расследования и необходимости повышения квалификации наших следователей было подчеркнуто и в передовой статье центрального органа нашей партии — в газете «Правда» от 8 мая с. г.

«Советский следователь, прокурор, судья должны уметь деловым образом разобраться в конкретной обстановке, не упустить ни одной детали в процессе следствия и суда. Одной лишь преданности и классового чутья сейчас мало. Они должны быть культурными работниками, вооруженными специальными знаниями, чтобы еще выше поднять авторитет пролетарского суда, чтобы еще сильнее укрепить доверие масс к советской власти. Только при этом условии советский гласный суд будет беспощадно карать классовых врагов и выполнит почетную задачу укрепления

социалистического правосознания, выполнит роль одного из важных орудий по искоренению пережитков капитализма в сознании трудящихся масс».

Все это говорит об особой политической важности немедленной перестройки руководства следствием и поднятия качества расследования в соответствии с решениями XVII съезда ВКП(б) и указаниями Всесоюзного совещания судебно-прокурорских работников.

В порядке обмена опытом мы приводим справку о проделанной в этом направлении работе Московской областной прокуратуры.

Придавая особо серьезное значение перестройке работы райпрокуратур в сторону усиления руководства и надзора за следствием, Мособлпрокуратура, начиная с конца 1933 г., проводила в этом направлении ряд мер.

Особенно же эта работа была развернута во II квартале с. г., после объявления Прокуратурой Республики конкурса на лучшую постановку руководства следствием, в связи с чем Мособлпрокуратурой был заключен договор социалистического соревнования с Ленинградской облпрокуратурой, а также и на основе решений Всесоюзного совещания судебно-прокурорских работников.

Во всех выпускавшихся в течение II квартала бюллетенях Мособлпрокуратуры, а также на всех камерных совещаниях с участием райпрокуроров и на кустовых совещаниях райпрокуроров и народных следователей в достаточной степени был заострен вопрос о необходимости немедленной решительной перестройки работы районных прокуроров в сторону усиления руководства следствием.

Наряду с этим в выпускавшихся в течение II квартала с. г. специальных бюллетенях Мособлпрокуратуры по вопросам следствия был заведен особый раздел: «Руководство райпрокуроров следствием».

В этом разделе на основе материалов обследований систематически давались лучшие образцы постановки руководства следствием со стороны райпрокуроров и в то же время показывались недочеты, имеющиеся в этой области в той или иной райпрокуратуре.

В результате этого по большинству районов был достигнут решительный сдвиг в области непосредственного руководства следствием со стороны райпрокуроров.

Характерным в этом отношении является постановление совещания работников Коломенской райпрокуратуры от 21 апреля с. г., в котором было отмечено:

«Тот порядок наблюдения и руководства следователями со стороны райпрокуроров, который имел место ранее, не обеспечивает в должной мере как поднятия качества расследования, так и глубины его. Поручение для расследования материалов без предварительной проверки и конкретности в указаниях по делам в дальнейшем не должно иметь места».

Аналогичные решения были вынесены и в дальнейшем проведены в жизнь по ряду районных прокуратур.

По ряду районов — Павлово-Посадский, Ногинский, Ленинский, Тепло-Огаревский и другие — райпрокуроры уже в мае и июне дали хорошие образцы делового повседневного руководства следствием.

Например, в Павлово-Посадской райпрокуратуре еще с конца I квартала с. г. был введен порядок, согласно которому все материалы, передаваемые следователю для расследования, предварительно тщательно проверялись или лично райпрокурором, или же по поручению последнего одним из его соинспекторов. Проверка эта производилась не формально, а по существу, с одновременным собиранием всех нужных документов и выявлением не только самого факта преступления, но обычно и ответственных за него лиц.

Во всех этих случаях райпрокурор, прежде чем передать материал следователю для расследования, тщательно изучал весь материал, собранный во время проверки, и обычно на основе этого изучения составлял специальное мотивированное постановление о возбуждении уголовного преследования против тех или иных лиц и о передаче материалов следователю для расследования.

Важно отметить, что в этих постановлениях всегда давался полный анализ всех собранных проверкой материалов, излагалось существо состава преступления и указывались не только лица, против которых возбуждалось уголовное преследование, не только срок расследования, но нередко и метод расследования.

Наряду с этим райпрокурор повседневно осуществлял руководство по всем находящимся в производстве следователя делам.

Подобный метод руководства в сочетании с неплохой работой следователя обеспечил почти полное изжитие прекращений дел в результате расследования, правильный подбор дел, передаваемых для расследования следователю, быстрые темпы и неплохое качество расследования.

Этот образец правильной постановки руководства следствием, будучи широко освещен в начале мая с. г. в очередном бюллетене Мособлпрокуратуры, был перенят рядом районных прокуроров.

Однако по некоторым районам райпрокуроры не сумели быстро перестроиться и обеспечить надлежащее руководство следствием, особенно в части возбуждения уголовных дел и постановки надзора за расследованием, производящимся органами милиции.

Отдельные отстающие райпрокуроры Мособлпрокуратурой были взяты под обстрел в бюллетенях, и в то же время путем выездов на места этим прокурорам была оказана практическая помощь по перестройке работы, в результате чего даже наиболее отстававшие райпрокуратуры, в том числе и райпрокуратуры крупных промышленных районов в июне резко выправили следствие, показав неплохие образцы работы.

Продолжая работу по перестройке руководства райпрокуроров за следствием, Мособлпрокуратура проводит это путем усиления живого руководства, оказания помощи на местах отстающим на этом участке райпрокурорам, а также путем повышения квалификации последних на областных юридических курсах и вовлечением в учебу на заочных курсах Института советского права.

В областном аппарате руководство и надзор за расследованием по каждой группе одинаковых по производственному признаку районов осуществляются одним из зональных помпрокурора.

Это руководство и надзор осуществляется путем: 1) периодических, плановых выездов помпрокурора в районы с одновременным обследованием работы народных следователей и дачей им руководящих указаний, 2) вызовов нарследователей с докладом по наиболее важным, имеющим особое общественно-политическое значение делам в облпрокуратуру, где по этим делам давались исчерпывающие указания, 3) дачи письменных указаний нарследователям по проходящим через облпрокуратуру следственным делам как направляемым на дознание, так и по направляемым в суд, и по надзорным судебным делам, при наличии в этих делах тех или иных дефектов следствия, 4) дачи письменных указаний по отдельным вопросам следствия.

Во II квартале с. г. по сравнению с I кварталом руководство и надзор за следствием со стороны Мособлпрокуратуры значительно усилилось.

Если за I квартал с. г. зональными и старшими помпрокурора были сделаны выезды в 35 районов с одновременным обследованием работы народных следователей и дачей им указаний по находящимся в их производстве делам, то за II квартал таких выездов было в 46 районов, причем обследованием было охвачено 49 нарследователей.

Во II квартале также значительно шире практиковались вызовы народных следователей в облпрокуратуру с докладом по отдельным делам, причем в этих случаях следователям давались исчерпывающие указания в части квалификации круга лиц, подлежащих привлечению к уголовной ответственности, направления следствия и наконец методов дальнейшего расследования.

За II квартал было 67 таких выездов следователей в облпрокуратуру с докладами по делам.

За этот же период секторами облпрокуратуры был направлен на места ряд письменных исчерпывающих указаний по определенным, прошедшим за это время через облпрокуратуру делам, а также писем по отдельным вопросам следствия, в том числе и в связи с социалистическим соревнованием за лучшее качество следствия.

Наряду с этим силами осуществляющих общее руководство следствием и инструктаж народных следователей по всей области помпрокурора по следствию и ст. следователя для особых поручений также производились в плановом порядке выезды в районы специально для обследований всей работы и инструктажа народных следователей в связи с проводимыми кустовыми совещаниями следователей.

Если в I квартале такие выезды имели место в 38 районах с охватом обследования работы 4 следователей, то во II квартале выезжали в 17 районов с обследованием работы 28 следователей.

Во время этих выездов производилась не только проверка всех находящихся в производстве следователей дел с дачей по каждому делу письменных указаний, но и обследовалась вся работа следователей за предшествую-

щие полгода, в частности методы ведения следствия, связь с общественностью, профилактическая работа по следственным делам. Одновременно следователи получили исчерпывающий инструктаж по всем вопросам методики и техники расследования.

Помимо этого помпрокурора по следствию и ст. следователем для особых поручений в связи с проводимыми облпрокуратурой кустовыми совещаниями народных следователей была произведена проверка всех дел, находящихся в производстве у ряда следователей с дачей по каждому делу письменных указаний, для чего следователи вызывались со всеми делами в Мособлпрокуратуру или в один из районов области по месту созыва кустового совещания.

Такая проверка дел была произведена: за I кв. у 6 нарследователей 6 районов, а за II кв. у 36 нарследователей 31 района.

Таким образом всего Мособлпрокуратурой была обследована работа: в I кв. 55 нарследователей по 44 районам, во II кв. 113 нарследователей по 94 районам.

Некоторые наиболее отстающие и нуждающиеся в большей помощи следователи обследовались за истекшие полгода по два и более раз.

Помимо этого Мособлпрокуратура практиковала и иные, особенно усиленные во II квартале, методы руководства следствием, направленные к улучшению качества следствия и к повышению квалификации народных следователей. Такими практиковавшимися облпрокуратурой методами руководства следствием являлись:

1. Созыв кустовых совещаний народных следователей.
2. Созыв пятидневных конференций-курсов народных следователей.
3. Направление отдельных нарследователей на шестимесячные областные юридические курсы по переподготовке кадров.
4. Вовлечение нарследователей в учебу на заочных курсах Ин-та советского права.
5. Освещение работы нарследователей в очередных номерах бюллетеня Мособлпрокуратуры и выпуск специальных номеров бюллетеня по следствию.
6. Выпуск специальных писем по вопросам методики и техники расследования.
7. Заочное проведение следственных упражнений.

В этой части Мособлпрокуратурой была проведена большая работа.

Еще в конце 1933 г. Мособлпрокуратура приступила к проведению в плановом порядке кустовых совещаний народных следователей с участием некоторых из районных прокуроров.

С этой целью все 145 районов области были разбиты на 12 кустов по 10—15 районов на каждый куст.

К 1 июля с. г. кустовыми совещаниями были охвачены все народные следователи всех 145 (теперь — 144) районов области.

Решительная перестройка работы облпрокуратуры в этой части характеризуется следующими цифрами количества кустовых совещаний народных следователей, проведенных за первое полугодие с. г.: в I кв. — 1 с охватом 6 нарследователей и 2 райпрокуроров, во II кв. — 6 с охватом 60 нарследователей и 12 райпрокуроров.

Каждому из этих кустовых совещаний, как указано выше, предшествовало обследование работы и проверка дел у всех вызывавшихся на кустовые совещания нарследователей.

На кустовых совещаниях ставились отчетные доклады 1—2 народных следователей и инструктивный доклад представителя облпрокуратуры о недочетах работы следователей и о новых методах расследования.

Этот доклад делался на основе материалов обследования участников совещания и в достаточной степени иллюстрировался примерами из их практики, что обеспечивало лучшую усвояемость поставленных вопросов.

На некоторых, наиболее обширных по количеству участников, кустовых совещаниях следователей ставились и специальные доклады по вопросам методики и техники расследования дел о выпуске недоброкачественной и некомплектной продукции, а также об организации и проведении открытых следствий.

К созыву краткосрочных конференций-курсов народных следователей Мособлпрокуратура приступила лишь во II квартале с. г., причем в мае и июне было создано две конференции-курсы.

Первая конференция-курс проводилась в г. Москве с охватом 24 нарследователей промышленных и кустовых районов.

Вторая конференция-курс была создана в г. Туле с охватом ею 20 нарследователей, в основном картофельно-животноводческих, зерновых районов и частично районов тяжелой промышленности.

Помимо обмена опытом между следователями и учебы по определенной программе на первой конференции-курсах совместно с Институтом уголовного политики при Прокуратуре Союза ССР были проведены так называемые следственные упражнения, вполне оправдавшие свое назначение и как метод инструктажа и повышения квалификации получившие самые лучшие отзывы со стороны следователей, участников конференции-курсов.

Этот метод повышения квалификации следователей с немалым успехом был применен и на второй конференции-курсах.

Каждая из конференций-курсов заняла у ее участников 42 часа, причем учебная программа была рассчитана на 36 часов и охватывала следующие вопросы:

- а) значение и применение закона от 7/VIII 1932 г. и от 16/II 1933 г.,
- б) значение инструкции от 8/V 1933 г. и обязанности, возлагаемые ею на органы расследования;
- в) уголовный процесс в части: теории доказательств, важнейших процессуальных норм и подследственности,
- г) частные методики расследования дел: о качестве продукции, о растратах, о хищениях, по снабжению и общественному питанию, о недоброкачественном строительстве, а также кампанейских дел,
- д) методы и формы привлечения ответственности к участию в расследовании,
- е) организация и проведение экспертиз: бухгалтерской, технической и судебно-медицинской.

Помимо того на каждой конференции-курсах было выделено по 2 часа для консультации по всем важнейшим вопросам следствия.

Конференции-курсы преследовали цель в короткий срок дать следователям основные

понятия по всем включенным в программу вопросам и направить всех участников на путь дальнейшей углубленной работы над собой, на путь дальнейшего поднятия своей квалификации.

Эта цель проведения конференций-курсов была достигнута.

Иллюстрацией этого могут служить приводимые ниже выдержки из выступлений следователей на заседаниях конференций, а также из заметок, помещенных в выпускавшихся участниками конференций-курсов стенных газетах:

«Конференция явилась лучшей системой переподготовки народных следователей и закрепления имеющегося у них опыта...».

«Созыв конференций-курсов вызвал новую волну среди нарследователей в деле поднятия квалификации и превращения нарследователя в политическую фигуру в районе...».

«Передача опыта через бюллетени, конференции и кустовые совещания внесла в работу следователя много новых методов, улучшив связь с общественностью. Следователи вышли из секретных кабинетов в общественность и о выявленных фактах, порождающих преступность, сигнализируют соответствующим организациям и освещают в печати...».

«По окончании курсов, правда, хотя и не продолжительных, но давших нам многое, мы на местах должны все полученное приложить в своей практической работе, чтобы стать действительными мастерами своего дела...».

Участники первой конференции-курсов следователей выпустили специальное обращение ко всем следователям области о необходимости более решительной перестройки работы, дальнейшей учебы, работы над собой и упорной борьбы за высокое качество следствия.

В области наиболее углубленной учебы Мособлпрокуратура проделала следующую работу: за первое полугодие было направлено на областные юридические курсы по переподготовке 7 народных следователей, которые в настоящее время заканчивают учебу. Заочниками Института советского права в настоящее время состоит 20 народных следователей. С осеннего лабора это количество в результате проведенной в этом направлении работы значительно увеличится. Всем заочникам облпрокуратурой предоставлен один свободный от работы день в шестидневку (помимо выходного дня) для учебы и помимо того обеспечен выезд в Москву на конференции заочников.

Начиная с конца 1933 г. Мособлпрокуратура приступила к периодическому выпуску бюллетеней, которые рассылаются во все райпрокуратуры.

Во всех бюллетенях известное внимание уделялось и уделяется вопросам следствия.

Помимо того во II квартале облпрокуратурой было выпущено 3 бюллетеня специально по вопросам следствия, с освещением в этих бюллетенях: а) хода соцсоревнования между следователями, б) хорошего опыта и недостатков в области ведения следствия и руководства следствием со стороны районных прокуроров и зональных помпрокурора и в) с дачей отдельных директивных указаний в области следствия. Эти бюллетени, часть из которых была иллюстрирована, имели большее значение в разветывании соцсоревнования

между следователями, способствуя повышению качества следствия.

Вместо рассылавшихся ранее методических писем по отдельным вопросам следствия, которые не всегда использовались на местах как практическое пособие для следователей в их повседневной работе Мособлпрокуратура, начиная со II квартала с. г., приступила к выпуску специальных методических бюллетеней, представляющих собою сборник нескольких писем по вопросам методики и техники расследования отдельных категорий дел или организации проведения отдельных следственных действий.

Выпуск методических писем небольшими сборниками—специальными бюллетенями—Мособлпрокуратура считает наиболее целесообразным, т. к. при такой системе будет обеспечена возможность постоянного пользования нарследователями этими бюллетенями как практическим пособием.

Во II квартале Мособлпрокуратурой выпущен один специальный методический бюллетень, в который вошли письма по вопросам:

- 1) организации и проведения открытых следствий,
- 2) организации и проведения технической экспертизы,
- 3) организации и проведения бухгалтерской экспертизы,
- 4) положение о суд.-медицинских экспертизах.

Этот порядок выпуска методических писем сборниками, как наиболее целесообразный, Мособлпрокуратура решила закрепить и на будущее время.

Учитывая исключительно положительные результаты проведения на конференциях-курсах следственных упражнений, которые метод повышения квалификации следователей получили наилучшие отзывы со стороны участников конференций-курсов, Мособлпрокуратура, не отказываясь от практики применения этого метода учебы на очередных конференциях-курсах и даже на кустовых совещаниях следователей, приступила и к заочному проведению следственных упражнений, поместив в последнем номере бюллетеня специальное письмо и первое задание по расследованию дел о хищениях.

Для оценки этого нового в нашей области метода повышения квалификации следователей надо привести некоторые наиболее характерные отзывы участников конференций-курсов о следственных упражнениях.

«Мне лично очень много дало следственное упражнение, а именно: раньше я проводила следствие без всякого плана и более того—экспертизу почти никогда не назначала, ограничиваясь ревизиями. Мне теперь ясно, почему мне тяжело было работать и как я расплывалась в работе. Считаю необходимым долгом облпрокуратуры заочно проводить эти упражнения с нами, чтобы этим помочь следователю поднять свою квалификацию. Это даст еще больше и этим самым мы будем исправлять недостатки в своей работе». (Следователь Кимрского р-на).

«Метод повышения квалификации следователей путем проведения следственных упражнений я считаю очень ценным. После проведения занятий я сразу вспомнил ряд ошибок по ряду дел, которые окончил в процессе своей работы. Следственное упражнение пока-

зало, как надо вести расследование, как приступить к следствию, как привлекать к участию в расследовании общественность, что нужно расследовать и до каких пределов (предмет и предел расследования). До настоящего времени я допускал по ряду дел приобщение к делу ненужного материала, что становилось очевидным лишь по окончании дела. Следственное управление показало, как надо освободиться от всего ненужного в деле». (Следователь Боровского р-на).

Аналогичные положительные отзывы дали все участники конференций-курсов.

В результате всей совокупности протекавшей по определенному плану работы по решительной перестройке руководства следствием Мособлпрокуратура во II квартале с. г. добилась значительных сдвигов в области работы следователей и повышения качества расследования.

Среднее количество дел, заканчиваемых каждым из следователей Московской обл. в месяц, за II квартал возросло до 8,5 дел, из них 6,6 дел с обвинительным заключением.

Надо учесть, что эта цифра среднего окончания дел является заниженной за счет небольшой группы отстающих следователей, тянущих назад всех остальных.

Процент прекращения дел в результате расследования снизился до 14,9%.

Сроки расследования значительно сократились: в сроки до 10 дней было расследовано

50,1% общего количества законченных во II квартале следственных дел.

Привлечение общественности к участию в расследовании имело место по 17,8% от общего количества законченных дел.

В течение II квартала по области по 139 делам расследование велось с применением методов открытого следствия, что составляет около 6% от общего количества законченных дел.

По 18% дел следователями были проведены меры профилактического порядка.

Таковы средние цифры, большинство же следователей показали значительно лучшие образцы работы.

Имея во II квартале и особенно за июнь некоторые достижения в области постановки руководства следствием и повышения качества следствия, Мособлпрокуратура не останавливается на достигнутых успехах и, по инициативе группы прокуроров зерновых районов и Тульской прокуратуры, объявила с 1 июля с. г. по 1 января 1935 г. социалистическое соревнование на лучшего районного прокурора, старшего и народного следователя — ударника Московской обл. по перестройке работы на основе директив XVII съезда партии и решений Всесоюзного совещания судебно-прокурорских работников по поднятию качества следствия на высшую ступень.

Хаевский

О перестройке районной прокуратуры

Задачи организационной перестройки прокурорских органов, вытекающие из решений XVII съезда партии, потребовали проведения ряда мероприятий, направленных к улучшению качества судебно-прокурорской работы во всех ее звеньях.

Обсуждая конкретные шаги в этом направлении, I всесоюзное совещание судебно-прокурорских работников своими резолюциями подчеркнуло, что главными задачами, определяющими основное направление работы в новых условиях, должны явиться: а) ликвидация разрыва между судебной деятельностью прокуратуры и работы по надзору за законностью наряду с повышением личной ответственности прокурорских работников за порученную им работу; б) усиление внимания к судебной деятельности, заключающееся в том, что основной для прокурора должна стать работа в суде; в) улучшение качества следственной работы, а следовательно и следственного аппарата как одного из основных условий, обеспечивающих повышение качества работы суда, и наконец г) лучшая организация работы прокурорского актива (совместительство, группы содействия, общественные обвинители и т. д.), обеспечивающая, с одной стороны, укрепление прокуратуры, а с другой — разрешающая ленинскую задачу — вовлечения трудящихся в управление государством. В соответствии с этим совещание подчеркнуло, что основным оперативным звеном в системе прокурорских органов является рай-

онная прокуратура, наиболее близко соприкасающаяся с широкими массами трудящихся и от четкой работы которой в значительной мере зависит работа вышестоящих прокурорских органов.

3 месяца отделяют нас от совещания и опубликования директивного письма прокурора Союза о постановке работы районной прокуратуры, время вполне достаточное для подведения некоторых итогов. Что же мы имеем на сегодня в деле перестройки? Каких успехов добились в этом направлении райпрокуроры и в какой мере обеспечена была им помощь со стороны вышестоящих прокурорских органов? Все это должны были проверить выехавшие на места по инициативе т. Акулова работники Прокуратуры Союза.

Каковы же итоги проверки?

Для наглядной характеристики того, как реализуется на местах директива совещания и прокурора Союза, мы позволим себе проиллюстрировать работу Макеевской прокуратуры (Донбасс). Пример Макеевки является наиболее характерным по той причине, что там создается комплекс наиболее благоприятных условий в смысле возможностей перестройки. Макеевка — крупный промышленный центр, находится в 16 километрах от облпрокуратуры (Сталино), и кроме того макеевский прокурор был делегатом Всесоюзного совещания и является довольно крепким работником районного масштаба.

Таким образом, показывая на Макеевке все недочеты в деле проведения перестройки, мы имеем все основания считать их типичными для основной массы прокуратур, не имеющих столь благоприятных как Макеевка условий.

Макеевка — промышленный район с незначительным по удельному весу сельским хозяйством, насчитывающий свыше 200 000 населения, из которых до 70% рабочих.

Штат Макеевской районной прокуратуры: 1 прокурор, 3 помощника, 5 следователей и 4 технических работника. Фактическое наличие — 1 прокурор, 1 помощник, 4 следователя и 4 технических работника. Необходимо указать, что незаполнение вакансий двух помощников вытекало не из отсутствия необходимости, а объяснялось отсутствием помощи области, не дававшей людей в то время, когда на месте нужных работников подыскать не представлялось возможным.

Таким образом основной и пожалуй единственной трудностью в деле перестройки для Макеевки являлась чрезмерная перегрузка работой самого районного прокурора.

Несмотря на близость района от областного центра (½ часа езды), фактически со стороны последнего никакой конкретной помощи райпрокуратуре в деле перестройки оказано не было.

Хотя по словам областного прокурора т. Кумпиевича областная прокуратура проводила ряд кустовых совещаний районных прокуроров и следователей по проработке резолюций Всесоюзного совещания, однако прокурор и следователи Макеевки категорически опровергли факт своего участия в этом совещании, заявляя, что они о нем ничего не знали.

Недостаточная помощь области и республики в деле перестройки работы районной прокуратуры сказалась и в невыполнении решения Всесоюзного совещания о сокращении отчетности, сводок и докладов, представляемых райпрокурором в область и республику.

Вместо сокращения область установила дополнительно новую форму учета дознательских и следственных дел, связанных с промышленностью, в 82 графы.

Не осуществляя конкретной помощи в перестройке райпрокуратуры, областная прокуратура наводняет районную прокуратуру циркулярами общего порядка. Так за I полугодие 1934 г. район получил 19 циркуляров из НКЮ Республики и 32 из областной прокуратуры (в среднем по 8 в месяц), причем по каждому циркуляру требовалось представление тех или иных докладов, сведений и т. д.

Характерной иллюстрацией этой формы бумажного руководства являются такие циркуляры, как циркуляр облпрокуратуры, предлагающий работникам юстиции (наследователям, судьям, членам коллегии защитников и активу) проработать положение о сельхозналоге и самообложении среди колхозников и единоличников в форме бесед и докладов.

Не говоря уже о том, что областная прокуратура не может ничего предлагать судьям и членам коллегии защитников, этот циркуляр возлагал на прокуратуру совершенно несвойственные ей задачи чисто пропагандистского характера. Можно привести в качестве примера и такой циркуляр, как циркуляр о мероприятиях по разгрузке Донбасса, выполнение которого требовало, с одной стороны, наличия

квалификации инженеров и экономистов от работников прокуратуры, а с другой стороны — загрузки их исключительно работой по выполнению циркуляра в течение длительного периода времени, причем эта работа по существу должна была подменить собой работу хозяйственников.

Можно было бы привести еще ряд аналогичных циркуляров и других фактов более чем слабого руководства, однако и приведенного достаточно для того, чтобы показать, что со стороны облпрокуратуры никаких мероприятий по реализации директивы прокурора Союза в отношении Макеевки проведено не было.

Что же сделал сам райпрокурор как непосредственный участник Всесоюзного совещания?

По приезде из Москвы райпрокурор провел совещание работников прокуратуры, суда, милиции и членов коллегии защитников, на котором доложил о совещании и его решениях (на основе имевшихся у него проектов резолюций). Однако, как показало обследование, единственным итогом этого совещания явилась весьма общая резолюция, не ставившая непосредственно практических задач в работе райпрокуратуры и связанных с ней органов. Более того, как показала беседа с работниками райпрокуратуры, последние сами ни письма о перестройке, ни резолюции совещания не читали и никакого понятия, несмотря на проведенное совещание, о задачах и путях перестройки работы районной прокуратуры не имеют.

Было бы все же неверным утверждать, что в Макеевской прокуратуре никаких сдвигов в деле перестройки не имеется. Некоторые сдвиги безусловно есть, но объясняются они исключительно фактом участия прокурора в работе Всесоюзного совещания, с одной стороны, а с другой — его довольно высокой квалификацией как работника.

Одним из несомненных и значительных сдвигов в направлении перестройки следует считать отказ районной прокуратуры от выполнения несвойственных ей функций. Так прекращена практика рейдов, обследований, проверок и т. д.

Другим достижением районной прокуратуры следует считать разгрузку ее от участия в заседаниях, совещаниях и мобилизациях, не связанных с работой прокурора. Единственными заседаниями, в которых участвует райпрокурор, являются заседания райкома ВКП(б), членом которого он является.

Известных успехов добилась районная прокуратура и в деле отсева не относящихся к прокуратуре жалоб, равно как и в деле оперативного разрешения тех жалоб, которые имеют непосредственное отношение к прокуратуре.

Для характеристики работы райпрокурора в этой области следует отметить, что всего с 1 января по 1 июля с. г. в райпрокуратуру поступило 1372 жалобы, разбивающихся по своему характеру следующим образом:

Жалобы на приговор суда	105
» трудовые	123
» жилищные	147
» налоговые	111
» разные	886

Из этого количества райпрокуратура удовлетворила 774 жалобы, остальные же в основ-

ном направлены в соответствующие органы или оставлены без последствий.

Ознакомление с приемом посетителей прокурором, а также реагирование прокурора на поступающие письменные жалобы и переписку показали, что прокурор дает верное направление жалобам и жалобщикам, умеет выпятить основное в жалобе и разрешает жалобы не формально, а по существу.

Однако если прокуратура имеет некоторые достижения в деле разрешения жалоб, поступающих непосредственно от населения, то в отношении жалоб и заявлений, поступающих от хозорганов и учреждений, таких достижений нет.

Анализ этой категории жалоб показывает, что в данном случае прокуратура в значительной мере занималась несвойственными ей функциями толкачества и подмены собой арбитража.

Говоря о жалобах, нельзя не отметить, что даже при наличии правильного подхода к отсеву и разрешению определенной категории жалоб, существенным недостатком в этой области является полное отсутствие обобщения фактов, о которых сигнализируют отдельные жалобы (зарплата, неправильность увольнения и т. д.) и отсутствие в результате этого сигнализации соответствующими органами о фактах неблагополучия в тех или иных учреждениях или организациях района.

Огромнейшим недочетом работы райпрокуратуры следует считать совершенно неудовлетворительную работу с прокурорским активом. В этом направлении, несмотря на директивы прокурора Союза и специальное решение совещания, фактически ничего не сделано.

Имеющиеся группы содействия не охватывают всех предприятий района и в работу этих групп включилось всего 45 чел. Никакого руководства работой актива по существу нет и работа групп содействия сводится к отдельным случайным сигналам прокурорам о тех или иных фактах. Повседневного наблюдения за работой групп содействия и помощи в их работе нет. Прокурор не пытался направить работу групп содействия на определенные узловые моменты, например техника безопасности, качество продукции, использование механизмов, зарплата и т. д., давая им тем самым ориентировку в работе и обеспечивая для себя своевременную сигнализацию по этим важнейшим для прокурора вопросам. В результате работа групп содействия шла самотеком и последние не представляют себе задач своей работы.

Точно так же абсолютно недостаточна работа с соцсовместителями. Из числящихся формально в райпрокуратуре 4 соцсовместителей фактически работает только один замещающий следователя, да и то его работа далека от того, чему следовало бы учить соцсовместителя прокуратуры. Такого института, как общественные обвинители, у райпрокуратуры вообще нет.

В то время как основным в деле перестройки должно было явиться усиление участия прокуратуры в судебной работе, положение на этом участке работы на сегодняшний день следует признать совершенно неудовлетворительным. Подтверждением этого может служить такой факт, как хаотическое состояние дел в нарсуде, при котором около 800 дел лежат нерассмотренными с 1933 г.

Хотя райпрокурор и сигнализировал в облсуд и Верхсуд Республики о положении дела в нарсуде, однако конкретного улучшения дела добиться не сумел. В результате имеет место такое возмутительное положение, при котором смазалось политическое значение массы дел, преступники остались безнаказанными, а предварительная работа прокуратуры пошла на марку.

Не говоря уже о том, что прокурор не сумел предотвратить превращение нарсуда из острейшего орудия классовой борьбы в неповоротливую бюрократическую машину, дискредитирующую органы пролетарской диктатуры, он не проявил должной энергии в доведении до конца своих сигналов, не поставил вопроса перед Верхсудом и Прокуратурой Союза, с одной стороны, а с другой — не обеспечил продвижения тех из залежавшихся 800 дел, которые еще не потеряли своей актуальности.

В порядке надзора в 1934 г. райпрокуратура затребовала 132 дела, внеся по ним лишь 22 протеста (меньше чем в 1933 г.). На момент обследования из нарсуда было затребовано еще 15 дел, однако несмотря на месячную давность затребования и территориальную близость, эти дела до сих пор прокурором не получены.

Характеристикой совершенно недостаточной работы по надзору за судом является, помимо приведенного, еще и то, что почти по всем делам, по которым не было непосредственного выступления прокурора, решения суда районной прокуратуре неизвестны, точно так же неизвестны и результаты всех 22 протестов.

Следует подчеркнуть, что так же как и по жалобам, совершенно отсутствует анализ проходящих через прокуратуру дел и обобщение преломляющихся в них фактов для соответствующих выводов в своей работе и сигналов заинтересованным организациям.

Точно так же вопреки неоднократному подчеркиванию в директивах всего значения качества следственной работы и превращения следователя в центральную фигуру райпрокуратуры эта задача районным прокурором ни в коей мере не реализована.

Надзор за следствием также слаб, как и за судебной работой. Причем до Всесоюзного совещания надзор осуществлялся не прокурором, а его помощником по следственному надзору.

Загрузка следственного аппарата райпрокуратуры представляется в следующем виде: всего в 1934 г. закончено следствием и передано в суд 92 дела. От милиции через следователей прошло 2003 дознанных дела, из них направлено в суд 953. На прекращение через милицию поступило 1432 дознанных дела, из них направлено в суд 9, для дознания — 5, остальные прекращены. От инспекторов орсов поступило 78 дознанных дел, из них направлено в суд 61 и прекращено 3. Кроме того через следственные камеры прошло (поступившие через милицию, прокурора и разные организации) для административного надзора 733 поручения.

Несмотря на то, что примерно по 60 следственным делам (из 92) надзор осуществлялся прокурором, а по остальным его помощником, качество этого надзора явно неудовлетворительно. Подробное ознакомление с делами и обвинительными заключениями показало в одних случаях плохое качество расследования

и во всех почти случаях абсолютно безграмотное составление обвинительных заключений.

Никаких выводов из доклада т. Вышинского на Всесоюзном совещании о качестве следственной работы сделано не было, что подтверждается тем, что в ряде случаев обвинительные заключения не дают никакого представления о действительном положении вещей. В ряде заключений нет даты их составления. Как правило, фиксируя в заключении непризнание вины обвиняемого, следователь не приводит его объяснений, выводы заключения зачастую не соответствуют его описательной части и наконец ряд заключений пригодны только для юмористических журналов. Для иллюстрации этого можно привести такую цитату из одного заключения по делу злоупотребления бухгалтером МТМ: «...Старший бухгалтер Махайленко — тип канцелярского бюрократа, зарвавшись начал дипломатически тормозить ремонтом тракторов своими действиями пьянками наценками на продукты рабочего питания, не желая помогать трудностям, какие возникают при МТМ». Подобные перлы имелись и в ряде других заключений, причем небезынтересно отметить, что следователи райпрокуратуры далеко не слабые работники, имеющие приличный стаж работы, кончавшие юридические курсы, и не плохо материально обеспеченные.

Отсутствие должного надзора за следствием подтверждается и тем, что у следователей на руках имелся поступивший к ним помимо прокурора материал по делам выпуска недоброкачественной продукции и техники безопасности, который лежал у них без движения (3 дела по выпуску недоброкачественной продукции и 11 дел по технике безопасности). Характерно отметить, что в этих делах по технике безопасности имеется 5 смертных случаев, и вместе расследования этой категории дел в 5-дневный срок они лежат без движения от одного до двух месяцев. Небезынтересен и такой факт: 19/VI прокурор поручил милиции расследовать причины невыплаты зарплаты 80 рабочим. 20/VI, т. е. через месяц, милиция вернула этот материал, ничего не сделав, следователю; у последнего на момент обследования, 28/VI, он лежал без движения.

Отсутствие должного наблюдения прокуроров за работой следователей подтверждается тем, что о всех этих фактах прокурор не знал, и выяснились они лишь во время обследования, когда были проверены все дела и материалы, находящиеся на руках у следователей.

Небезынтересно подчеркнуть, что наиболее важными делами с точки зрения следователей являются дела по растратам, бандитузму и преследованию общественности. Все остальные (качество продукции, техника безопасности, материально-бытовые условия трудящихся и т. д.) считаются менее важными и затягиваются производством.

Следует особо остановиться еще и на таком важном участке работы райпрокуратуры, как надзор за милицией.

При правильном в основном разграничении между милицией и нарследователями дел по их масштабу все же в значительном количестве случаев милицейское дознание ведется по таким сложным делам, которые милиции не под силу.

Непосредственное наблюдение за дознаниями в органах милиции, осуществляемое следователями, является, как показала беседа с дознательскими работниками милиции, формальным, что представляется совершенно недопустимым в условиях чрезвычайно низкой квалификации милицейских работников.

Слабость этого руководства сказывается и в том, что при чрезвычайно низкой квалификации милицейских работников из 2000 дознательских дел возвращено для доследования лишь 27, а прекращено 28 дел, а из 845 дел, направленных милицией на прекращение, иное направление дано только по 9 делам.

Недостаточность надзора сказывается и в затяжках сроков дознания. Так, милицейское дознание проводилось до 10 дней по 352 делам, от 10 до 20 дней по 552, от 20 дней до 1 месяца по 2374, от 1 месяца и выше по 468 делам. Никакого выделения дел в смысле ускорения сроков их расследования нет.

Следует подчеркнуть, что со стороны прокурора никакого надзора за тем, как ведется дознательская работа в милиции и как руководит ею следователь, не было.

Не выполнялась также и установка о непосредственном наблюдении со стороны прокурора за арестами. Так, санкцию на аресты в большинстве своем давал не прокурор, а его помощник, причем эта санкция по существу являлась формальной, так как помпрокурора не всегда указывал, на какой срок действительно санкция.

Наглядной иллюстрацией формального подхода помпрокурора к делу санкционирования арестов является следующий факт: по одному хулиганскому делу 2-е отделение милиции представило постановление о задержании 4 человек. В отношении трех действия их, требующие заключения под стражу, были мотивированы, в отношении же 4-го, некоего Кошелева, ничего сказано не было. Тем не менее помпрокурора, не имея никаких оснований для заключения под стражу Кошелева, такое заключение санкционировал.

Никаких арестных книг в отделении милиции Макеевки не имелось, точно так же, как в практике работы, не было никаких письменных указаний со стороны прокурора или его помощника во время посещения ими камер заключения.

Приведенные факты практики работы Макеевской прокуратуры со всей очевидностью показывают, что основные участки работы районного прокурора, по которым в первую очередь надлежит провести в жизнь обеспечивающие перестройку мероприятия, до сих пор продолжают оставаться в воле самотека и того положения вещей, которое имело место до решения совещания и директивы прокурора Союза.

Каковы же выводы из того состояния работы райпрокуратуры, которое мы имеем в Макеевке? Основное — это конечно то, что перестройка районных прокуратур, несмотря на совершенно четкие указания по этому вопросу, находится в зачаточном состоянии, причем основная доля ответственности за это ложится на областных, краевых и республиканских прокуроров, не сумевших обеспечить конкретного руководства и реальной помощи в деле перестройки.

Даже те незначительные мероприятия, которые проводились со стороны областей, краев и республик в направлении перестройки, не могли дать положительного эффекта, так как из-за отсутствия контроля исполнения до конца они доведены не были.

Недопустимое положение с реализацией решений I всесоюзного совещания и директивы прокурора Союза требует решительных мер, направленных к изменению существующего положения вещей.

Должен быть положен окончательный предел недопустимой недооценке исключительных по степени своей важности указаний.

Прокуроры областей, краев и республик должны твердо уяснить себе, что перестройка райпрокуратуры является не формой, а способом, от которого зависит дальнейшее направление работы. Нельзя забывать, что без изменения содержания и методов работы райпрокурора не может быть перестроена работа вышестоящих звеньев прокуратуры в соответствии с теми требованиями, которые поставила перед ними партия.

Выполнение важнейших директив партии и правительства, повседневное наблюдение за осуществлением революционной законности, воспитание новой дисциплины в сознании трудящихся немислимы в условиях того самотека в работе, который зачастую захлестывает райпрокурора.

Только правильная организация работы, усиление внимания таким участкам, как суд, следствие и работа милиции, наряду с подлинным отказом райпрокуроров от несвойственных им функций, т. е. по существу безоговорочная и немедленная реализация, под руководством и при непосредственном участии областных, краевых и республиканских прокуроров, совершенно ясных и конкретных указаний I всесоюзного совещания и прокурора Республики—обеспечит превращение райпрокуратуры в четкий и гибкий аппарат укрепления социалистической законности и внедрения социалистического правосознания в широкие массы трудящихся, в аппарат, который должен быть мощным оружием диктатуры пролетариата.

В. Лебединский, Г. Смоленский

Суд и прокуратура в борьбе за уборку урожая и зернопоставки

Рост организационно-хозяйственного укрепления колхозов и совхозов обеспечил в этом году успешное завершение весеннего сева и не менее успешный разворот уборочной и хлебозаготовительной кампаний. Несмотря на целый ряд блестящих показателей в деле проведения уборки урожая этого года и выполнения плана зернопоставок, в результате преступных действий классово враждебных элементов, бесхозяйственности, халатности и разгильдяйства отдельных работников колхозов и совхозов, мы имеем целый ряд преступно бесхозяйственных фактов, тормозящих проведение уборочной и хлебозаготовительной кампаний.

На оперативном совещании Прокуратуры Союза докладами ряда республиканских, краевых и областных прокуроров (Харьков, Одесса, Днепропетровск, Азово-Черноморье, Саратов и др.) о проделанной ими работе по уборке урожая и выполнении плана зернопоставок, был вскрыт целый ряд таких фактов вылазок классового врага, направленных на срыв уборочной и зернопоставок, и фактов антигосударственных тенденций и преступно бесхозяйственного отношения отдельных работников колхозов, совхозов к делу выполнения заданий партии и правительства по уборке урожая и плана зернопоставок государству. Не имея возможности подробно останавливаться на проделанной прокуратурой работе по борьбе с указанными фактами, мы остановимся лишь на отдельных отрицательных моментах в деле уборки урожая и зернопоставок, требующих, по нашему мнению, мобилизации внимания на их преодоление не только органов суда и прокуратуры, но и всех партийных и советских организаций.

Все еще имеет место грубое нарушение, а в отдельных случаях прямое игнорирование неоднократных указаний партии и правительства о борьбе с потерями урожая: В Кривоозерском р-не Одесской обл. участковый агроном Мороз и председатель Тризубовского сельсовета сделали распоряжение колхозу «Червоный партизан» косить еще незрелый хлеб. Когда председатель и бригадир этого колхоза не подчинились этому распоряжению, то агроном и председельсовета составили акт от 29 июня следующего содержания: «На основании постановления Совнаркома о зрелости хлеба предложить председателю колхоза «Червоный партизан» Осипенко не позже сегодняшнего 29 июня косить хлеб в связи с тем, что в этом году будет сплошная уборка посевных». Благодаря этому провакционному акту колхоз скошил 30 га зеленой ржи. Агроном и председельсовета привлечены к уголовной ответственности. В ряде же мест благодаря несвоевременному ремонту уборочных машин косовица преступно затягивается и хлеб восковой зрелости стоит нескошенным. Так, в колхозе им. политотдела Азово-Черноморского края 10/VI не было скошено 170 га зрелой пшеницы, а к уборке ячменя и овса совершенно не приступили, причем в этом колхозе систематически не выполняется норма выработки, и ежедневно вместо 50 га скашивают 30 га. По плану должны косить 13 жаток, а косят 9, а из 2 имеющих комбайнов ни один не работает. Аналогичная картина и в колхозе «Борьба за коммуны» того же края, где из 23 жаток работают 11, а 12 стоят из-за неисправности. Сильно отстает косовица и по ряду совхозов. Так, в совхозе им. XVII партконференции

Одесского зернотреста на 15/VII из подлежащих уборке 5733 га скошено только 1542 га, а обмолочено 74 га, при этом государству не сдано было ни одного центнера хлеба, МТС на 28/VI использовала жатки только на 50%, а тракторный парк стоял из-за отсутствия горючего. При таком отставании в уборке не всюду полностью используются комбайны; о наличии антикомбайного настроения в отдельных МТС и совхозах сообщает ряд прокуроров: так, в Курганенском р-не Азово-Черноморского края из 33 комбайнов работает всего 5 и то неудовлетворительно, в колхозе «Пятилетка в 4 года» Одесской обл. председатель колхоза отдал распоряжение площади, предназначенную под покос комбайнами, косить лобогрейками.

В Петуховской МТС (Челябинская обл.) на 1/VII из 30 подлежащих ремонту комбайнов отремонтировано только 8, а из 50 сноповязалок, из 75 лобогреек, 36 молотилок, подлежащих ремонту, ничего не отремонтировано, а по области в целом комбайны на 20/VII отремонтированы только на 68,7%. Недостаточно также развернута борьба за сбор колосьев на полях. Есть случаи, сообщает прокурор Одесской обл., когда количество оставленных на поле колосьев достигает до 1 центнера, в ряде колхозов имела место пахота полей, на которых еще не собраны колосья. По колхозам Саевского сельсовета Липово-Долинского р-на правления колхозов не организовали уборки колосьев, разрешили собрать их детям колхозников для себя; узнав об этом, колхозники, убирающие поля, оставляли до 25% колосков, а за ними шли их дети и убирали эти колоски, а в ряде районов (Галач, Ахтырка) 60% собранных на полях колосков оставались колхозу, а 40—сбирающим.

Особого внимания требуют факты потери при молотбе. Так, в колхозе «Перемога» Днепропетровской обл. из одной горсти намолоченной половы от пшеницы навеяно 37 штук хорошего качества зерна, а из того же количества ржаной половы 53 зерна, в колхозе «Червона культура» Одесской обл. в отходах обнаружено около 30 тонн зерна, в Тилигула-Березанском р-не машинист-кулак пустил в солому 5 тонн зерна и т. д.

Отдельные факты, сообщаемые прокурорами, сигнализируют о том, что в некоторых местах внимание к борьбе за охрану зерна от расхищения ослабело. Ярким примером этого является случай, сообщаемый прокурором Одесской обл.

В Бобринецком р-не для шоферов, занятых перевозкой зерна, установлен был в случаях недостачи зерна штраф в 10-кратном размере против государственной цены хлеба, а т. к. 10-кратная цена ниже рыночной, то шоферы в автоколонны систематически занимались хищением перевозимого зерна; один только начальник автоколонны Мордновский похитил 15 мешков зерна.

Все эти хищения зерна свидетельствуют одновременно и о том, что охране зерна в колхозах и совхозах не уделяется должного внимания.

Органы прокуратуры за последние дни вскрывают целый ряд фактов антигосударственных тенденций со стороны отдельных работников совхозов и колхозов при выполнении зернопоставок, которые в основном сводятся к прямому обману государства путем уменьшения урожайности и извращения указа-

ний партии и правительства об авансировании колхозников. По Одесской обл. возбуждено 20 дел, в том числе дело совхоза им. Вегера, о котором сообщалось уже в печати, по Воронежской обл. 13 и ряд дел по другим краям и областям. Приведем ряд этих дел: директор Аминовского совхоза (Днепропетровск) составил акт на 180 га пшеницы как негодной к уборке, в действительности же с этой площади урожай был снят. Директор предан суду. В Кропоткинском совхозе было намолочено 9635 ц пшеницы, а сдано государству только 2977 ц. При расследовании директор мотивировал слабые темпы сдачи тем, что пшеница сырая, когда же была установлена лживость этого заявления, он сказал, что хотел оставить эту пшеницу на семена, а план выполнить другими культурами; отдельными колхозами Добровеличевского р-на скрыт урожай с 187 га, совхоз Бугский, фабрика им. Лозовского и завод «Красный сигнал» скрыли от государства урожай с 207 га. Выявлен также ряд фактов извращений в авансировании колхозников. Так например в Ульяновском р-не председатель колхоза Шинкаренко из 84 центнеров намолоченного хлеба роздал колхозникам 76 центнеров. Председатель колхоза «Передовик» (БССР) Пригаро Иван первый обмолот в 2625 кг ржи распределил по трудодням, не дав району государству ни одного центнера. Выявлены извращения обратного порядка: когда правления колхозов не авансируют колхозников в соответствии с данными указаниями, а в ряде районов Харьковской обл., сообщает прокурор, взята установка не выдавать авансы до окончательного выполнения плана зернопоставок. Так например в Марковецком колхозе Махновского р-на намолочено 250 центнеров хлеба, из которых сдано государству 50 центнеров, а авансы колхозникам не выдаются. Такое же положение по ряду колхозов Днепропетровской, Харьковской и Винницкой областей.

Всем эти фактам антигосударственных тенденций органами прокуратуры давался соответствующий отпор.

Ряд прокуроров сообщает о срыве органами Заготзерна подготовки складской площади к приемке хлеба: не выполнены планы строительства новых складов, ремонт старых, не проведена полностью дезинсекция складов и т. п. Так, прокурором Челябинской обл. привлечены к уголовной ответственности руководящие работники обл. конторы Заготзерна за срыв выполнения плана строительства складов: строительный план на 1 июля выполнен на 26,07%. О срыве подготовки складской площади сообщают прокуроры Азово-Черноморского края, Винницкой и Одесской областей. Особенно неблагоприятно с ходом дезинсекции складов. Не всюду подготовлялось весовое хозяйство. Прокурор Одесской обл. сообщает о почти систематическом расхождении в весе привозимого из колхозов и совхозов зерна при прохождении его через элеваторные весы. Так, по Кауновскому элеватору составлено 254 акта о расхождениях, из которых в сторону уменьшения веса составлено актов на 56 центнеров, а в сторону увеличения на 75 центнеров—не трудно видеть, что такое состояние весового хозяйства на заготовительных пунктах и в колхозах и в совхозах создает благоприятную обстановку для всякого рода расхищения и разбазаривания зерна

На ряде заготовительных пунктов допускают преступное хранение принятого зерна. Так, прокуратурой при осмотре ссыпных пунктов и пристаней по Днепру 26/VI обнаружено, что на Федоровской и Андреевской пристанях 100 тонн хлеба сложены под открытым небом и ничем не прикрыты. На Кавунском элеваторе, сообщает прокурор Одесской обл., на 25 июля скопилось около 3,5 тыс. тонн зерна, которое ссыпалось прямо на землю. Выявлены также факты сдачи и приемки некондиционного зерна.

При общем удовлетворительном выполнении июльского плана зернопоставок выявлен целый ряд фактов саботажа и невыполнения плана зернопоставок со стороны отдельных колхозов, совхозов. Наряду с отдельными совхозами, сообщает прокурор Днепропетровской обл., перевыполнившими июльский план хлебосдачи, ряд совхозов или совсем не приступил к хлебосдаче или выполнил этот план в мизерном количестве.

Уклонение от выполнения зернопоставок, сообщает прокурор Одесской обл., нередко выражается в формах создания «черных амбаров», скрывают хлеба путем запутывания учета, создания нелегальных фондов. Так, в Гросуловском р-не предколхоза «Красный Октябрь» скрыл 500 центнеров хлеба (предколхоза осужден за это к 5 годам лишения свободы). Председатель колхоза «Червоный коммунар», кулак, бывший денкинец, утаил от хлебосдачи в «черном амбаре» 618 центнеров зерна, а 20% зерна пустил в солому (передан суду).

Выявлены также факты саботажа в выполнении плана зернопоставок со стороны отдельных разложившихся единоличников. Так например, в селе Добринском Писаревского р-на у единоличников обнаружена яма с 1/2 тонны хлеба нового урожая, государству ничего не сдано. В этом районе установлены факты, что единоличники, не выполнившие планов зернопоставок, передают свой хлеб единоличникам, выполнившим свой план, и др.

Вскрытые прокуратурой при борьбе за зернопоставки и уборку урожая факты вылазок классового врага, пытающегося затормозить успешный ход социалистического строительства, на практике подтверждают правильность неоднократных указаний партии, что классовый враг не ушел с поля классовой борьбы и что в отдельные моменты и на отдельных участках не исключено обострение классовой борьбы. Приведем несколько фактов. В Улановском колхозе «Хлебороб» (Винницкая обл.) во время работы комбайна на поле был брошен на ленту комбайна камень, вследствие чего машина вышла из строя, а незадолго до этого среди колхозников распространялись слухи, что все, что будет сжато и смолочено комбайном, заберет государство.

В Яготинском р-не в снопах, предназначенных для обмолота, обнаружены железные зубья, а в Зиновьевском р-не обнаружены 2 случая подмешивания песка в зерно, подлежащее хлебосдаче, и т. п.

Переходя к вопросу, как органы прокуратуры борются с указанными выше фактами, необходимо отметить, что их работа, как это установлено оперативным совещанием при прокуроре Союза ССР, проходит далеко неудовлетворительно.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что местные органы прокуратуры, за небольшим исключением, несвоевременно включились в работу по хлебоуборке и зернопоставкам.

Особенно это запоздание имеет место в Азово-Черноморском, Саратовском и Западно-сибирском краях.

Так, прокуратура Одесщины при вступлении в конце июня всей области в уборку, еще в начале июля вела подготовительную работу.

Прокуратура Азово-Черноморского края, который также рано начал уборку, только лишь 11 июля проводила кустовые совещания райпрокуроров.

По Саратовскому краю органы прокуратуры в конце июля по существу занимались вопросами подготовки к уборочной, в то время как уборочная уже шла.

Обследование прокуратуры Западно-сибирского края, произведенное Прокуратурой Союза, установило, что кустовые совещания проведены лишь в конце июля и то в ограниченном количестве (5 совещаний на 139 районов); краевой прокуратурой получается информации всего лишь от 10% райпрокуроров.

Несколько слов о качестве подготовки.

По ряду прокуратур, отчитавшихся на оперативном совещании, качество подготовки — явно невысокое, в основном за счет того, что эти прокуратуры должным образом не оценили значения прокурорского актива в их работе, особенно возросшее в условиях измененных методов прокурорского воздействия (отказ от обследования и пр.), и поэтому недостаточно уделили внимания вопросам пересмотра, укрепления и инструктажа ГСП и сигнальных постов, применительно к задачам органов прокуратуры в уборочную и зернопоставки.

Иллюстрацией к высказанному может служить хотя бы тот факт, что имеющийся материал в аппарате прокуратуры Зап.-сиб. края о деятельности ГСП составлен почти полтора года назад (по состоянию на 1/IV 1934 г.).

Чем иным, как не отмеченным выше, можно объяснить то обстоятельство, что одна из лучших в указанном отношении прокуратур (Харьковская обл.) в разгар уборки урожая в ряде районов имела прокурорский актив «на бумаге» (Барвенково, Близнес, Чутово и др.).

Все приведенное дает основание сделать вывод, что «причиной причин» ряда дефектов в работе краевых и областных прокуратур за рассматриваемый период в значительной мере является их запоздалое включение в хлебоуборку и зернопоставки, при одновременном отсутствии достаточной оперативной связи с общественностью в лице прокурорского актива.

Ряд краевых и областных прокуратур не обеспечил борьбы с антигосударственными тенденциями отдельных совхозов и колхозов, проявившихся в умышленном сокрытии урожайности.

Так, прокуратурой Азово-Черноморского края, при наличии сигналов со стороны печати и Комиссии по определению урожайности до сих пор не привлечены к ответственности виновные в исключительной по размерам утайке урожая в Тимашевском зерносовхозе.

А между тем в названном совхозе утаено с каждого га: в Комсомольском и Красноармейском отделениях до 14 и в Блюхеровском до 17 центнеров зерна (по данным обмолота).

В том же Азово-Черноморском крае прокуратура Курганенского р-на, установив систематическое умышленное сокрытие урожайности, запросила крайпрокуратуру о том, какие должны быть приняты ею меры!

Последний факт лишний раз подтверждает вывод о низком качестве подготовки к уборочной ряда прокуратур.

В указанном разрезе нельзя признать удовлетворительной также и работу Одесской облпрокуратуры.

Несмотря на бесспорную эффективность организованного ею процесса по делу сокрытия урожайности в совхозе им. Вегера, все же из 20 возбужденных по области данной категории дел рассмотрено только 6. Следует отметить при этом, что по одному из заслушанных в суде дел подсудимому (предколхоза Бабенко), умышленно допустившему значительное снижение урожайности, вынесен оправдательный приговор по мотиву наличия у него заслуг в руководстве колхозом (нарсуд Голопристанского р-на 19/VI 1934 г.).

Комментировать опасность явно демобилизующего значения подобного приговора излишне.

Несмотря на проявление антигосударственных тенденций подобного характера в большом количестве в БССР, Западносибирском и Сталинградском краях, соответствующими органами прокуратуры не возбуждено ни одного дела.

Слабо борются органы прокуратуры с потерями урожая.

В ряде отделений совхоза наблюдаются случаи согревания и гниения тысяч центнеров зерна в бунтах.

Однако подобное вопиюще преступное отношение к потерям урожая в одном из крупнейших зерносовхозов Азово-Черноморского края до сих пор, как это ни странно, не привлекло еще внимания прокуратуры, и тем более, что прокуратуры и Тимашевского р-на и края были своевременно информированы Комиссией по определению урожайности.

В ряде колхозов Кирсановского, Инжавинского и др. районов Воронежской обл. потери урожая, в результате скверной уборки хлеба, достигают крупных размеров, колеблясь от 0,8 до 2,3 центнера с га (колхоз «Маяк Инжавинского р-на и «Искра коммунизма» Кирсановского р-на).

В прошлом году по 6. ЦЧО было потеряно вследствие скверной уборки, 15—17 млн. центнеров хлеба (в среднем по 2,5 центнера с га).

И несмотря на указанное, прокуратурой Воронежской обл. по линии борьбы с потерями пока что ничего не сделано.

Ряд край(обл)прокуратур не избежали и в текущем году прошлогодних ошибок в их борьбе с хищением хлеба.

Представленные отчеты приводят большое количество возбужденных против трудящихся дел за хищение в незначительном количестве колосьев, с применением к ним суровой репрессии.

Такие факты имели место в Лебединском, Чутовском и Золочевском районах Харьковской обл.

Имеют место они и в Винницкой обл.

Так, осуждены: нарсудом Чечельницкого р-на середнячка Пароконная к 4 годам лишения свободы за то, что срезала в колхозном поле около килограмма колосьев, а колхозница Яранчук нарсудом Литинского р-на за то, что нарезала 2 горсти гороха, — к 2 годам лишения свободы.

В то же время ряд райпрокуроров в случаях хищения хлеба, действительно требующих сурового наказания по суду, явно бездействует.

Отмеченным далеко не исчерпываются недостатки в работе прокуратур, прошедших на оперативном совещании.

Будучи ограничены рамками данной статьи и поэтому не имея возможности иллюстрировать их фактами, мы ограничимся лишь перечислением этих недостатков.

Главное из них — отсутствие надлежащей борьбы с фактами затяжки обмолота, незаконной торговли, а в ряде случаев и спекуляции хлебом, уклонения от зернопоставок и сдачи хлеба по натуроплате МТС, срыв ремонта, строительства и дезинсекции складской площади, в результате чего уже в данное время в ряде областей гниют десятки тысяч центнеров хлеба и не исключается угроза порчи его зимой в значительно больших масштабах.

Наблюдается полнейшее бездействие в охране льгот единоличников, перешедших на работу в совхозы.

А между тем в устранении подобных «мелочей» — ключ к получению дополнительных «скоростей» в деле сокращения сроков сбора урожая, в особенности для совхозов, остро испытывающих в ряде случаев нужду в рабочих руках.

Недостаточно энергично ведется борьба с нарушением революционной законности, и особенно в Азово-Черноморском крае.

К изжитию приведенных дефектов в работе органов прокуратуры прокурором Союза т. Акуловым даны исчерпывающие указания.

Немедля ни минуты, за большевистское претворение их в жизнь!

О недочетах, которые устраняются чересчур медленно

Новая обстановка, сложные условия борьбы за разрешение всемирно-исторического значенной задач второй пятилетки требуют коренной перестройки работы всех звеньев системы пролетарской диктатуры на основе и в соответствии с указаниями XVII партсъезда о путях, способах и формах перестройки.

Задача коренной перестройки работы и в организационном отношении, и в отношении методов, и самого ее существа во весь рост стоит и перед советской прокуратурой.

Год тому назад партия и правительство дали органам юстиции специальные директивы, требовавшие, в соответствии с новой благоприятной обстановкой классовой борьбы в деревне, рационализации методов борьбы с остатками разгромленного кулачества, решительной перестройки работы органов юстиции.

В настоящее время несомненно в работе прокуратуры, в частности прокуратуры РСФСР, имеются некоторые улучшения. Последние в частности сказались по линии более дифференцированного и меткого направления удара репрессии и по линии большего развора массово-политической работы, мобилизации актива и др.

Но что имеющиеся сдвиги в части перестройки еще ни в какой мере не могут считаться достаточными и удовлетворяющими требования, которые предъявляются сейчас к качеству прокурорской работы, не подлежит сомнению.

Смазывание наличия целого ряда весьма отстающих участков в работе органов прокурорского надзора РСФСР было бы вредным для дела.

На страницах журнала «За социалистическую законность» (№ 2) были приведены весьма убедительные факты (факты, как известно, упрямая вещь), свидетельствующие о неповоротливости и об отсутствии достаточного оперативного руководства со стороны как краевых и областных прокуратур, так и прокуратуры РСФСР работой на таких первостепенных по своему хозяйственно-политическому значению участках, какими является борьба с хищениями социалистической собственности и за качество продукции.

Но в работе органов прокурорского надзора РСФСР, не исключая и ее центрального звена, имеется немало других показателей, сигнализирующих о неудовлетворительном пока состоянии в ходе перестройки.

Не рискуя впасть в преувеличение, можно сказать, что профилактическая работа до сих пор продолжает оставаться самым отсталым участком прокурорской работы. За отдельными исключениями прокуратура до сих пор все еще не сигнализирует своевременно партийным и советским органам о таких моментах, о которых прокуратура может и должна сигнализировать в первую очередь в целях и в порядке предупреждения различных нарушений революционной законности.

В особенности этим грешит предварительное расследование, где ценнейший сигнализа-

ционный материал зачастую остается «при деле», остается мертвым, недейственным, где задача профилактики, предупреждения зачастую игнорируется, перекадывается на суд, несмотря на то, что она теснейшим образом связана с задачей удовлетворительного раскрытия конкретных преступлений.

При таких условиях немудрено, если (как это было вскрыто недавно в связи с делом о злоупотреблениях в органах общественного питания и рабочего снабжения в Магнитогорске) Магнитогорская прокуратура о возмутительнейших вопиющих безобразиях, творившихся на протяжении длительного времени тут же у нее под боком, не знала, пока ей об этом не сообщила... бригада из центра.

А таких фактов, когда прокурор узнает о том, что он должен был знать первым, не мало.

Чиновничий подход к делу, отсутствие достаточной революционной бдительности, бюрократическое отношение к сигналам печати, письмам и жалобам трудящихся, кабинетные методы работы, отрыв от масс, общественности — вот что обуславливает такого рода (с позволения сказать) «эффект».

Не лучше поставлена работа с жалобами.

Организованный НКЮ и президиумом ЦК Союза СРГ V всероссийский смотр работы органов юстиции по письмам и жалобам трудящихся конечно очень полезен. Но те безобразия и те возмутительные проявления бюрократизма и волокиты, которые были выявлены в процессе смотра и которые в ряде случаев носили характер устойчивой системы, в актив работы и руководства прокуратуры РСФСР отнесены быть никак не могут.

Такого рода факты были обнаружены не только в районных, краевых и областных прокуратурах, но и в аппарате прокуратуры РСФСР.

В частности буквально поражает та **недисциплинированность**, которую проявляют местные прокуроры по запросам и требованиям, делаемым прокуратурой РСФСР в связи с теми или иными жалобами. Эти запросы месяцами остаются без ответа.

Вот несколько примеров такой **недисциплинированности**.

5 мая 1932 г. ивановскому облпрокурору была направлена жалоба Березина, приговоренного по 73 ст. УК к ссылке на 5 лет, с предложением проверить дело, т. к. ст. 73 ссылки не предусматривает. Облпрокурору ИПО пять раз посылались напоминания, но ни на одно из них ответа не последовало.

Прокурору Средневолжского края была направлена жалоба красного партизана Никитина на преследование его семьи, живущей в Самаре.

Несмотря на неоднократные повторные запросы до декабря 1933 г. никакого ответа не было получено; 5 декабря п. г. крайпрокурору была послана телеграмма с требованием дать немедленно ответ, с предупреждением о привлечении к ответственности за волокиту, но и

на эту телеграмму до 20 марта 1934 г. ответа не последовало.

Не менее поразительна та беспомощность, которую в ряде случаев проявляет прокуратура РСФСР в борьбе с этой недисциплинированностью.

По газетным заметкам «Вытравить левацкую практику подрыва индивидуальных рабочих огородов» и «Вернуть львовским рабочим сенокосные угодья», помещенным в газете «За индустриализацию» от 2/VI 1933 г., прокуратурой Республики за подписью пом. прокурора Республики тов. Куприянова было предложено 10 сентября Уральской прокуратуре сообщить о принятых ею по этим заметкам мерах. 20 сентября было послано напоминание, а затем ряд других напоминаний. Казалось бы, после этого необходимо было принять решительные меры против Уральской прокуратуры, но в действительности 8/XII п. г. была послана очередная просьба «сообщить о принятых вами мерах».

Таким образом вместо категорического требования исполнения поручения Прокуратурой Республики посылались бесконечные штампованные «просьбы» о сообщении ответа.

Смотр вскрыл безобразный хаос, который царил в последние месяцы в общей канцелярии прокуратуры РСФСР, сама возможность которого свидетельствует о слабом руководстве.

Отмеченные выше сдвиги в работе прокуратуры с общественным активом не могут служить основанием для признания перестройки на данном участке завершенной. Во-первых, потому что эти сдвиги не повсеместны и, во-вторых — они чаще всего количественного, а не качественного порядка.

Меньше всего о действительном положении вещей в этой области можно судить по тем цифрам, которыми нередко оперируют в официальных и неофициальных докладах. На 8 расширенном совещании руководящих работников юстиции РСФСР предсовнарком РСФСР т. Сулимов усомнился в реальности двухмиллионного актива, о котором говорила Нюрина (б. нач. оргинстра, монополизировавшего руководство массовой работой) — цифры, которая фигурировала и еще продолжает фигурировать в диаграммах т. Ефимочкина (б. зав. сектором массовой работы оргинстра).

И, действительно, цифры... астрономические.

Во-первых, потому, что часть этих цифр (как например, в отношении количества нарзаседателей в 1932 г., количества членов СОС) вообще не находят себе точного подтверждения даже в материалах самой статистики НКЮ. В одной из заметок стенгазеты НКЮ «По рельсам Ильича» эти цифры так и назывались «цифрами, вызывающими недоумение», причем указывались неточности в масштабе... 10 тысяч одних только нарзаседателей.

Но даже в той части, в какой цифры отражали не фантазию, а статистику, они все же не отражали действительную картину или, в лучшем случае, отражали чисто внешний количественный момент.

Они не сигнализируют о ГСП, СОС, которые числятся лишь по статистике, но ничем не проявляют себя на деле.

В этом конечно вина не групп содействия, не СОС, ГСП, а вина плохого руководства и инструктажа со стороны всех тех организа-

ций, которые обязаны ими руководить, и в том числе и прокуратуры.

В частности буквально беспризорным продолжает оставаться институт общественных обвинителей. За все время существования оргинстра НКЮ мы не можем найти решительно ни одного реального факта, который свидетельствовал бы о каком-либо знании со стороны оргинстра к этому институту. Оперативные же части НКЮ, в частности прокуратура, в свою очередь этими вопросами не занимались, т. к. руководство массовой работой было оторвано от оперативной и, как уже указывалось, составляло как бы монополию оргинстра НКЮ и объединенных оргинстров на местах.

И если мы имеем за последнее время безусловное ослабление внимания к институту общественных обвинителей, явную недооценку его возрастающего значения в условиях, когда необходима мобилизация вокруг развернутых судебных процессов широких масс, то этим мы несомненно главным образом обязаны той оторванности массовой работы от оперативной, которая характеризует оргинстровскую работу и традиции которой видимо не изжиты прокуратурой РСФСР и теперь.

Не заметна и перестройка в части устранения **обследовательских методов**, которые продолжают широко применяться районными прокуратурами, в особенности в период подготовки и проведения сева.

Характерен например факт, имевший место в Романовском районе Саратовского края, где прокурором было проведено сплошное обследование состояния ремонта тракторов. Это обследование своим результатом имело лишь то, что была раскрыта поломка трактора одним лодырем, который и был привлечен к ответственности.

Ясно, что о таком факте прокуратура должна была узнать непосредственно по сигнализации актива и что обследования никоим образом не могут компенсировать отсутствие или недостаток такой связи.

Серьезнейшим недостатком прокурорской работы в районе продолжает оставаться то, что работа не концентрируется на тех объектах и вопросах, которые должны составлять основное ее содержание. Райпрокурор продолжает заниматься многими чуждыми ему делами, подменяя собой другие органы. Функции общего надзора на практике до сих пор понимаются чрезвычайно расширительно, в работе так называемого общего надзора все еще нет необходимой четкости, конкретности, целеустремленности. Работа и на этом участке не перестроена.

Что канцелярско-бюрократические методы руководства еще далеко не искоренены, мы видели на примерах работы по жалобам. О том же говорит и все еще значительный поток бумажных циркуляров, неналаженность контроля исполнения, неустранение до сих пор загрузки мест требованиями предоставления всевозможных материалов, а материалы эти менее всего используются в порядке оперативном; в лучшем случае они служат для запоздалых итоговых обобщений.

Если проанализировать планы работы ряда краевых и областных прокуратур и центральной прокуратуры, то мы найдем там изобилие итоговых обобщений настолько, что получается

впечатление, что люди больше «обобщают», чем «работают».

Конечно итоговые обобщения полезны. Без них обойтись нельзя. Но они нужны в меру.

Далее, что конкретно сделано и достигнуто на таком важнейшем участке, каким является предварительное расследование. Кроме созыва в начале 1933 г. конференции-курсов следователей, трудно найти какие-либо другие показатели «сдвига».

Более того, мы имеем за последнее время даже **снижение того уровня методического руководства**, который у нас был достигнут. В частности заглохло дело с изданием методических писем. Буквально ничего членораздельного прокуратура РСФСР не сказала по актуальнейшему вопросу о методах публичного расследования, о методах привлечения общественного актива к участию в предварительном расследовании.

А качество расследования в ряде случаев таково, что необходимость решительно улучшения методического руководства стоит вне всякого сомнения. Ограничусь лишь одной иллюстрацией, приводимой в журнале «Советская юстиция» № 5 1934 г. т. Виноградовым.

По одному делу для экспертизы почерка был привлечен бухгалтер и заключение экспертизы, которым удовлетворился следователь, настолько характерно, что действительно заслуживает воспроизведения. Экспертиза гласит: «Основные графологические признаки: 1. Волнистость в начертании, в линии строк и в рисунке росчерка характерна для людей, обладающих изворотливостью мысли и... хитростью. 2. Длинные черты (петли) в падающих буквах г, р, д, указывают на неумение логично мыслить... Все эти соображения приводят эксперта и вместе с ним следователя к выводу о тождественности почерка на исследуемом документе с почерком подследственного. Как видим, есть еще следователи, которые такого рода «графологию» принимают за экспертизу.

Вывод из сказанного ясен. О перестройке в соответствии с решениями XVII партсъезда работы прокуратуры РСФСР в отношении организационном, существа и методов ее пока можно говорить не как о задаче разрешенной, а как о задаче, которая должна быть разрешена и разрешена без проволочек, не формально, а всерьез.

Вяч. Чернов

Два вопроса о следственной технике

«Техника в период реконструкции решает все». Эта замечательная формула т. Сталина применима к любой области нашего строительства нашей повседневной работе, в том числе и к работе следователя.

Теперешнее состояние следовательской работы заставляет нас и в печати и в официальных приказах и постановлениях особенно выпячивать вопросы качества этой работы, ее большей продуктивности и эффективности. А это в свою очередь предполагает овладение техникой своего дела, **умелое использование технических средств расследования и наличие этих технических средств в руках следователя.**

Рост технической вооруженности нашей страны, небывалый размах научной мысли позволяют нам привлечь на помощь расследованию преступлений целый ряд научно-технических приемов и методов. А привлечение их требует применения своеобразного технического «инвентаря», технических приспособлений. Это положение никем не оспаривается. Наоборот — везде и всюду мы ставим вопрос о слабом применении научно-технических методов нашим следственным аппаратом. Об этом говорится на совещаниях, конференциях и съездах; об этом много сказано в литературе, на лекциях студенчеству и курсантам.

Применение же научно-технических методов и технических средств расследования идет только в отдельных, ограниченных звеньях.

Говоря о технике, о технических средствах, мы много говорим о так называемом «следственном чемодане», широко применяемом за границей и демонстрируемом у нас в некоторых кабинетах научно-технической экспертизы и кабинетах криминалистики при некоторых институтах совправа. Этот чемодан очень хорошая вещь, могущая принести в умелых руках

громдную пользу в работе следователя. Но многие наши следователи этого чемодана даже ни разу не видели.

В Московском институте совправа студенты СПО слушали о нем 3-часовую лекцию, и настоячивые советы преподавателя — «обязательно завести такой чемодан», но посмотреть хотя бы этот чемодан «не удостоились».

Мы призываем следователя к применению технических средств; но этого мало.

Нужно не только призывать, а создать материальную основу, материальную базу применения техники, **надо вооружить следователя этой техникой.**

Проще: нужно не только призывать следователя к созданию своими силами и своим «попечением» всеми признанного и получившего хорошую оценку следственного чемодана, а нужно дать ему эту технику.

Нужно дело применения техники в следовательской работе не ставить в зависимость от изворотливости и «комбинаторских способностей» следователя по созданию этого «злополучного» чемодана, а вооружить следователя этим чемоданом. Один призыв ни к чему еще не обязывает. А дав следователю технику в руки, мы можем уже на твердой материальной основе потребовать от него овладения **этой техникой и правильного, умелого ее применения.** Это заставит следователя заняться целым рядом вопросов из области научно-технических методов, на которые он до сих пор не обращал должного внимания, и намного повысит эффективность и продуктивность расследования.

Пора этот всеми признанный чемодан с «заоблачных высот» восхвалений спустить на «грешную землю» — в руки следователя.

«Отец криминалистики» Ганс Гросс дает подробное описание этого чемодана, у нас есть заграничные образцы есть свой образец чемодана, сконструированного для работников розыска. По этим образцам можно сконструировать следственный чемодан для следователя, изготовить его некустарно и дать следователю.

К этой работе вполне можно привлечь производственные предприятия ГУИТУ, и весь чемодан с полным набором содержимого обойдется не так уж дорого.

Расход на изготовление чемодана вполне себя окупит тем результатом, который он даст при применении его в следственной практике.

Второй вопрос о расследовательской технике — это практическое обучение овладению этой техникой в наших учебных заведениях.

В Московском институте совправа им. Стучка довольно много учебного времени выделено на прохождение криминалистики, методики и техники расследования.

Но работа по этой дисциплине ограничивается лекциями, чтением литературы и беседой в семинаре. Показа этой техники, практического ознакомления с ней студентов, привития умения ею воспользоваться — нет. А от одной только «словесности» многое быстро улетучивается из головы студента и даже больше — появляется некоторое недоверие «к чудесам техники» расследования.

Лекции и проработку литературы нужно подкреплять практикой в процессе самой учебной работы над литературным материалом.

Иначе получается отрыв теоретической учебы от практики, от практического ознакомления с научно-техническими методами.

Каков выход? Очень простой. Организация кабинета криминалистики и научно-технической экспертизы и небольшого музея криминалистики при институте совправа. При этом кабинете

должна быть небольшая лаборатория научно-технической экспертизы, где студент мог бы знакомиться практически со следственной техникой наряду с теоретическими занятиями, в **учебное же время**, проходить и практические занятия, работая в этом кабинете и лаборатории.

Иркутский институт советского права создал и имеет такой кабинет, очень неплохо организованный и снабженный. Музей при этом кабинете дает очень многое для более прочного усвоения теоретического курса. Руководитель кабинета музея Иркутского института тов. Мошковиц не только пополняет музей через органы милиции и угрозыска, но очень широко, и совершенно правильно, применяет пополнение музея через бывших слушателей института, уходящих на практическую работу. Этот метод связывает б. студентов с институтом, привлекает их внимание к вопросам научно-технических методов, заставляет их обращаться к институту за советом по конкретному делу (и институт довольно широко оказывает такую помощь письменным советом, консультациями и т. д.). Кроме того этот метод дает возможность широко **собирать свежий материал и для научно-исследовательской работы** по вопросам уголовной техники и научно-технических методов.

Московский же институт, центральный, старейший из правовых вузов по СССР, такого кабинета и музея до сих пор не имеет. А ведь он, больше чем всякий другой из институтов совправа, имеет возможность и должен создать образцовый музей и кабинет.

Все возможности, и при том очень широкие, у Московского института совправа есть.

Нам кажется, что этот вопрос также должен быть немедленно и очень крепко поставлен перед руководством института и ИКЮ.

Кабинет и музей криминалистики при Московском институте совправа должны быть созданы, и чем скорее, тем лучше.

К ПЕРЕСМОТРУ СОЮЗНЫХ ОСНОВНЫХ НАЧАЛ УГОЛОВНОГО, УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, ОСНОВ СУДОУСТРОЙСТВА СОЮЗА И СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК И СООТВЕТСТВУЮЩИХ КОДЕКСОВ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК.

В настоящее время работает комиссия тов. Енукидзе по выработке общесоюзного уголовного и уголовно-процессуального кодекса и положения о судостроительстве.

На первом заседании комиссии эта работа была распределена между 3 подкомиссиями: 1) по уголовному кодексу (председатель тов. Крыленко); 2) по судостроительству (председатель тов. Винокуров); 3) по уголовно-процессуальному кодексу (председатель тов. Вышинский).

Работа всех подкомиссий должна быть закончена в течение ближайшего времени (сентябрь-октябрь).

Ввиду особого значения этой работы редакция нашего журнала обращается ко всем работникам суда и прокуратуры с просьбой прислать свои предложения по всем вопросам, связанным с ныне действующим законодательством по уголовному и уголовно-процессуальному праву, а также по вопросам судостроительства.

Желательно представление конкретных предложений и проектов соответствующих им статей, предлагаемых ко включению в указанный кодекс.

Больше внимания к жалобщикам, товарищи прокуроры

Время от времени мы съезжаемся, совещаемся, говорим в порядке самокритики о наших недостатках, а затем возвращаемся к «очередным» делам. Так было, но так дальше быть не должно. Об этом ясно сказал нам Центральный комитет нашей партии. ЦК сказал нам, что мы несем основную ответственность, если приговор выносится неправильно и если он не исправляется. Каждый такой случай надо за ушко да на солнышко, чтобы ведомо стало всей стране, кто равнодушен к творимым делам, кто остается на прежних позициях. А факты вот каковы.

1. У крестьянки с. Князево Тюриной за подготовку семян взяли дом и корову. Она жаловалась и жалоба дошла до Союзной прокуратуры. Мы поручили Скопинской прокуратуре проверить это дело еще в январе месяце текущего года. От прокурора ни звука, а крестьянка Тюрина нам пишет, что 22 раза отмеряла по 15 километров в Скопин к прокурору, но ответа не получила.

2. Братья Шкробот Кирилл и Ефрем решением нарсуда Мельницкого р-на БССР, в дальнейшем подтвержденным определением Верховного суда БССР приговорены к 10 годам с последующей высылкой и поражением прав на 5 лет за невыполнение лесозаготовок. Такой суровый приговор мог бы быть понят, если бы они были кулаками, а это последнее в деле абсолютно ничем не подтверждается. Между тем их брат Илья, командир РККА, опровергает их кулацкое происхождение и состояние, утверждая, что они бедняки, что один из них, Кирилл, служил в Красной армии и что налогом они были обложены в размере 14 р. 40 коп., из которых $\frac{3}{4}$ скидывалось как семье красноармейца. Следовало бы нарсуду это знать прежде, чем выносить приговор, а Верховсуду выяснить прежде, чем его утверждать.

3. Закон 7 августа 1932 г. требует суровой

расправы с хищниками госимущества, но когда нарсуд Курганского р-на осуждает 6 подлинных грузчиков к 10 годам каждого за кражу 40 пустых мешков, то это значит, что он, нарсуд, не понял закона, как не понял его и прокурор, не опротестовавший приговора.

4. Нисколько не лучше приговор нарсуда Иловлинского р-на Сталинградского края, который осудил к 10 годам лишения свободы по закону от 7 августа грузчика Чуйнина за попытку взять мешок пшеницы, которую Чуйнин, согласно приговору, на глазах у всех, пьяный, пытался взять, но упал на него. И этот приговор опротестовать пришлось лишь Союзной прокуратуре, до нее ни один прокурор об этом не позаботился.

5. Надо крепко бороться со спекуляцией, но не следует идти по стопам нарсуда Терпеньевского района и Днепропетровского облсуда, осудивших весовщика Белоштентова, получавшего 70 р. жалования, к 5 годам лишения свободы и 3 годам поражения в правах за то, что в своей деревне, куда он ехал за вещами, выменял свои $7\frac{1}{2}$ кило сахару на 6 кило подсолнечного масла. Союзной прокуратуре пришлось его выручать. Такая же уродливая форма борьбы со спекуляцией имела место в Ташкентском нарсуде, когда приговором, подтвержденным в дальнейшем другими инстанциями, осудили к 10 годам лишения свободы 19-летнюю девушку батрачку, члена профсоюза, за то, что она, оставаясь без работы, в течение нескольких дней на базаре торговала мукой. И тут не обошлось без Союзной прокуратуры. Таких дел много. Мы не хотим дальнейшим перечнем их злоупотреблять ни предоставляемым местом, ни вниманием читателей. На сей раз хватит. В следующем номере обещаемся также предать гласности такие вывихи в надежде, что благодаря этому их станет меньше.

С. Файнблит

Судебно-бытовая история одного пензенского зеркала

Разрешите рассказать эту историю, которая тянется вот уже четвертый год. На этом конкретном материале можно видеть, как из самых обыкновенных человеческих взаимоотношений могут иногда возникнуть архиволокитные и по своим последствиям очень серьезные судебные процессы. В 1930 г. пензенский гр-н Филин И. Р., б. кондуктор, он же сапожник, поехал в Алма-Ату на заработки, при отъезде он отдал на хранение своему родственнику г-ну Крюкову зеркало-трюмо. Через года полтора Филин вернулся и обратился к Крюкову за зеркалом, но вместо своего трюмо получил от него записку следующего содержания:

«И. Р. Филин, вы приходили ко мне за зеркалом. Зеркала вашего у меня нет, потому что нет. Не приходи и не делай скандал. Я вам все спасал, а это мне за работу. Я тебя не знаю и ты меня не знай. Крюков».

Имея на руках эту записку, Филин предъявил иск к Крюкову на свое зеркало. В своем исковом заявлении Филин просит «взыскать с гр-н Крюковых Афанасия Андреевича и Пелагеи Ивановны зеркало и 26 руб. денег, которые они ему должны».

Своим определением от 3 сентября 1931 г. нарсудья 3-го уч. г. Пензы, «принимая во внимание, что непринятие мер обеспечения может

сделать затруднительным получение присужденного взыскания, наложил арест на трюмо (зеркало), оцененное в 326 руб., и находящееся у гр. Крюковых. В соответствии с этим был выдан исполнительный лист. Уверенный в успехе, Филин явился в нарсуд г. Пензы 7 сентября 1931 г., но судебное следствие резко изменило настроение сторон, ибо суд вынес сл. определение: «Дело направить в органы дознания для выяснения: 1) было ли описано горфинотделом зеркало-трюмо и 2) осталась ли задолженность горфинотделу. В случае подтверждения привлечь обоих к ответственности за укрывательство имущества от органов финотдела».

Как видно, неосторожная формулировка красноречивца Крюкова в его записке («я вам все спасал») оказалось роковой. Суд усмотрел здесь что-то очень важное, очень значительное... Тем более, что Филин в то время был лишенцем, так как его жена, видите ли, торговала когда-то по патенту 1-го разряда козьим пухом... Началось расследование по всем правилам какой-то своеобразной «пензенской юстиции»: напрасно Филин козырял справкой горфо от 26 сентября 1931 г. о том, что никакой задолженности за ним нет, напрасно Крюков растолковывал свою же записку и разяснял, что он не укрыватель торговца, все же составлено было обвинительное заключение (только на основании показаний обвиняемых, отрицающих свою вину, и при отсутствии каких бы то ни было других данных), все же 4 октября Филин Иван и Крюков Афанасий были осуждены по ст. 62 УК РСФСР «за организованное, по взаимному соглашению, сокрытие подлежащих обложению предметов», Филин — к 1 г. принудработ, а Крюков — к трем месяцам по месту работы с вычетом 25%. Вещественное доказательство, зеркало-трюмо, постановлено было конфисковать и обратить в доход государственной казны. Этому превращению обеих сторон гражданского процесса в уголовных преступников помогли пензенские чинуши из горфо, которые в один и тот же день (26 сентября 1931 г.) выдали Филину справку о том, что за ним нет никакой задолженности, а в нарсуд написали, что Филин «будет обложен дополнительно подоходным налогом, выданную справку горфо о незадолженности считать недействительной». Оба принудработника обратились в Ср.-волжский крайсуд с касс. жалобами. 11 ноября 1931 г. касс. коллегия (пред. т. Фельдман) признала приговор в отношении Крюкова правильным, однако действия обоих обвиняемых были переквалифицированы по ст. 169 ч. 2 УК РСФСР (мошенничество, имевшее своим последствием причинение убытка государственному или общественному учреждению), а в отношении Филина приговор был отменен за мягкостью.

7 декабря 1931 г. нарсуд г. Пензы приговорил Филина, в соответствии с определением касс. инст., по ч. 2 ст. 169 УК к ссылке на 10 лет с отбыванием принудработ на тот же срок с конфискацией всего недвижимого имущества в доход республики.

Филин обратился в крайсуд с кассационной жалобой, где довольно убедительно доказывал неправильность такого сурового приговора. В самом деле, совершенно непонятно, как пензенский суд отмерил Филину целых 10 лет ссылки! Как поверхностно, как безобразно

легкомысленно отнесся этот нарсуд к финотдельской справке о «будущем налоге» Филина.

2 января 1932 г. касс. коллегия Ср.-волжского крайсуда (пред. т. Крумина) разобралась очень подробно в этом деле и определила: «приговор отменить», и дело дальнейшим производством прекратить, принимая во внимание, что «если в то время за ним числились бы недоимки, взыскание могло быть обращено на имеющийся у него дом». Другими словами, суд наконец согласился, что прятать зеркало Филину не было надобности и не имел никакого смысла.

Неизвестно, по каким соображениям, однако это последнее определение касс. коллегии было опротестовано пред. крайсуда, и президиум Ср.-волжского крайсуда 5 марта 1932 г. тоже решил: «деяние Филина квалифицировать по ч. 4 ст. 169 УК (злоупотребление зоверием или обман в целях получения имущества или иных личных выгод) и меру соц. защиты определить 2 года лишения свободы».

Филин вновь повторил все свои доводы в своем заявлении в Верхсуд РСФСР, терпеливо ожидая под стражей окончательного слова высшей судебной инстанции. 20 июля 1932 г. Верхсуд отменил и принудработы, и ссылку, и конфискацию имущества, и лишение свободы и дело производством прекратил в отношении Филина и Крюкова, так как «в действиях Филина нельзя усмотреть мошенничества в виде укрытия от государства имущества — зеркала-трюмо... потому, что по возвращении из Алматы Филин сам обратился к государственным органам — суду за защитой своего права на это, якобы укрываемое имущество, но суд вместо разрешения гражданского спора, без основания к этому, возбудил уголовное преследование». Верхсуд вместе с тем предложил нарсуду «рассмотреть по существу иск Филина к Крюкову». Филин прекратил наконец свои хождения по уголовно-судебным инстанциям, из-за «мудрости» которых он отбыл 8 месяцев под стражей и вновь стал, как он теперь, в 1934 г. пишет в Прокуратуру СССР «чистым и ясным истцом своего имущества». Вернулось стало быть первоначальное юридическое состояние: Филин и Крюков вновь стали сторонами гражданского процесса, общая беда их не примирила. 26 октября 1932 г. нарсуд г. Пензы решил взыскать с Крюкова 343 руб. 50 коп., т. е. стоимость зеркала плюс судебные пошлины, так как Крюков без всякого основания зеркало возратить категорически отказался. Выиграв это свое гражданское дело Филин начал хлопотать по другим линиям: он добился (в течение 1933 г.) отмены Наркомфином «будущего налога», того самого, который в свое время был сочинен пензенскими «налоговтворцами». Президиум ВЦИК восстановил Филина в избирательных правах. Все эти успехи конечно окрылили Филина, и он решил получить наконец свое отсуженное зеркало или его эквивалент. Вспомнил Филин, что его иск надлежащим образом обеспечен, пошел он вновь в нарсуд, ему дали (в декабре 1933 г.) вошедший в законную силу исполнительный лист, с которым он отправился к судебному исполнителю. Началось так называемое исполнительное производство: 24 февраля 1934 г. Филин вместе с судисполнителем является на торги, которые за неявкой покупателей не состоялись и назначены были вторично на 5 марта с. г. В ожидании этих вторичных торгов Филин пишет судисполнителю: «Вами

объявлены были торги, но покупателей не было. Я истец по данному делу и желаю все описанное взять в счет той суммы, которая мне принадлежит ко взысканию... этим вы избегнете дальнейших расходов и делов»... Крюков за это время тоже не дремал, на само-тек, что называется, не надеялся. Прежде всего он продал за 400 руб. зеркало, то самое, которого «у него нет, потому что нет», во-вторых, он обратился в Средневолжский краевой суд (это через 1 год 4 мес. после вступления решения суда в законную силу) с касс. жалобой. И вот 24 февраля 1934 г. т. е. накануне назначения торгов касс. коллегия Ср.-волжского крайсуда определила: решение нарсуда от 22 октября 1932 г. отменить и дело перерешить по существу — взыскать с Крюкова в пользу Филина 50 рублей, а не 343 руб. 50 коп. Филин опять пишет в Верх-суд; на сей раз он получил 26/VI 1934 г. отрицательный результат: жалоба оставлена без последствий. В конце июля 1934 г. Филин просит внимания Прокуратуры Союза к своему «измученному делу 31 года». Он пишет: «Я считаю это явление не только с юридической стороны, но и с простой стороны незаконно, — исполнительный лист за два года взошел в силу и еще к нему сделан расход и вдруг его отменили...». Дальнейшая аргументация гр. Филина, на наш взгляд, настолько убедительна и красочна, что опускать ее никак нельзя. В самом деле, «возьмите с юридической стороны, — пишет Филин. — Крюков изволялся суду, говорил — купил, писал — спасал. А после писал в дело, что у меня какие-то работы работал... Мог ли суд после таких разногласий

верить этому вруну. Доказательством может служить с моей стороны и то, что карниз от трюмо (зеркала) оставался у меня в кладовке. Мог ли какой продавец, продавая такую вещь, как трюмо, а украшение — карниз от него оставить (чтобы не добрать цены? Здравово ли это)?».

Я думаю, что с Филиным можно согласиться, все сие, действительно, «не здраво»

В постановлении ЦК ВКП(б) о пензенской организации отмечается (см «Правда» от 15/VI с. г.), что там имели место «грубые нарушения революционной законности в деревне», «что горком допустил систему нарушений финансовой дисциплины, незаконных поборов денежных средств в гос. и кооп. организациях на проведение различных кампаний и бесконтрольное расходование их. Вот эта судебно-бытовая история пензенского зеркала отражает совершенно бесцеремонное отношение суда и фин-органов г. Пензы к трудящимся. Обыкновенный спор двух граждан из-за какого-то «трюмо-зеркала» превращается волею пензенских «юристов» и финработников при благосклонном участии некоторых работников крайсуда в целую цепь уголовных и гражданских процессов, которые являются только иллюстрацией бездушного, сугубо чиновничьего отношения к трудящимся и к социалистическому закону.

А все же Крюкову придется платить Филину по исп. листу за зеркало, мы уверены, что Верхсуд РСФСР согласится с нашим протестом, отменит запоздалое определение касс. коллегии Ср.-волжского крайсуда от 24 февраля 1934 г. и проверит работу пензенского суда: надо поглядеть, нет ли там еще таких «зеркал».

С. Ф.

К вопросу о подготовке кадров

На наших последних прокурорских совещаниях вопрос о подготовке и переподготовке кадров был, можно сказать, в центре внимания. И действительно, наша работа во всех ее звеньях упирается в эту основную проблему: нам всем нужно неустанно работать над собой, нужно всеми мерами и способами помочь товарищам научиться разбираться в делах, лучше всего это сделать анализируя, разбирая в деталях конкретные дела. Я считаю, что наши специальные журналы должны стать центрами заочного обучения периферии, должны из номера в номер учить судей, прокуроров и следователей практической работе. А практика наша дает в этом отношении очень обильный материал. Вот ряд дел, на проработке которых можно кое-чему поучиться.

Нарсуд г. Астрахани осудил гр-на Хватова А. Г. и гр-ку Белякову Е. П. по закону от 7 августа 1932 г. к 10 годам лишения свободы. Преступление Хватова — хищение тюленьего жира и кража нескольких тюленьих шкурок. Белякова же осуждена за покупку этого жира и шкурок. Обстоятельства дела: у Хватова обнаружено 5 ф. тюленьего жира и несколько пустых посуды из-под жира. Вот и все доказательства. Суд, при наличии таких доказа-тельств, не решился сразу осудить Хватова, он

отложил дело, т. к. решил выяснить путем опроса директора жиротопного завода, каковы размеры хищения, какова личность Хватова. Зам. директора рассказал суду, что Хватов за 1½ г. работы на заводе никаких замечаний не имеет, что он брал жир 4 раза по 1 кило с разрешения администрации, что никаких недостач жира на заводе нет. Хватову 53 г., он 19 лет работает как жиротоп, он не судим, был в Красной армии. Несмотря на все эти обстоя-тельства дела, все же нарсуд г. Астрахани осудил Хватова на 10 лет. Белякова, та тоже получила 10 лет, как указано, за покупку этого жира и нескольких шкурок. Она тоже судится впервые. Приговор этот нами опротестован, приговор подлежит отмене. Все же возникает вопрос: зачем нарсуд отложил дело? Если для выяснения размеров похищенного и выявления соц. опасности обвиняемого Хватова, то почему положительное показание, свидетеля т. Талалайкина им совершенно игнорировались? Такая «игра» с отложением дела совершенно недопустима, такой подход к оценке свидетельских показаний и личности обвиняемого не выдерживает никакой критики. Нам обращено внимание прокурора Сталин-градского края на это дело: надо проверить, какой это судья так разбирается в фактах и

людях, надо поглядеть в другие его дела...
Весьма поучительно дело т. Тимофеева. Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б) поручила нам проверить дело этого товарища, который осужден к 1 году исправ.-трудовых работ за то, что, будучи пьян, ранил из нагана колхозника. Я вижу недоумение целого ряда читателей из нашей судебной-прокурорской среды: подумаешь, год принудительных работ, стоит ли такими «мелочами» заниматься. Вот увидите, товарищи читатели, что даже очень стоит. Посмотрим поглубже в дело: установлено, что группа хулиганов пыталась проникнуть в избу с целью избить Тимофеева, который был на свадьбе у своих родных. Когда затем Тимофеев вместе с другими гостями возвращался домой, Смирнов (потерпевший) со своей компанией подождали его по дороге в лесу, остановили сани и набросились на него. Тимофеев предупредительно выстрелил в воздух, хулиганы все же двинулись на него. Второй выстрел ранил нападавшего Смирнова. Таковы обстоятельства дела. Кто такой Тимофеев, с одной стороны, Смирнов и компания, с другой? Тимофеев—член ВКП(б), уполномоченный рика по мясозаготовкам, бывший незадолго до этого председателем сельсовета в этом районе. Смирнов и компания—это группа местных деревенских хулиганов, двое из них имеют судимости за хулиганство. Нарсуд Холм-Жирковского р-на Западной обл. очевидно пришел к убеждению, что эти хулиганы действительно напали на Тимофеева. Суд вынес определение о привлечении к уголовной ответственности Смирнова и компании. Как видите, концы с концами не вяжутся; и Тимофеев осужден, и хулиганы привлечены. Верховсуд РСФСР по нашему протесту отменил этот приговор, ибо «поскольку в судебном заседании суд пришел к выводу, что нанесение ранения было вызвано тем, что потерпевшие имели злобу и первые напали на Тимофеева, а последний выстрелил, самообороняясь от нападения,—при таком положении в действиях Тимофеева отсутствует состав преступления. Можно было бы поставить вопрос о превышении Тимофеевым пределов обороны. Но и для этого в деле нет никаких оснований. Можно ли чему-нибудь научиться на этом конкретном деле? Можно:

1. Приговор суда должен соответствовать обстоятельствам дела (здесь этого соответствия нет).

2. Приговор и частное определение должны быть логически увязаны (здесь они противоречат друг другу).

3. Имеется еще одна деталь: районный прокурор опротестовал приговор в отношении

Тимофеева за мягкостью, областная прокуратура не пропустила, понятно, протеста.

Мы обращаем внимание прокурора Холм-Жирковского р-на на это дело, во избежание его ошмбок в дальнейшем, памятуя, что мы обязаны научиться хорошо работать. Это относится, ясное дело, и к товарищам, работающим в нарсуде 1-го участка г. Минска, которые, на наш взгляд, совершенно неправильно осудили гр-на Тылевича к 2 годам лишения свободы. В чем здесь дело?

Гр. Тылевич, 56 лет, был назначен на административную работу по распределению дефицитных лесоматериалов в системе Беллесобьта. Эта работа ни по масштабу, ни по важности не должна была быть поручена этому работнику, который за 2½ месяца даже не успел ознакомиться со всеми многочисленными точками, которыми он должен был руководить. Он, видя свою неподготовленность, неоднократно об этом заявляя, просил об освобождении, но начальство не отпускало. В результате план, удовлетворительно выполненный в основном, в некоторых частях (по линии отгрузок) стал хромать. Тылевича судят. Никакой корыстной заинтересованности не установлено, недоброкачественного отношения к делу тоже нельзя признать. Человек просто не смог справиться с работой, ему в 56 лет неведомо было переучиваться. При таких обстоятельствах можно ли было приговаривать Тылевича к лишению свободы? Мы думаем, что нет. А вы товарищи из нарсуда 1-го участка г. Минска, как вы думаете? Убедило ли вас постановление президиума Верховсуда БССР от 20 мая с. г., по которому, в соответствии с нашим протестом, мера социальной защиты Тылевичу заменена запрещением занимать ответственные руководящие должности? Чему учит дело Тылевича? Оно учит вдумчивому подходу к делу, оно диктует необходимость внимательной оценки человеческих поступков, оно напоминает об обязанности осторожного подхода к выбору меры социальной защиты.

Партия и правительство нас обязывают лучше работать. Эту директиву мы должны выполнять с полным сознанием ответственности за порученное нам дело. Своими ошибками, не будем этого забывать, мы наносим тяжелые раны не только Хватову, Тимофееву или Тылевичу. Мы наносим ущерб самому авторитету советского суда, а следовательно и советского государства. Суд наш должен воспитывать аудиторию. Вот почему наша ответственность за четкий, пролетарски выдержанный приговор так велика. Вот почему так необходимо в кратчайший срок перестроить всю нашу работу.

Товарищи прокуроры, шлите в наш журнал

материал о своей работе

Итоги работы прокуратуры Армении¹

Товарищи! в свете огромнейших достижений социалистической перестройки нашей страны известная доля успехов падает и на советскую Армению как часть Советского союза, так как и в области коллективизации сельского хозяйства, и в области развития промышленности, хозяйства советская Армения на основе неуклонного выполнения генеральной линии достигла огромнейших побед.

На XVII съезде нашей партии т. Каганович, говоря о крупнейших победах нашей партии на фронте социалистического строительства, указывал, что мы подводим итоги не для упоения победами, которыми законно гордимся. Эти итоги мы подводим не с точки зрения академической, исторической, а как армия бойцов-революционеров. Мы оглядываем пройденный путь для того, чтобы на уроках прошлого проверить и отточить наше оружие для предстоящих великих боев.

Как Вы знаете, в докладе т. Кагановича принципиальное значение приобрел вопрос об организации процесса работы именно в свете поднятия организационной работы до уровня политического руководства. Что это значит, товарищи? А это значит, что нам надо обеспечить необходимый темп претворения генеральной линии партии, необходимый темп построения социалистического общества.

В области организации процесса работы советской юстиции перед нами стоят три основные задачи. Первая—это организация работы так, чтобы она обеспечивала важнейшие хозяйственно-политические кампании; во-вторых, такая организация работы прокуратуры, чтобы в ней работа по расследованию была главной и основной, и третья, чтобы особенное внимание уделялось подбору людей, правильной их расстановке и систематической проверке исполнения.

Я буду, товарищи, говорить об элементарных вопросах организации работы, но, к сожалению, о таких вопросах, которые, как показала практика произведенного нами обследования, далеко не всегда были в центре внимания работников советской юстиции.

Начну с вопроса о знании работы. Проблема овладения техникой своего дела, выдвинутая для всей нашей страны т. Сталиным, претворенная в целом ряде решений нашей партии, касается и работников советской юстиции. Знать до мелочей свою работу является священным долгом каждого руководителя советской юстиции. Как может, товарищи, прокурор руководить, организовывать работу, не зная ее; как может стать хорошим прокурором работник, который вчера только работал в другой области хозяйственного строительства и сегодня сразу без подготовки назначается на эту работу? Значит, как правило, на прокурорскую работу надо подбирать людей, которые знают ее, а если имеются хорошие партийные работники, которые незнакомы с прокурорской работой, но предназначаются для этой работы, прежде чем ставить их на руководящую работу, надо их подготовить к ней.

У нас как-то получается, что за качество

работы отвечают в нашем государстве директор фабрик, председатели колхозов и т. д., но до сих пор за качество судебно-прокурорской работы, за ее эффективность, за борьбу с преступностью очень часто судебные работники не чувствуют своей ответственности. Надо, товарищи, помнить, что, когда мы говорим о повышении качества работы, то в судебно-прокурорской работе судья, прокурор и следователь целиком отвечают за качество своей работы.

Я думаю, что очень хорошо у нас сделано, что введен правовой минимум, который будет, несомненно, могучим средством в деле овладения техникой своего дела и укрепления качества работы. Разве можно говорить, товарищи, о достаточном качестве своей работы, если кассационная инстанция Верховного суда Армении из всех прошедших через нее за 1933 г. дел прекратила 25% и изменила приговора в отношении 50% дел?

Я бы хотел остановиться на вопросе организации работы и ее плановости. Огромное значение в деле повышения качества работы имеет правильное распределение обязанностей Бригада Прокуратуры Союза обследовала работу прокуратуры и суда Лениканского района; там районным прокурором работает старый прокурорский работник т. Калантарьян, и у него работает помощником молодой прокурорский работник т. Окопьян, и вот в распределении между ними обязанностей по обслуживанию района попрежнему царит функционалка; нет построения работы, хотя это и можно сделать по территориально-производственным признакам. Там за прокурором остается общее обслуживание и города и района в целом; т. Окопьян ведает органами дознания, он же ведает теми следственными делами, которые идут на прекращение, между тем как надо, обучая т. Окопьяна, сделать так, чтобы один товарищ, скажем себе, районный прокурор, ведал целиком прокурорской работой по городу, а второй товарищ—этой же работой по району. Очень часто, когда мы беседовали с практическими работниками советской юстиции, мы обнаруживали, что нет достаточной плановости в работе; очень часто никто не мог нам членораздельно сказать, что он делает по плану на сегодня. Везде получаешь стереотипный ответ, вроде такого: «Принимаю посетителей, просматриваю почту, рассматриваю текущие дела». Словом, не прокурор или следователь руководит, организует процесс своей работы, а почти посетители управляют им, все идет в порядке самотека.

Затем надо отметить, что очень редко даже по сложным делам у народных следователей имеется план расследования дел и, наконец, товарищи, очень слабо везде обстоит дело с проверкой исполнения.

Лично прокуроры районов даже в отношении работы следователя не занимают этим делом, а надо, чтобы они не реже одного раза в декаду уделяли внимание просмотру, детальной проверке следователей (знакомились с делами, проверяя, как выполняются их предложения).

Позвольте мне остановиться на вопросе расследования и судебного надзора. Уже из решения апрельского Всесоюзного совещания

¹ Речь старшего пом. прокурора Союза ССР, С. Н. Орловского на совещании работников юстиции Армении.

прокурорско-судебных работников, вы знаете, что роль следователя является ролюю, имеющей большое политическое значение. Можно было бы сказать, что народный следователь является одним из важнейших лиц во всей нашей судебной системе. Почему это так? Да потому, что чисто производственной работой у нас является работа расследовательская, и поэтому люди, непосредственно сидящие на ней, качеством своей работы дают тон во всех последующих результатах того или иного дела. Совершенно ясно, что качественно низко проведенное расследование отражается и на судебной работе. Вот здесь-то, в свете углубления, товарищи, имеет вопрос об овладении техникой расследования, об умении разыскать преступника, об умении предупредить преступление, о грамотной квалификации преступного деяния и т. д. Одним из распространенных, товарищи, у вас недочетов в области расследования (к сожалению, не только у вас) является так называемый обвинительный уклон у следователя, когда он, заподозрев какого-нибудь гражданина в совершении преступления, старается обязательно доказать, что это преступление совершил он, хотя по обстоятельствам дела нет для этого достаточных оснований. Словом, очень часто народный следователь у вас забывает элементарные требования процесса при производстве предварительного следствия—выяснить и исследовать обстоятельства как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, как усиливающие, так и смягчающие стечень и характер его ответственности.

Нам надо наладить, товарищи, дело так, чтобы любой гражданин нашей страны, очутившись перед лицом следователя или прокурора и не чувствующий за собой никакой вины по тому делу, по которому он привлечен, мог всегда знать, что он выйдет из этого дела незапятнанным и что народный следователь примет все меры к тому, чтобы невиновный не потерял в своих правах.

Очень слаба у вас, у прокуроров, судебная работа. Мало выступлений на суде, мало используется право протеста по приговорам, выносимым с нарушением закона, между тем как очень велик процент отменяемых и изменяемых приговоров по кассационным жалобам осужденных. Если просмотреть судебную политику наших нарсудов, то можно отметить, что все еще в сознании народных судей не преобладает такого взгляда на суд как на орудие воспитания и очень слабо применяются наказания, имеющие чисто воспитательное значение.

Мы видели очень много дел, когда за кражу 3 пудов картофеля дают людям по 3 года, когда должностные преступления обязательно квалифицируются по статье, повышающей ответственность и т. д.

Я бы хотел особенно обратить ваше внимание, товарищи, на большее усовершенствование в знании законов. Прокурору, судье и следователю стыдно не разбираться в нашем законодательстве. Ведь вы все люди, которые обязаны мобилизовать массы в борьбе за выполнение советских законов. Эту задачу, без участия масс, не опираясь на массы, вы не сможете успешно разрешить, а для того чтобы вооружать массы знанием важнейших законов, надо, товарищи, вам самим знать наши законы.

Мы просматривали на выдержку целый ряд решений по отдельным жалобам и мы видели, как некоторые прокуроры, очень слабо разбирающихся в законах, доверяясь техническому аппарату, консультируя на стороне, их разрешают не всегда правильно. Усвоение нашего законодательства является неотъемлемой частью овладения техникой своего дела.

И наконец, последний вопрос, товарищи, на котором я хочу остановиться,—это «Вопрос о культуре в работе. Тов. Сталин в «вопросах ленинизма» чрезвычайно ярко отметил, что особенность ленинского стиля в работе заключается из сочетания русского революционного размаха и американской деловитости. Вот, часто в нашей работе нет такого сочетания, нет ленинского стиля. Надо, товарищи, вчитываясь в решения нашей партии, изучая переписку тов. Сталина с массами колхозников, хозяйственников, у Сталина, у нашей партии учиться работать по-настоящему, уметь вопросы, казавшиеся бы, «мелочные» поднимать до принципиальной политической высоты.

Насколько мы беседовали с целым рядом товарищей в районах, у нас сложилось такое впечатление (правильно оно или неправильно, вы скажете), что следователь, прокурор и судья очень мало читают и партийную литературу и вообще литературу, и специальную литературу.

Надо, товарищи, теперь уже понять, что вопрос марксистско-ленинской подготовки не является вопросом, относящимся только к долгу партии. Марксистско-ленинской подготовки должны интересоваться и беспартийные работники советской юстиции, так как человек, не имеющий марксистско-ленинской подготовки, человек, не интересующийся марксизмом-ленинизмом, не может политически грамотно разрешать те или другие вопросы своей работы.

Наконец, товарищи, очень плохо у многих из ваших работников обстоит дело с изучением русского языка. Русский язык надо систематически изучать и не потому, что русский язык имеет у нас первенствующее значение. Это вовсе не так. Помимо русского языка у нас на территории Союза есть и другие государственные языки; потому надо изучать русский язык, что на нем написаны важнейшие работы по теории марксизма-ленинизма. На нем, товарищи, на русском языке писал Ленин и пишет Сталин, на нем написаны величайшие произведения нашей художественной литературы. Овладение русским языком, товарищи, развертывает перспективу познания действительности, вооружает работника в овладении техникой своего дела.

Правда, надо отметить, что благодаря большому вниманию, которое уделяет ваш Народный комиссар юстиции т. Торосян переводу основных работ в области теории и практики советской юстиции на ваш родной язык, вы здесь все же имеете важнейшие работы, изданные на армянском языке. Но этого мало; надо и дальше, усиливая эту работу по переводу с русского на армянский язык важнейших произведений марксизма-ленинизма, в то же самое время не забывать значения русского языка.

Позвольте вас, товарищи, приветствовать от имени Прокуратуры Союза ССР и пожелать в вашей дальнейшей работе успехов по повышению ее качества.

К вопросу о качественном учете судебнo-прокурорской работы

Судебно-прокурорская работа имеет характерные особенности, вытекающие из самого существа ее. С наибольшей силой надо сказать это о прокуратуре.

«Прокурор должен быть твердым и решительным борцом, способным по каждому конкретному вопросу своей работы противопоставить государственную точку зрения местным влияниям и проташить калужскую и казанскую законность»¹.

Единственная задача прокурора — защита законности, «несмотря ни на какие местные различия и вопреки каким бы то ни было местным влияниям» (Ленин).

Само собою понятно, что эти особенности в работе прокуратуры создают у прокурора несколько обособленное положение на месте и частенько даже создают некоторую оторванность, что влечет за собой ряд особенностей в руководстве самой прокуратурой. Что же касается этого руководства, то само собою понятно, что наиболее реальное руководство это есть руководство живое, руководство на месте.

Помимо этого у местного прокурора с своим руководством должна быть постоянная связь. Эта связь осуществляется в виде периодической отчетности, в частности цифровой, статистической и в виде информации. И в той и в другой — по крайней мере, в их современной постановке — есть целый ряд недостатков, заставляющих местных прокуроров изыскивать кроме официальной еще свою самодельную статистику, а руководство прокуратуры — систематически требовать с мест кроме установленной отчетности — отчетность по отдельным заданиям.

Немаловажное значение имеет информация. В частности в Прокуратуре РСФСР она была введена в 1928 г. по инициативе автора этих строк. Она была введена как система, будучи предварительно проверена на опыте работы в Ленинградской прокуратуре. На первых порах за нее очень охотно ухватились места. Сейчас информация существует как нечто само собою подразумевающееся. Однако она далеко не удовлетворительна, прежде всего потому, что она в значительной степени выродилась, разбухла и дает сравнительно мало конкретного оперативного материала.

Что же касается отчетности цифровой, статистической, то цифры по существу своему вещь малоподвижная. Статистика — вещь, которая требует определенного периода времени для того, чтобы можно было делать те или иные выводы, почему она служит весьма серьезным подспорьем, но полностью удовлетворить оперативную работу по существу не может. В частности статистика почти совсем не дает материала для того, чтобы иметь возможность непосредственно судить о тех конкретных изменениях, о том конкретном улучшении, которое внес тот или иной приговор, или серия судебных приговоров, или ряд мероприятий.

проведенных прокурором, в данную обстановку.

Вот почему всегда, когда прокурору придется отчитываться о своей работе, он чрезвычайно недоволен своей статистикой. Ему приходится изыскивать какую-то свою особую статистику, при помощи которой он мог бы дать конкретный живой отчет о своей работе. Вот откуда появляется самодельная отчетность.

На Первом всесоюзном совещании по уголовной статистике, созванном по инициативе Института уголовной политики, был заслушан доклад и одобрены предложения автора этих строк об «учете эффективности судебнo-прокурорской работы».

Предлагаемый учет не отменяет ни существующей информации, ни статистики. Это мероприятие предлагается параллельным и дополняющим их. Вместе с тем это мероприятие не является чем-то особенно сложным и перегружающим работу низового прокурорского работника, ибо касается только наиболее острых на данный момент явлений.

Технически этот учет предлагается к выполнению путем карточки, состоящей из трех отрезков, причем первый отрезок посылается руководству немедленно по возбуждении дела, второй отрезок — по окончании судебного дела, а третий отрезок — три месяца спустя после отсылки второго. На первом отрезке прокурор информирует вкратце о возникшем деле и о первых принятых мерах, 2-й отрезок дает представление о самом существе дела, приговоре и мероприятиях, проведенных в связи с приговором; третий отрезок дает ответ на вопрос о том, какой эффект приговор и сопровождавшие мероприятия произвели на данном предприятии (фабрике, совхозе, колхозе) и на окружающих его однородных предприятиях. Места карточками снабжаются из центра.

Приведем пример. Районному прокурору стало известно, что находящаяся в его районе фабрика выпускает недоброкачественную продукцию. Прокурор проверил поступивший к нему материал и установил, что к такому утверждению имеется вполне достаточно оснований. Он поручает произвести расследование районному следователю, устанавливает примерный срок для этого расследования и одновременно чрезвычайно коротко на отрезке 1-м карточки сообщает руководству о существовании возникшего дела. Если, скажем, закон 8 декабря взят на учет Прокуратурой Союза, то районному прокурору надо будет свои сообщения посылать одновременно прокурору области, прокурору республики и прокурору Союза. По вынесении приговора и последующего кассационного определения районный прокурор немедленно сообщает об этом опять-таки всем адресатам на отрезке 2-м карточки требуемые данные, дающие более или менее полное представление о деле. Одновременно указывает кратко существо самого дела и те мероприятия, которые приняты самим прокурором, судом и другими органами в связи с приговором, а также и то, как был организо-

¹ «Правда» № 216 от 7/VIII 1934 г.

ван самый процесс и как он прошел. Спустя три месяца районный прокурор на отрезе 3-м сообщает (опять-таки тем же адресатам) сведения о том, что конкретно изменилось в связи с вынесенным приговором на данной фабрике, лучше ли стало производство, какие мероприятия проведены для улучшения производства, какие мероприятия предприняты для устранения, скажем, некомплектности и т. д., что в связи с этим изменилось на окружающих предприятиях — словом, какой эффект произведен самим приговором.

Этот учет предлагается организовать двух видов: по преступлениям и по объектам. Поясним это. Учет по преступлениям: Прокуратура Союза берет на свой учет два-три наиболее актуальных на данном отрезке времени преступления. Прокуратура республики плюс к этому еще два; также и прокуратура области. Итого, у районного прокурора — шесть-семь особо актуальных преступлений, по которым он обязан соответственно информировать свое руководство.

По объектам: Прокуратура Союза берет под свое непосредственное наблюдение несколько предприятий, совхозов или колхозов в различных районах Союза; берет под наблюдение определенные преступления. И тогда районный прокурор данного района обязан будет информировать в вышеуказанном порядке о каждом из этих преступлений Прокуратуру Союза. В таком же порядке может взять под свой непосредственный надзор определенные предприятия прокуратура республики и прокуратура области (края).

Конечно этот учет требует прежде всего очень хорошей осведомленности районного прокурора относительно своего района. Требуется четкая и грамотная информация, безукоризненно аккуратная и достаточно полная.

Институт
уголовной
политики

Обзор уголовного и уголовно-процессуального законодательства гитлеровского правительства в Германии

С первых же дней прихода к власти Гитлера (30 января 1933 г.) усилилась фашистская расправа с революционным движением.

Для фашистского террористического правительства Гитлера все изданные правительством Брюннинга и Шлейхера чрезвычайные законы оказались недостаточными. Гитлер стал на путь издания новых исключительных законов против коммунистов и рабочего класса.

Закон от 4 февраля 1933 г. содержит в себе целый ряд уголовно-правовых положений. Вследствие роспуска рейхстага этот закон был издан в виде чрезвычайного закона на основании § 48 Веймарской конституции.

На основании этого закона были запрещены все собрания, демонстрации, конечно кроме национал-социалистических. Согласно 4 разделу этого же закона устройство без разрешения собраний, выступление в них и предоставление своего помещения для собраний карается

Зато она дает возможность центральным органам на каждый данный момент быть в курсе того, что совершается по данному определенному вопросу в пределах всего Союза, республики или области (края). Мало того, дает возможность иметь представление не только о том, что совершается на каждый данный момент, но путем статистической обработки полученных материалов она дает возможность иметь достаточно подробный материал и на любой отрезок времени, а значит это дает возможность конкретно оперативно руководить местами, а этим последним дает возможность получать конкретное оперативное руководство.

Это мероприятие, как уже сказано, было подвергнуто на Первом всесоюзном статистическом совещании очень оживленному обсуждению и принято огромным большинством этого совещания. Против него раздавались лишь отдельные голоса из наших «консервативных» кругов, от тех товарищей, которые боятся всякого нововведения уже в самом принципе и которые однако сами огромными мертвыми таблицами статистической отчетности пытаются исчерпать все материалы, которые подчас, опираясь на мертвые статистические цифры, бюрократическим руководством сверху пытаются заменить живое, конкретное оперативное руководство.

Совершенно ясно конечно, что такой учет возможно ввести сейчас в далеко несовершенном виде — практика должна показать, как его надлежащим образом поставить. Но мне кажется, что сама идея его в достаточной степени здоровая и что она будет охотно воспринята не только руководством, но и низами, низовыми прокурорскими работниками, которые еще так нуждаются в конкретном оперативном руководстве.

тюрьмой. Те же наказания грозят за издание и хранение запрещенных периодических изданий и за недонесение о наличии таковых.

Эти положения отнюдь не являются новшеством во внутренней политике Германии. Первый президент Германии Эберт, а также предшественники Гитлера на посту канцлера Брюннинг, Папен, Шлейхер устранили все установленные Веймарской конституцией виды собраний, демонстраций и т. д. Так, чрезвычайный закон от 28 марта 1931 г. и от 6 октября 1933 г., а также папеновский чрезвычайный закон от 14 июня 1932 г. содержат в себе все основные положения, напоминающие гитлеровское законодательство.

После издания этих законов даже буржуазно-либеральная пресса назвала их «нагромождением ограничений свободы, еще невиданным в Германии» (Франкфуртская газета от 7 февраля 1933 г.).

Внутреннее политическое положение Германии перед выборами в рейхстаг 5 марта 1933 г. и все ухудшающиеся перспективы для национал-социалистов на этих выборах вызвали у буржуазии стремление к чудовищному решительному подавлению оппозиционных и революционных партий, в особенности коммунистов. Провокация в виде поджога рейхстага 27 февраля 1933 г. была поводом для дальнейших террористических законодательных актов. 28 февраля 1933 г. были изданы два закона, совершенно изменившие правовое положение в Германии и юридически упразднившие конституцию.

Первый закон озаглавлен «Указ президента Германской республики о защите народа и государства, изданный для отражения коммунистических, опасных для государства актов насилия». Этим указом формально отменялись все основные права, изложенные во второй части Веймарской конституции: право на свободное выражение мнений, право на личную свободу (создано законное основание для административных арестов), неприкосновенность жилища (законные основания для юридических обысков в рабочих кварталах и разорение рабочих жилищ и дач националистами), тайна переписки и пр. Чтобы с помощью официальной государственной юстиции парализовать сопротивление масс вооруженным бандам национал-социалистов, распоясавшимся после прихода Гитлера к власти, было постановлено, что неповиновение распоряжениям государственной власти или призыв к противодействию этим распоряжениям карается тюрьмой. Если эти деяния повели за собой «опасность для человеческой жизни» (особенно эластичное и опасное понятие), то назначается каторжная тюрьма; если они причинили смерть, то применяется смертная казнь. Далее по этому закону обязательно применяется смертная казнь за бунт против верховной власти, за отравление, поджог, взрыв, наводнение, повреждение железнодорожных путей и общее опасное отравление, т. е. и за такие деяния, которые до того времени карались пожизненной каторжной тюрьмой. Затем устанавливается смертная казнь в случае квалифицированного участия в мятежном скопище, тяжкого нарушения общественного спокойствия.

Был создан целый ряд новых составов преступления, которые также караются смертной казнью или пожизненной каторжной тюрьмой: посягательство на убийство имперского президента или высшего имперского чиновника или предложение совершить такое действие, принятие такого предложения и наконец соглашение по поводу убийства названных лиц.

Второй указ президента Германской республики от 28 февраля 1933 г. называется «указом о защите народа от измены и мятежных происков». В этом указе указано, что выдача военных секретов обязательно карается смертной казнью. За государственную измену и узнавание военных секретов допускается смертная казнь. Далее были созданы новые составы преступлений: распространение, сохранение и изготовление подложных важных для государства документов. Карается также и распространение уже оглашенных документов, но которые нежелательны для дальнейшего оглашения для германской империи.

После издания этого закона даже «либеральная» германская пресса отмечала, что эти

законы хранят последние остатки либерально-правового государства. Этими законами был официально установлен режим фашистской террористической диктатуры. 21 марта 1933 г. президентом республики и правительством был издан указ об амнистии за преступления, которые согласно тексту закона «были совершены в борьбе за подъем германского народа, за подготовку его или в борьбе за германскую землю». Амнистия распространялась на всякого рода преступления, имевшие какую бы то ни было связь с борьбой националистических союзов против антифашистов, евреев и коммунистов. Согласно этому закону назначенные судом наказания не приводились в исполнение, отбывание наказаний прекращалось и прекращались начатые уголовные преследования. Таким образом эта амнистия была целиком направлена в пользу сторонников правительства, в пользу национал-социалистов.

21 же марта 1933 г. был издан и второй указ президента Германской республики «для отражения коварных посягательств на правительство национального возрождения». По этому закону карается тюрьмой до двух лет ношение без надлежащего на то права формы или значка союза, стоящего за «правительство национального возрождения». Неправомочное ношение формы или значка карается каторжной тюрьмой, если эти действия были совершены «с целью возбуждения восстания или страха и испуга среди населения, или с целью вызвать затруднение во внешней политике Германской империи». В особо тяжелых случаях может быть назначена и смертная казнь.

Для преступлений, предусмотренных чрезвычайными законами от 28 февраля и только что названным законом, была установлена подсудность чрезвычайным судам, и компетенция судность чрезвычайным судам, компетенция 1933 г. Эти чрезвычайные суды также не являются новшеством Гитлера, они уже были созданы правительством Брюнинга и даже имели место еще при правительстве Эберта.

Организация этих судов и судопроизводство в них коренным образом отступает от норм уголовно-процессуального кодекса и положения о судостроительстве. Эти суды состоят исключительно из профессиональных судей в составе председателя и двух членов. В законе говорится о том, что «нет надобности в решении об открытии судебного следствия». Этим отменяется процедура предварительной судебной проверки основания для предания суду. Заявление прокуратуры об открытии судебного следствия обязывает председателя при отсутствии формально-юридических препятствий назначить судебное следствие.

Фактически это означает, что суд должен следовать предписаниям прокуратуры. Суду надлежит лишь проверить формально-юридические основания дел судебного следствия, в то время, как в обычном судопроизводстве суд проверяет дело по существу и самостоятельно решает вопрос о том, имеются ли налицо условия для производства судебного следствия. Если учесть те обстоятельства, что по существовавшим до той поры положениям в Германии проверка оснований для открытия судебного следствия судом способствовала уравниванию в правах прокуратуры и обвиняемого, то последнее предписание означает существенное ухудшение положения обвиняемого в процессе.

Далее этим законом постановляется, что чрезвычайный суд может отклонить предъявление доказательств «если у него создалось впечатление, что их не требуется для выяснения дела» (§ 13). Затем в законе сказано: «Решение чрезвычайных судов не подлежит обжалованию» (§ 16). Правда, облегчены основания для пересмотра дела в новом составе суда. В случае пересмотра дела оно становится подсудным обычным судам. В законе сказано: «Заявления о пересмотре дела рассматриваются уголовной камерой. Пересмотр дела в пользу осужденного имеет место и в том случае, если обнаружатся обстоятельства, делающие необходимым пересмотр дела в обычном порядке судопроизводства».

Вопрос о допущении пересмотра дела разрешается обычным судом произвольно: правовых гарантий для осужденного нет. При этом надо учесть то обстоятельство, что заявление о пересмотре дела не задерживает приговора в исполнении и что чрезвычайные суды могут применять самые тяжкие наказания, известные германской юстиции: смертную казнь и каторжную тюрьму.

Однако германский фашизм этим не удовлетворился. 29 марта 1933 г. Гитлер издал «закон о применении и приведении в исполнение смертной казни». Этот краткий закон постановляет, что чрезвычайный закон, изданный 28 февраля 1933 г. и угрожающий за поджог смертью, распространяется и на деяния, совершенные в период времени между 31 января и 28 февраля 1933 г. В другом параграфе того же закона сказано, что если кто-нибудь приговорен к смерти за деяния, направленные против общественной безопасности, то правительство имеет право распорядиться, чтобы казнь была приведена в исполнение путем повешения. (В Германии уже около 100 лет назад этот вид смертной казни был отменен). Непосредственным поводом к созданию этого закона послужило заявление Гитлера о том, что поджигатели рейхстага будут повешены на виселицах перед зданием рейхстага.

Наряду с этим гитлеровское правительство позаботилось о том, чтобы в максимальной мере обеспечить проведение в жизнь этих законов, приступив к очистке судебного аппарата от нежелательных для фашистского правительства элементов. К таким ненадежным элементам были отнесены вообще неарийцы, которые должны были быть удалены из судебного аппарата. Законом 7 апреля 1933 г., озаглавленным «Закон об оздоровлении профессионального чиновничества», были отменены конституционный принцип несменяемости судей и все положения, обеспечивающие служебное положение чиновничества. Согласно этому закону во всяком случае увольняются со службы: «чиновники, поступившие на государственную службу после 9 ноября 1918 г. и не обладающие соответственным образованием или другими данными, необходимыми для исполнения служебных обязанностей». Далее увольняются «чиновники неарийского происхождения». Исключения допускаются для чиновников неарийцев, состоявших на службе до 14 августа 1914 г. или сражавшихся в свое время на фронте, или для тех, отцы или сыновья которых были убиты в сражении. Наконец увольняются или переводятся на другую должность чиновники, а также и судьи, «которые не представляют достаточных гарантий того, что

они будут беззаветно стоять на страже интересов национального государства».

К этому закону была издана целая масса изменений, дополнений и предписаний о проведении его в жизнь (закон 23 июня 1933 г., 20 июля 1933 г., 23 сентября 1933 г., 23 марта 1934 г., затем декрет о проведении закона в жизнь 11 апреля 1933 г., 4 мая 1933 г. и 6 мая 1933 г.). Однако основные черты закона не подверглись изменению. Самыми существенными из последующих положений являются два: во-первых, декрет от 11 апреля 1933 г., которым определено понятие арийского происхождения. Согласно ему как «неарийцы» должны быть рассматриваемы те, у кого или дед, или бабка были евреями, или вообще неарийцами. При этом вероисповедание не принимается во внимание, а исключительно раса.

Во в германских судах имеются и не профессиональные судьи: шеффены и присяжные, которые заседают в судах шеффенов, в уголовных камерах и судах присяжных в качестве заседателей. И этих судей надлежало приурочить к новому режиму. Это было совершено законом, изданным 7 апреля 1933 г. Согласно этому закону, начиная с 1 июля 1933 г., все заседатели заменяются новыми. Министерству юстиции было предоставлено право удалить из судов ненадежных заседателей. Было предписано принять меры к тому, чтобы общинные комиссии, назначающие заседателей, составлялись исключительно из национал-социалистов.

В руководстве, изданном прусским министром юстиции 13 ноября 1933 г. о назначении шеффенов и присяжных заседателей, сказано: «На пост шеффена безусловно не допускаются: 1. Неарийцы, 2. Враждебные народу элементы».

Третий закон 7 апреля 1933 г. регулирует вопрос о прокурорских кадрах. Согласно этому закону может быть запрещено прокурору исполнять свои функции, если он неарийского происхождения и не занимал этой должности до 1 августа 1914 г. Только те прокуроры неарийского происхождения могут оставаться на службе, которые сражались на фронте (не находились на военной службе в тылу) или у которых отец или сын погибли в сражении. Также «могут быть удалены из рядов прокуратуры лица, действовавшие в коммунистическом духе».

Законом 26 мая 1933 г. была продолжена реформа уголовного кодекса. «Новые провозглашенные национал-социалистами «блага» как «народная мощь», «честность и верность» и т. д. потребовали особой уголовно-правовой охраны». Была расширена карательная санкция для аборта. Для мошенничества в особо тяжелых случаях была установлена каторжная тюрьма до 10 лет. Понятие злоупотребления доверием было (§ 266) значительно расширено. В теперешнем виде § 266 уголовного кодекса тяготеет над каждым находящимся в положении экономической зависимости от другого лица. Согласно этому параграфу накажется каждый, кто причинит вред своему «доверителю», причем «доверие» вовсе не обязательно устанавливается договором или законом, а может вытекать из «положения вещей» и в особенности из взаимоотношения обеих сторон. При этом надо учесть то обстоятельство, что национал-социалистическое государство, как это явствует из его за-

кона о труде, возводит в идеал средневековой цеховой принцип тесной традиционной связанности каждого участника хозяйственной жизни с предпринимателем. «Верность предпринимателю» — это новый лозунг, которым прикрывается грабеж из заработной платы. Нарушение такой «верности» требованием повышения заработной платы может быть наказано каторжной тюрьмой на срок от 1 до 10 лет.

Положение в Германии быстро обострялось и соответственно заострялись законы. Так, законом 13 октября 1933 г. карается смертью или пожизненной каторгой или каторжной тюрьмой до 15 лет тот, «кто по политическим мотивам или в связи с своей служебной деятельностью посягнет на убийство прокурора или чиновника, которому доверена функция политической, уголовной, железнодорожной, лесной, таможенной, охранной полиции или полиции безопасности, или лица, входящего в состав военной мощи, или кто будет призывать к такому убийству, или предложит свои услуги для этого и примет такое предложение, или договорится с другим по поводу такого убийства».

Подобная охрана распространяется и на фашистские боевые союзы, на лиц, входящих в состав «немецкого союза воздушного спорта, на шефенов, присяжных заседателей, свидетелей и экспертов».

То же наказание грозит и тому, кто будет изготовлять за границей, распространять или хранить у себя в целях распространения произведения печати, представляющие по содержанию своему государственную измену, или вообще совершит за границей преступление государственной измены, далее, тому, кто, зная о содержании указанного произведения печати, ввезет его в страну для целей распространения, или кто станет распространять его по стране после ввоза или кто, находясь в стране, будет содействовать преступлению государственной измены, совершаемому за границей».

Если ввезенное в страну произведение печати содержит призыв к образованию партии, призыв или возбуждение к организованному сопротивлению, или «ложные сообщения», направленные против правительства «национального подъема», то назначается каторжная тюрьма на срок до 5 лет.

И эти преступления подсудны чрезвычайным судам.

Самым характерным законом национал-социалистического правительства, выражающим основные принципы национал-социалистической борьбы с уголовной преступностью, является закон об опасных привычных преступниках и мерах безопасности и исправления 24 ноября 1933 г. Этим законом вводятся в германское уголовное право:

1. общее усиление наказания и понятие привычного преступника,
2. изоляция в целях безопасности,
3. понятие уменьшенной вменяемости,
4. помещение невменяемых лиц с уменьшенной вменяемостью в учреждения для душевнобольных и в учреждения для лечения алкоголиков,
5. кастрация лиц, совершивших половое преступление,
6. запрещение заниматься определенной профессией.

Согласно этому закону лицо, дважды приговоренное к лишению свободы на 6 месяцев и снова совершившее какое-нибудь преступление, карается каторжной тюрьмой до 5 лет. Если последнее деяние является преступлением, караемым каторжной тюрьмой, то назначается каторжная тюрьма до 15 лет.

Если наказание было таким образом усилено, то суд тем же приговором может постановить и дополнительную изоляцию в целях безопасности. Эта дополнительная изоляция считается не наказанием, а мерой в интересах общественной безопасности. Она совсем не затрагивает наказания, а вступает в силу только после его погашения. В законе 24 ноября сказано, что и здесь применяется принудительный труд и что лица, заключенные в соответственные учреждения безопасности, могут посылаться на работы вне стен этих учреждений. Содержание в таком учреждении продолжается «по мере надобности». Суд обязан только в определенные сроки, а именно через каждые три года, проверять, имеются ли основания для продолжения изоляции. Если таковых оснований нет, то заключенный освобождается. Однако законом определяется характер этой свободы. В законе сказано: «такое освобождение является лишь условным. Суд может при освобождении наложить на освобожденного определенные обязательства или наложить или изменить их потом. Если из поведения освобожденного явствует, что цель этой меры требует возобновления изоляции, и если срок давности еще не истек, то суд аннулирует свое постановление об освобождении».

Срок давности истекает через 10 лет. Это значит, что освобожденный на 10 лет отдается на произвол суда. Кроме того этот закон имеет обратную силу. Установлено, что после 1 января 1934 г. суд может назначить дополнительную изоляцию уже во время отбывания наказания трижды осужденным субъектом. Этим нарушается еще один основной принцип буржуазного уголовного права: принцип колебимости приговора. Согласно этому принципу государство связано судебным приговором и не может его произвольно изменять. А фашистская юстиция дает возможность отягчать уже вынесенные приговоры.

Институт изоляции в целях безопасности не является изобретением национал-социалистов. Он является осуществлением идей уголовно-социологической школы, и Веймарская республика сама подготовляла это нововведение. Оно появлялось в ряде проектов уголовного кодекса, оно нашло себе место и в последнем проекте 1927 г. Некоторые положения этого законопроекта целиком вошли в фашистский закон; только теперь они стали значительно более суровыми.

Затем сильно ухудшилось положение обвиняемых со значительно уменьшенной вменяемостью. Раньше германские суды стояли перед альтернативой или осудить неполноценного обвиняемого, или оправдать его. В случае оправдания суд не имел права применить к нему какие бы то ни было меры, и он поступал тогда в ведение органов общественного призрения. Теперь дело обстоит иначе.

Прежде всего создано понятие состояния уменьшенной вменяемости. Вокруг этого понятия уже десятки лет идет дискуссия в науке уголовного права. Оно проникло и в проекты

уголовного кодекса во время Веймарской республики. Фашистский закон формулирует это понятие так: «если способность осознать неправомерность деяния и соответственно руководить своими поступками была значительно уменьшена вследствие патологического нарушения душевной деятельности или слабоумия, то наказание может быть смягчено, согласно предписаниям о покушении»¹.

Закон 24 ноября 1933 г. вносит и другие новшества. Он постановляет, что если кто-нибудь «чрезмерно потребляет спиртные напитки» и осуждается за преступление или проступок, находящиеся в причинной связи с таковой привычкой, то суд может внести решение о помещении его в противоалкогольное лечебное заведение или дом воздержания; однако пребывание в таком заведении не может продолжаться свыше двух лет. И это положение почти целиком взято из проектов.

Если преступление было совершено в состоянии полной невменяемости или уменьшенной вменяемости, то суд назначает «помещение в лечебное заведение, если это требуется в интересах общественной безопасности». «При уменьшенной вменяемости помимо наказания назначается помещение в заведение». И это постановление может выноситься по поводу всякого преступления, даже такого, которое карается тюрьмой или штрафом. Исключаются только «нарушения», т. е. преступления, караемые арестом или штрафом до 150 марок. Период пребывания в лечебном заведении не связан никаким сроком. Суд только обязан, по истечении определенного срока, а именно через каждые три года проверять, «не достигнута ли цель таковой изоляции». Если она достигнута, т. е. если заключенный «исправился» или «излечился», то суд обязан его освободить. Но и здесь освобождение является только условным и может быть во всякое время прекращено в течение 10 лет. Если в случае уменьшенной вменяемости помимо наказания была применена изоляция, то сначала отбывается наказание. Назначение мер изоляции предоставлено исключительно суду, и ему же предоставлено разрешение вопроса о снятии изоляции. Однако он обязан запросить эксперта-психиатра.

Сейчас уже не трудно предсказать, во что выльются эти новые фашистские законы на практике. Террор, который можно будет провидеть с помощью этого закона, отнюдь не умалится тем, что запрашивается мнение психиатра, и сама изоляция ставится в зависимость от душевного состояния субъекта. Можно с уверенностью сказать, что самое понятие «уменьшенной вменяемости» при теперешнем состоянии психологических исследований не может считаться научным понятием потому, что почти у каждого психиатра и психолога свое особое представление об уменьшенной вменяемости. При этом мнения буржуазных психиатров не всегда бывают свободными от политически эффективного отношения к объекту экспертизы. При таком положении этот закон фактически будет фашизмом использован и уже используется как орудие борьбы с политическими противниками, с ре-

волюционными рабочими и коммунистами в первую очередь.

Но ярче всего проявилось варварство национал-социалистов в законе о кастрации. Согласно ему, человек, которому к моменту вынесения приговора уже исполнилось 21 год, может быть подвергнут кастрации. Основания для кастрации таковы: наличие полового преступления или приговора к заключению в тюрьму за телесное повреждение, нанесенное с целью полового удовлетворения. Не требуется, чтобы осужденный отбыл это наказание. В случае повторения подобного преступлений приговорен к лишению свободы на срок 6 месяцев суд может применить кастрацию. И здесь суд обязан выслушать мнение эксперта. Затем суд может назначить эту меру тому, кто за два или более вышеуказанных преступления и приговора к лишению свободы на от одного года даже и в том случае, если он до того времени не карался за половое преступление. Далее суд может назначить кастрацию за совершение преднамеренного или умышленного убийства по половым побуждениям. И этот закон имеет обратное действие: кастрация может быть назначена впоследствии, если она была бы допустима к моменту вынесения приговора при предположении, что закон действовал уже в это время. О самой операции кастрации только сказано, что она должна производиться в больнице врачом и что допускается принуждение, если другие меры окажутся недостаточными.

Кастрацию нельзя смешивать со стерилизацией, также введенной национал-социалистами для наследственно-больных. Стерилизация лишает лиц, подвергнутых ей, способности к деторождению, но не лишает их способности совершения полового акта.

В заключение упомянем о запрещении заниматься той или другой профессией, которое также может быть применено судом при наличии определенных условий, а именно в случае приговора к лишению свободы на срок не ниже 3 месяцев за совершение уголовно наказуемого деяния путем злоупотребления профессией или ремеслом, или при наличии грубого нарушения обязанностей, связанных с профессией или ремеслом. Это запрещение назначается на срок не свыше 5 лет.

Это предписание при наличии столь широкого развитого понятия злоупотребления доверием означает, что в Германии каждое ремесло становится под контроль уголовного судьи.

Последним законом, вносящим коренное изменение в ранее действовавшее право, является чудовищный закон от 24 апреля 1934 г., имеющий ничего не говорящий заголовок: «Закон об изменении норм уголовного и уголовно-процессуального права»...

По размаху террора новелла 24 апреля превосходит все, ранее изданное Гитлером.

Текст закона и его характеристика даны в издаваемом Институтом уголовной политики «Бюллетене иностранной информации» № 4-5 1934 г.). Здесь могут быть отмечены только самые существенные черты его:

В первой части закона дана новая редакция постановления о бунте против власти верховной и о государственной измене. Составы этих преступлений значительно расширены. В качестве нормального наказания за них установлена смертная казнь.

¹ Согласно § 44 уголовного кодекса покушение карается мягче, нежели законченное деяние.

Процессуальная часть закона посвящена вновь создаваемому чрезвычайному судилищу, названному «народным судом». На этот суд возлагается производство «в первой и последней инстанций» почти по всем делам о бунте против власти верховной и о государственной измене. Он, таким образом, призван заменить собою по этим делам верховный суд. Он состоит из пяти членов, назначаемых канцлером... Председательствующий в народном суде и один из членов должны быть лицами, имеющими право на занятие судейской должности. Остальные три, следовательно большинство, не должны быть юристами. Производство в народном суде представляет значительно меньше гарантий подсудимому, чем производство в общих судебных установлениях. Выбор защитника зависит от согласия председателя. Этого мало: министру юстиции предоставлено право вносить отступления не только от общих правил судопроизводства, но и от правил, установленных в самом законе 24 апреля.

Приказом министра юстиции от 12 июня 1934 г. местом заседания народного суда был назначен Берлин, а сроком, когда должна была начаться его деятельность, 2 июля 1934 г. Однако вследствие известных событий конца июня новым приказом министра юстиции начало деятельности суда было перенесено на 14 июля.

Таковы в общих чертах установки гитлеровского законодательства в Германии, узаконившие террористические методы управления, открытого террора против рабочего класса и его коммунистической партии. Но как бы фашистское правительство ни старалось узаконить террористические методы управления страной, ему все же не удержаться на той расшатанной почве, которая создана господством буржуазии в Германии.

Последние события в Германии яким образом свидетельствуют об этом.

Н. Символа

Как военная прокуратура Московской обл. добилась хороших показателей в своей работе

„Незыблемость советского закона — основа социалистического правосознания“ („Правда“).

«В поле нашего сугубо бдительного внимания были всегда ведущими следствием и суд. Внимание к этим важнейшим объектам нашей работы изо дня в день усиливалось и усиливается. К данному времени мы все, как один, глубоко уяснили, что высокое качество расследования, быстрые темпы во всей нашей работе, эффективный воспитательно действующий судебный процесс, наконец действительная помощь командованию в борьбе за железную воинскую дисциплину являются главнейшими в нашей работе» — так заявили работники нашей прокуратуры в своем обращении ко всем работникам ВП РККА.

Это заявление отразило собою не только общее понятие стоящих перед нами задач на данном этапе построения бесклассового социалистического общества. Работники ВПМО в разрешении поставленных XVII съездом партии задач добились значительных успехов в своей работе. Во-первых, преступность в обслуживаемых частях из месяца в месяц уменьшается, и это происходит на основе укрепления политико-морального состояния бойцов. Естественно, что это снижение преступности и укрепление политико-морального состояния явилось в результате того, что наша РККА «совершенно переродилась, став в отношении качества и количества вооружения, организационной структуры и боевой подготовки своих кадров как бы принципиально иной армией» (Ворошилов). Однако в это «перерождение» мы, органы военной прокуратуры также вложили свою лепту. Более серьезное внимание мы уделяли темпам расследования. В этой области мы добились снижения сроков расследования с момента совершения преступления до разрешения в ВП до 16,8 дней на каждое

дело. В прошлом году этот срок выражался в 29,9 дня. Руководство ставит задачу по этому показателю — 20 дней. От момента начала следствия до разрешения в прокуратуре — с 24,5 дней сокращено до 9,2 дня. Военный следователь заканчивал расследование в срок до 14 дней в прошлом году — 66,1% всех дел, а в 1934 г. — 93,2%. Дознания в частях разрешались в срок до 3 дней — 19,3%, а в текущем году — 62,1%. У следователя эти дознания разрешались до 3 дней в прошлом году — 49,22%, а в текущем году — 94,3%.

Выступлений для поддержания государственности в суде в прошлом году было 42,5%, а в текущем году — 91,3% всех дел. Руководство по этому показателю ставит задачу — 80%.

Общественно-политическая работа ВП являлась и является исключительно подсобной для следствия и суда.

Ко всякого рода сигнализациям, вытекающим из конкретных расследований, и вообще к голосу наших работников как рядовые бойцы, так и начсостав проявляют внимание и интерес, и это не случайное явление, ибо наши представления и голоса являются уверенными, будучи основаны на советских законах и на конкретных материалах.

Этих положительных результатов наша прокуратура добилась на основе социалистического соревнования и ударничества. Мы неустанно следили и следим за показателями нашей работы, у нас осуществляется повседневный контроль и проверка за каждым конкретным делом, по каждому вопросу. Ежедневно подводятся итоги работы, осуществляется контроль за работой аппарата. Особое внимание мы уделяем работе органов дознания посредством живой связи с ними и с частями

и посредством премирования за отличные образцы их работы.

Социалистические формы и методы труда в нашем коллективе начинают пронизывать наш повседневный быт. Именно благодаря этому наша прокуратура могла представить двух следователей на получение премий по всесоюзному конкурсу на лучшего военного следователя.

Все работники ВПО одновременно с подведением итогов своей работы видят и сознают свои слабые стороны. Например качество следствия у нас отстает от темпов. Причины в этом разрыве нам отчетливо видны: они заключаются в недостаточной требовательности старших к младшим, недостаточном знании техники своего дела, особенно теми работниками, которые недавно пришли в наши органы. Наконец у нас весьма слабо практикуется показ со стороны прокуроров и более опытных следователей — как надо работать.

Научные методы следствия применяются недостаточно, и отдельные работники их недооценивают.

Недостаточно глубоко прорабатываются обстановка и обстоятельства способствующие возникновению отрицательных явлений. Еще не все ВП и следователи научились планировать свой рабочий день, рабочее время полностью не загружается. Живая связь следователей с частями недостаточно систематическая, органы дознания слабо используются как подсобные рычаги в нашей работе.

Политический смысл перестройки работы прокуратуры и суда еще не все работники усвоили.

Все эти недочеты более распространены в области оказания нашей помощи органам охраны НКПС, водного транспорта, ИТУ, милиции и конвойных войск.

В этих органах наши работники встречаются с большими как объективными, так и субъективными причинами.

О недостатках в работе транспортной прокуратуры и ее задачах

Подготовительный период к осенне-зимним перевозкам на исходе. Остались считанные дни до широкого разворота массовых перевозок грузов, в частности хлебных грузов. Успехи осенне-зимних перевозок этого года, как и в предыдущие годы, будут решать здоровый паровоз, вагон и путь.

Сообщения отдельных прокуроров дорог говорят о том, что подготовка паровозного парка и особенно ремонт пути на многих дорогах идет медленно и скверно. Транспортные прокуроры, вместо организации надлежащей борьбы с виновниками этих безобразий, чаще всего ограничиваются констатацией фактов и сигналами.

Отставание прокуратуры особенно заметно на участке борьбы за здоровый путь. На этих дорогах не возбуждено ни одного дела о недоброкачественном ремонте пути, о неправильном использовании механизмов, рабочей силы, о перерасходах средств и пр.

На протяжении ряда лет повторяется странная история с хлебными щитами: в течение

Однако мы все, как один, веря в правоту нашего общего дела и памятуя лозунг нашего вождя т. Сталина о том, что «нет таких крепостей, которых большевики не могли взять», добьемся устранения этих причин.

В течение 1934 г. мы ставим себе задачи:

1. Устранить разрыв между темпами и качеством нашей работы путем усиления внимания делу закрепления достигнутых результатов и повышения качественных показателей. Конкретно добиться, чтобы ни одно дело не возвращалось для доследования, чтобы ни одно дело не прекращалось в суде за отсутствием состава преступления как в первой, так и во второй инстанциях.

2. Окончательно усвоить и практически реализовать установки Главной военной прокуратуры о перестройке нашей работы. Средством для этого мы имеем план работы ВП, свой собственный план и наконец контроль и проверку всей работы вышестоящими нижестоящими работниками.

3. Добиться проведения образцового конкурса на лучшего дознателя и посредством этого конкурса добиться еще лучших показателей работы органов дознания. Конкретно добиться не менее 80% дознаний, окончанных в срок до 3 дней.

4. Путем повышения теоретических знаний, усиления требовательности и контроля, усиления показа в практической работе добиться сведения на-нет неудовлетворительной следственной работы.

5. Добиться, чтобы к концу 1934 г. средний срок расследования дел от момента совершения преступления до окончательного разрешения в прокуратуре выражался в 12 дней. Средний срок расследования от начала следствия до разрешения в ВП сократить до 7 дней.

Мы, работая, будем учиться у Маркса, Ленина, Сталина и, учась, будем работать на укрепление боевой мощи нашей родины.

зимы и весны старые запасы щитов уничтожаются, изготовление же новых щитов отстает.

Транспортная прокуратура ни в одном случае не возбудила ни одного дела против виновников расхищения и разбазаривания щитов.

По данным НКПС, только весовая недостача хлебных грузов составляла в III квартале 1933 г. свыше 7 тыс. тонн.

Транспортная прокуратура обязана немедленно на основе учета опыта прошлого года, на основе анализа способов хищения и потерь хлеба при перевозках наметить меры и средства борьбы с виновниками хищений и недостач хлебных грузов. Решительно должно быть устранено из нашей практики в этом году характерное для работы многих прокуроров в прошлом увлечение общими обследованиями элеваторов, складов, вагонных участков и т. д., а также наблюдавшиеся в прошлом году отдельные случаи подмены прокуратурой и ее активом администрации. Увлечение этими общими обследованиями явилось одной из причин необоснованного массового возбуждения

дел, в том числе и мелких дел. За один лишь сентябрь 1933 г. по 18 дорогам было возбуждено около 200 дел. Массовое возбуждение дел в свою очередь привело к разжижению судебных репрессий к штамповке судебных приговоров. Дело доходило до того, что отдельных работников транспорта и Заготзерна судили по 2 и 3 раза то за задержку вагонов, то за неподготовку щитов, то наконец за плохую охрану и осуждали к краткосрочным принудительным работам. Понятно, что такие приговоры редко давали должный эффект. Требования партии о политической подготовке процессов, обеспечении меткости наносимых ударов, в горячке своеобразного соревнования «на количество», зачастую забывалось.

В этой связи мы вынуждены сигнализировать со всей серьезностью об отдельных фактах извращений в работе транспортных органов юстиции.

Линейный суд Екатеринбургской дороги под председательством т. Менского по делу хищения 4 вагонов отказался применить закон 7 августа к 2 участникам хищения на том основании, что они украли **по одному вагону**. Приговор этот как политически ошибочный по протесту прокурора дороги, поддержанному Главной транспортной прокуратурой, был отменен Верховным судом Союза.

Недооценка борьбы за охрану общественной собственности и игнорирование закона от 7 августа особенно ярко заметны в практике линейного суда и прокуратуры Южной железной дороги. В I квартале линейный суд этой дороги по делам о хищениях применил в качестве мер наказания принудительные работы и условное осуждение на 25,7% по отношению к другим мерам; в апреле процент применения принудител. работ и условного осуждения повысился до 38. По отдельным делам о крупных организованных шайках суд переходил от закона от 7 августа к общим статьям Уголовного кодекса даже в отношении организаторов и наиболее активных участников шаяк. Закон от 7 августа не применялся и по делам о растратах (с большими суммами растрат). Прокуратура Южной дороги не только не боролась до сих пор с этим извращением закон от 7 августа со стороны линейного суда, но сама проявляла недооценку значения борьбы за охрану общественной собственности. Только этим можно объяснить, что из 21 дела о хищении, расследованных и поступивших в прокуратуру в июне, в линейный суд передано лишь одно, в народный суд — 6, на исследование возвращено — 7, прекращено — 6 и одно дело передано на разрешение в дисциплинарном порядке.

Такая же недооценка закона 7 августа имеет место в отношении дел о корыстных злоупотреблениях в органах снабжения и о растратах денежных средств, что явствует из чрезвычайной затяжки этих дел в органах расследования и из того, что дела эти в подавляющем большинстве идут в народные суды. Так, в июне из 7 дел указанной категории в линейный суд передано лишь 1, в народный суд — 5 и прекращено — 1.

Недооценка борьбы с хищениями железнодорожного транспорта сказывается и в работе прокуратур Московско-Курской, Закавказской и Северокавказской дорог. Прокурор Закавказской дороги из 30 дел о хищениях за май направил в линейный суд лишь 9 дел; проку-

рор Северокавказской дороги за июнь из 52 дел направил в линейный суд только 8, а прокурор Московско-Курской дороги из 15 дел о хищениях ни одного дела не направил в линейный суд.

Свыше 3 месяцев прошло с момента Всесоюзного совещания — срок достаточный для перестройки нашей работы на основе совершенно четких требований Всесоюзного совещания. На большинстве дорог прокуратура энергично взялась за улучшение методов своей работы и за устранение тех огромных недочетов нашей работы, которые отмечены в решениях Всесоюзного совещания. Однако нельзя сказать, чтобы мы в этой области достигли сколько-нибудь заметного улучшения.

Решения Всесоюзного совещания требуют от прокуроров оперативно и реально руководить работой народных следователей или старших следователей на всем протяжении расследования. Такое оперативное и реальное руководство следователями в работе большинства прокуроров дорог и отделений до сих пор не налажено.

Для характеристики состояния следственной работы приведем данные, взятые из отчетов прокуроров отдельных дорог. На Екатеринбургской дороге из всех дел, прошедших через прокуратуру в апреле, следствие закончено в срок, установленный законом, только по 60% дел; в мае этот процент еще ниже — 51,3%.

На Южной дороге положение еще хуже: только по 22,2% дел следствие закончено в законный срок; 78% дел следователи прокуратуры Южной дороги заканчивают в срок свыше 10 дней, в большинстве же случаев свыше месяца.

На Екатеринбургской, как и на Южной дороге, работа следователей в огромном проценте идет впустую. Прокуратура Екатеринбургской дороги в мае и апреле 30% дел, законченных следователями, направила на прекращение или на дисциплинарное разрешение. Процент этот был бы еще больше, если бы прокуроры внимательно проверяли следственный материал. К сожалению практика штамповки обвинительных заключений еще не изжита в работе транспортной прокуратуры. Это видно на примере тех же упомянутых выше 2 дорог. В I квартале линейный суд Южной дороги вернул на исследование, прекратил производством и направил на дисциплинарное разрешение 17% всех поступивших к нему дел; в апреле соответственно 21,5%, в мае — 24,6%.

Линейный суд Екатеринбургской дороги в I квартал вынес оправдательные приговоры 16% лиц, преданных суду, в апреле — 17%, в мае — 14%. При этом следует заметить, что линейный суд Южной и Екатеринбургской дорог работает отнюдь не образцово, и значительный процент приговоров этих судов отменяется и изменяется кассационной инстанцией вследствие неосновательности привлечения и недостаточной обследовательности дел в процессе как предварительного, так и судебного следствия.

Продолжает оставаться неудовлетворительной судебная работа прокуратуры, особенно Юго-Восточной дороги. Прокурор дороги сам очень редко выступает в суде (за полугодие выступил по 6 делам). Для выступлений в процессах даже по весьма важным и серьезным делам командированы следователи, со совме-

стители, а иногда первый попавшийся активист.

Прокурор Александровского отделения Екатеринбургской дороги т. Григорьев по нашему делу по обвинению начальника станции Никополь и секретаря парторганизации в избивании служащих станции и разложении трудовой дисциплины не считал нужным сам выступать в суде, а командировал вместо себя следователя т. Дудолод. Из протокола судебного следствия по этому делу, а затем из кассационных жалоб осужденных стало известно, что Дудолод вел себя на процессе недопустимо и вместе с председательствующим Огарковым допустил грубое нарушение процессуальных прав подсудимых (отказ в вызове свидетелей, в освещении методов предварительного следствия, лишение последнего слова).

Для прокуратур всех дорог характерна недостаточная инициатива в деле опротестования ошибок линейного суда. Весьма часто прямо неправомерные приговоры не опротестовываются прокуратурой отделений или дорог. При значительной отмене или изменении приговоров линейного суда Южной дороги Транспортной коллегией Верховного суда роль прокуратуры дороги в исправлении ошибок линейного следствия, лишение последнего слова. Всего 2 протеста, за апрель и май — 3 протеста. В июне прокуратурой этой дороги проверено в порядке надзора всего лишь 2 дела. В то же время Главная транспортная прокуратура по жалобам осужденных и различных организаций затребовала за этот период, проверила в порядке надзора ряд дел линейного суда Южной дороги и принесла по ним протесты.

Прокуратура Юго-Восточной дороги в среднем в месяц просматривает 12 дел линейного суда. Это нельзя признать достаточным хотя бы потому, что в Главную транспортную прокуратуру поступает больше жалоб и ею проверяется больше дел, чем прокуратурой дороги. Жалобщики заявляют, что прокуратура от разбора жалоб отмахивается.

Протесты часто приносятся с большими задержками по нехарактерным делам и по случайным мотивам. Именно этим объясняется, что значительная часть протестов, приносимых дорожными прокуратурами, отклоняется Главной транспортной прокуратурой. Прокуратура Юго-Восточной дороги за 6 месяцев принесла 10 протестов, и из них Главная транспортная прокуратура пропустила только 5. За тот же период прокуратура Екатеринбургской дороги принесла 21 протест, из них 5 протестов Главной транспортной прокуратурой не было пропущено по мотивам необоснованности и задержки.

За последние месяцы усилилось поступление жалоб в Главную транспортную прокуратуру. В подавляющем большинстве это жалобы на неправильное применение дисциплинарного устава, на незаконное выселение из помещений железнодорожного транспорта, на незаконные штрафы и удержания зарплаты, претензии о пропаже и хищениях багажа и жалобы в порядке надзора на приговоры линейных судов. Все эти жалобы в транспортную прокуратуру союза поступают, минуя прокуратуры отделений и дорог. Уже один этот факт свидетельствует о том, что в дорожных прокуратурах и прокуратурах отделений надлежащим образом не поставлен раз-

бор жалоб. Жалобщики часто жалуются на волокиту и невнимательное отношение к жалобам и жалобщикам со стороны отдельных работников транспортной прокуратуры на местах.

Следует особо подчеркнуть ряд существенных недочетов, общих для всех прокуратур дорог и отделений и особенно характерных для прокуратур Юго-Восточной и Рязано-Уральской дорог. Прежде всего борьба транспортной прокуратуры со срывом государственного плана перевозок принимает несколько односторонний характер. Большинство возбужденных дел относится к подаче дутых заявок клиентурой и неиспользованию ею заявленных и предоставленных вагонов. Очень редко встречаются дела о срыве плана по вине железнодорожной администрации, о безобразном планировании со стороны управления железных дорог, о несвоевременном спуске планов по отделениям, а последними по станциям, о невыполнении регулировочных приказов, о пачкообразной подаче вагонов и о подаче вагонов, — иногда весьма серьезные обстоятельство. Очень редко встречаются дела о срыве плана по вине железнодорожной администрации, о безобразном планировании со стороны управления железных дорог, о несвоевременном спуске планов по отделениям, а последними по станциям, о невыполнении регулировочных приказов, о пачкообразной подаче вагонов и о подаче вагонов, — иногда весьма серьезные обстоятельство. Очень редко встречаются дела о срыве плана по вине железнодорожной администрации, о безобразном планировании со стороны управления железных дорог, о несвоевременном спуске планов по отделениям, а последними по станциям, о невыполнении регулировочных приказов, о пачкообразной подаче вагонов и о подаче вагонов, — иногда весьма серьезные обстоятельство. Очень редко встречаются дела о срыве плана по вине железнодорожной администрации, о безобразном планировании со стороны управления железных дорог, о несвоевременном спуске планов по отделениям, а последними по станциям, о невыполнении регулировочных приказов, о пачкообразной подаче вагонов и о подаче вагонов, — иногда весьма серьезные обстоятельство.

Очень редко встречаются дела о срыве плана по вине железнодорожной администрации, о безобразном планировании со стороны управления железных дорог, о несвоевременном спуске планов по отделениям, а последними по станциям, о невыполнении регулировочных приказов, о пачкообразной подаче вагонов и о подаче вагонов, — иногда весьма серьезные обстоятельство. Очень редко встречаются дела о срыве плана по вине железнодорожной администрации, о безобразном планировании со стороны управления железных дорог, о несвоевременном спуске планов по отделениям, а последними по станциям, о невыполнении регулировочных приказов, о пачкообразной подаче вагонов и о подаче вагонов, — иногда весьма серьезные обстоятельство.

Очень редко встречаются дела о срыве плана по вине железнодорожной администрации, о безобразном планировании со стороны управления железных дорог, о несвоевременном спуске планов по отделениям, а последними по станциям, о невыполнении регулировочных приказов, о пачкообразной подаче вагонов и о подаче вагонов, — иногда весьма серьезные обстоятельство.

Очень редко встречаются дела о срыве плана по вине железнодорожной администрации, о безобразном планировании со стороны управления железных дорог, о несвоевременном спуске планов по отделениям, а последними по станциям, о невыполнении регулировочных приказов, о пачкообразной подаче вагонов и о подаче вагонов, — иногда весьма серьезные обстоятельство.

Очень редко встречаются дела о срыве плана по вине железнодорожной администрации, о безобразном планировании со стороны управления железных дорог, о несвоевременном спуске планов по отделениям, а последними по станциям, о невыполнении регулировочных приказов, о пачкообразной подаче вагонов и о подаче вагонов, — иногда весьма серьезные обстоятельство.

Очень редко встречаются дела о срыве плана по вине железнодорожной администрации, о безобразном планировании со стороны управления железных дорог, о несвоевременном спуске планов по отделениям, а последними по станциям, о невыполнении регулировочных приказов, о пачкообразной подаче вагонов и о подаче вагонов, — иногда весьма серьезные обстоятельство.

ввиду получения нового заниженного задания от Ивановского лесосбыта.

Еще более характерными являются два производимых ниже дела, расследованных прокуратурой Юго-Восточной дороги.

1. Директор Аргамаченского карьера Нагорный был привлечен за недогруз вагонов и перепростой вагонов под догрузкой. Следствие по делу вел следователь транспортной прокуратуры Плешаков. В процессе следствия было выяснено, что дорога по договору обязалась собственными средствами взвешивать вагоны. Карьер даже выделил особые средства для содержания необходимого штата. Однако агенты дороги взвешивания в самом карьере не производили, а специальные средства, выделявшиеся карьером, присваивали. Вагоны же из карьера вывозились на станцию, там взвешивались и в случае недогрузки возвращались обратно в карьер на догрузку. Тем не менее следователь Плешаков в отношении агентов дороги дело прекратил, а Нагорный был предан суду и осужден.

В том же деле есть указание, что дорога в мае по своей вине подала 240 вагонов не в обусловленные заявкой сроки, что порожняк подавался нерегулярно, что также нерегулярно забирались груженные вагоны, что именно этим и обусловлен был перепростой вагонов под догрузкой. Эти вопросы и следователем, и затем судом игнорированы, а вся вина огульно свалена на Нагорного. Приговор этот по предложению Главной транспортной прокуратуры отменен транспортной коллегией Верх. суда.

2. Начальник планового сектора Сарептской лесоперевалочной базы Олькин привлечен к ответственности за подачу дутой заявки. Следствие по делу вел транспортный следователь Золотухин. Следствием установлено, что база в мае недогрузила 473 вагона из-за отсутствия готового лесоматериала. Следствие и суд к делу подошли сугубо формально. Ни следователь, ни суд не поинтересовались такими вопросами: Олькин план работы базы составил в пределах контрольных цифр, предоставленных Союзлесосбытом, совершенно обязательных для него, Олькина. Олькин разуме-

ется не имел права требовать вагонов меньше, чем это требовалось по производственному плану. За план и выполнение плана отвечал не Олькин, а Союзлесосбыт и директор Сарептской базы. Недогруз был вызван невыполнением плана. Причинами невыполнения плана следствие не заинтересовалось. Ответственных за выполнение плана, в частности директора базы, не привлекли, а предали суду и осудили на 3 года лишения свободы Олькина за подписание заявки на вагоны, полностью соответствовавшей производственному плану базы. Этот приговор также отменен Транспортной коллегией по предложению Главной транспортной прокуратуры.

Необходимо также отметить, что дела о нарушении государственного плана перевозок возникают часто стихийно. Вопреки точно установленному Главной транспортной прокуратурой порядку возбуждения дел — обязательно с санкции каждый раз прокурора дороги и направления этих дел в суд непременно после утверждения обвинительного заключения прокурором дороги — дела возбуждаются в отделениях и идут в суд, минуя дорожного прокурора. Дела эти залеживаются слишком долго в линейных судах, рассматриваются подчас без участия сторон и без широкой мобилизации общественного внимания к этим делам. Это, разумеется, снижает эффективность борьбы прокуратуры за государственный план перевозок. Достаточно сказать, что ни один приговор линейного суда Юго-Восточной дороги по делам о срыве государственного плана перевозок не был утвержден кассационной инстанцией. Все эти факты нельзя расценивать иначе как ослабление революционной бдительности и примиренческое отношение со стороны прокуратуры Юго-Восточной железной дороги к подрыву государственного плана перевозок.

С подобного рода нарушениями закона надо покончить. Об этом должны позаботиться в первую голову Главная транспортная прокуратура, недостаточно энергично и настойчиво ведущая борьбу с этими нарушениями со стороны своих линейных прокуроров.

Постановление ЦИК СССР и СНК СССР

О дополнении уголовных кодексов союзных республик статьями об ответственности за обворовывание потребителя и обман Советского государства

В целях искоренения из практики советской торговли случаев обвешивания и обмеривания покупателей, пользования в торговле неправильными весами, гириями, метрами и другими измерительными приборами, продажи товаров низшего сорта по цене высшего, а также нарушения установленных розничных цен, Центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров Союза ССР постановляют:

Предложить правительствам союзных республик дополнить уголовные кодексы республик статьями следующего содержания:

1. обвешивание, обмеривание покупателей, пользование при продаже неверными весами, гириями и прочими неправильными измерительными приборами,

2. нарушение установленных розничных цен на товары широкого потребления в магазинах,

лавках, ларьках, столовых, буфетах и т. п., продажа товаров низшего сорта по цене высшего, сокрытие от покупателей преysкуранных цен товаров —

караются, как обворовывание потребителя и обман Советского государства, лишением свободы на срок до 10 лет.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР

М. Калинин.

Председатель Совета Народных Комиссаров Союза ССР

В. Молотов.

Секретарь Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР

А. Енукидзе.

Москва, Кремль, 25 июля 1934 г.

Х Р О Н И К А

О работе Верховсуда СССР

В заседании президиума ЦИК Союза ССР 7 июля 1934 г. по докладу председателя Верховсуда Союза ССР А. И. Винокурова о работе Верховного суда Союза ССР за 1933 г. принято следующее постановление.

Рассмотрев отчет о деятельности Верховного суда Союза ССР за 1933 г., Центральный исполнительный комитет Союза ССР отмечает улучшение работы Верховного суда Союза ССР за отчетный период, выразившееся в усилении его связи с судебными органами союзных республик путем дачи им директивных указаний и разъяснений по вопросам судебной практики, непосредственно связанным с социалистическим строительством, а также путем проверки работы судебных органов по проведению важнейших директив партии и постановлений правительства.

Но наряду с этим Центральный исполнительный комитет Союза ССР отмечает недостаточную гибкость в перестройке работы Верховсуда Союза ССР для быстрого включения в очередные хозяйственно-политические мероприятия, недостаточность его работы по руководству, живому инструктажу и помощи судебным органам союзных республик, а также по проверке исполнения собственных решений.

В результате этих недочетов и при недооценке в ряде краев, областей и районов значения народных судов как основных звеньев судебной системы, недостаточном внедрении социалистической законности и борьбы с классово-враждебными элементами, имеют место искривления в применении важнейших общесоюзных законов (7 августа 1932 г. об охране общественной (социалистической) собственности, 8 декабря 1933 г. об ответственности за выпуск недоброкачественной продукции, 16 февраля 1933 г. о борьбе с хищениями и растратами в государственных и кооперативных торговых предприятиях), небрежное и без соблюдения установленных законом правил ведение судебных следствий, неряшливое составление приговоров, в которых часто не определяется точно вина каждого осужденного.

Исходя из этого и имея в виду, что постановлениями ЦИК Союза ССР от 10 июля на Верховный суд возлагаются новые задачи, Центральный исполнительный комитет Союза ССР постановляет:

1. Предложить Верховному суду Союза ССР произвести дальнейшую перестройку своей работы в направлении:

а) своевременного включения во все проводимые партией и правительством хозяйственно-политические мероприятия и обеспечения проверки исполнения законов, директив и собственных решений;

б) обеспечения руководства живого инструктажа и помощи судебным органам союзных республик и усиления надзора за судебной практикой, в особенности в области применения важнейших общесоюзных законов.

2. Предложить Верховному суду Союза ССР и центральный исполнительный комитетам союзных республик:

а) обеспечить своевременное исправление имеющихся в судебной практике искривлений,

выражающихся в неточном соблюдении законов, неправильном применении уголовных наказаний, вынесении приговоров народными судьями без участия народных заседателей, недостаточно быстром и точном исправлении указываемых высшими судебными инстанциями ошибок в работе местных судебных органов и т. п.;

б) вести работу за высокое качество судебных следствий и приговоров, за правильное оформление судебных дел, за устранение бюрократизма и волокиты в их производстве.

3. Предложить центральный исполнительный комитетам союзных республик:

а) принять меры к повышению квалификации судебных работников и обеспечению судебных органов, в особенности народных судов, соответствующими кадрами;

б) улучшить материально-бытовое положение судебных работников.

4. Учитывая оправдавшую себя практику товарищеских судов на предприятиях в борьбе за трудовую дисциплину и укрепление социалистического правосознания, просить ВЦСПС разработать совместно с Верховным судом Союза ССР общесоюзную инструкцию о работе этих судов, предусматривающую мероприятия, которые обеспечили бы широкое развитие деятельности товарищеских судов и конкретное систематическое руководство их работой как со стороны Верховсуда, так и со стороны профессиональных судов.

5. Поручить Верховному суду Союза ССР заслушать на одном из ближайших пленумов сообщения верховсудов союзных республик и отдельных сельских судов об их работе и разработать систему мер, обеспечивающих более высокое качество работы этих судов и систематическое руководство ими со стороны соответствующих судебных органов.

6. Предложить ЦИК союзных республик не позднее 1 октября т. г. сообщить о принятых ими мерах по выполнению ст. ст. 2 и 3 вышеуказанного постановления.

Проверка подготовки к кампании по зернопоставкам

(Постановление Оперативного совещания при прокуроре Союза ССР от 3/VIII 1932 г. по докладом прокуроров Одесской, Днепрпетровской, Харьковской, Винницкой и Воронежской обл.; Саратовского, Азово-Черноморского, Западно-сибирского краев и БССР)

1. Ряд местных органов прокуратуры (особенно Саратовский, Азово-Черноморский, Западносибирский край) включились в работу по зернопоставкам с опозданием.

В ряде краев (Западная Сибирь, Саратов и другие) прокуратура не обеспечила борьбы с антигосударственными тенденциями отдельных руководителей совхозов и колхозов, ставших на путь прямого обмана государства путем умышленного сокрытия урожайности. Слабо ведется борьба с потерями при уборке и об-

молоте хлеба, со случаями умышленной за-
тетки обмолота и т. п. Отсутствует надле-
жащая борьба с незаконной торговлей хлеба.

При наличии фактов бездействия отдельных
райпрокуроров в отношении расхитителей уро-
жая—в то же время ряд райпрокуроров и нар-
судей неправильно применяют суровую репрес-
сию в отношении трудящихся по делам о мел-
ких и совершенно незначительных хищениях
(Лебединский, Чутовский, Золочевский р-ны
Харьковской обл., Литинский, Чечельницкий
р-ны Винницкой обл. и др.).

Неудовлетворительно поставлен надзор за
следствия и судом со стороны большинства
прокуроров.

2. Предложить всем работникам прокуратуры
перестроить свою работу таким образом, чтобы
основной удар судебной репрессии по делам,
связанным с зернопоставками, был сосредото-
чен на борьбе с антигосударственными тен-
денциями отдельных руководителей совхозов и
колхозов, с фактами задержки сдачи хлеба
государству, задержки натуроплаты, с пре-
ступлениями в деле обеспечения складской
сетью, с хищениями и незаконной торговлей
хлебом.

3. Считать неправильным директиву НКЮ
РСФСР о передаче в сельские общественные
суды дел о хищениях зерна на сумму до
50 руб. (цирк. НКЮ РСФСР от 21 июля 1934 г.
№ 108 п. 4) и просить т. Крыленко отменить
эту директиву.

4. Обязать всех прокуроров организовать
активную борьбу с незаконной торговлей хле-
бом. Основной удар должен быть направлен
против перекупщиков-спекулянтов в соответ-
ствии с законом 22 августа 1932 г.

В отношении трудящихся единоличников,
выполнивших свои обязательства перед госу-
дарством, но в нарушение постановления о
запрещении торговли хлебом продающих хлеб,
применить меры общественного воздействия
через сельские общественные суды, а в слу-
чаях систематической продажи хлеба—меры
судебного воздействия по ст. 105 УК РСФСР
и соответствующим статьям УК других союз-
ных республик. Зерно и мука при этом под-
лежит отобранию и передаче в «Заготзерно».

Систематическая продажа хлеба единолич-
никами, не выполнившими своих обязательств
по зернопоставкам, должна влечь за собой
привлечение к уголовной ответственности по
закону 22 августа 1932 года.

К колхозникам, продающим хлеб, получен-
ный ими по трудодням, применять меры обще-
ственного воздействия через правления кол-
хозов и общественные суды, а в случаях си-
стематической продажи и после исчерпания
мер общественного воздействия—привлекать к
уголовной ответственности по ст. 105 УК
РСФСР и соответствующим статьям УК дру-
гих союзных республик.

Должностных лиц колхозов и совхозов за
незаконную продажу хлеба привлекать к уго-
ловной ответственности по ст. 109 УК РСФСР
и соответствующим статьям УК других союз-
ных республик, а в особо злостных случаях
(систематическая незаконная продажа хлеба,
продажа в большом количестве при невыпол-
нении плана сдачи хлеба государству и т. п.)—
по закону от 7 августа 1932 г.

5. Обеспечить надзор за выполнением по-
становления СНК СССР № 1760 от 26 июля
1934 г. «о подготовке к хлебозаготовительной

кампании 1934/35 г.», привлекая к ответствен-
ности лиц, нарушающих это постановление.
Ввиду запрещения СНК «принимать хлеб под
сохранные расписки от кого бы то ни было и
по чьим бы то ни было распоряжениям» (п. 8
пост. СНК) заведующих заготпунктами, нару-
шающих это постановление, неуклонно привле-
кать к уголовной ответственности по ст. 109
УК РСФСР и соотв. статьям УК других союз-
ных республик.

В соответствии с п. 34 указанного поста-
новления СНК Союза заведующие межрайон-
ными конторами и заготпунктами ВО «Загот-
зерно» за малейшую беззастенчивую выдачу
хлеба должны привлекаться к уголовной от-
ветственности как за расхищение социалисти-
ческой собственности. Наряду с ними должны
привлекаться к уголовной ответственности
также и лица, давшие распоряжение о безна-
рядном расходовании хлеба.

Уголовной ответственности подлежат заве-
дующие заготпунктами «за недобросовестную
приемку и отпуск хлеба, в частности за обве-
шивание и обсчетывание хлебосдатчиков»
(п. 35 постановления СНК).

Настоящее постановление разослать для ру-
ководства и исполнения всем прокурорам со-
юзных республик, краев и областей.

О ходе работы по закону от 8 декабря 1932 г.

(Постановление оперативного совещания при
прокуроре Союза ССР от 3/VIII 1934 г. по
докладам прокуроров Московской, Воронеж-
ской, Ленинградской, Иваново-Промышленной
области и г. Москвы).

1. Представленные прокурорами указанных
выше областей доклады о работе по закону от
8 декабря, как равно и материалы, имеющиеся
в распоряжении Прокуратуры Союза по всем
оставшимся краевым и областным прокуратурам,
свидетельствуют о том, что работа органов
прокуратуры по реализации закона от 8 де-
кабря за последние 3 месяца (май—июль) ока-
залась свернутой.

2. По всему Союзу передано в суды около
40 дел, причем означенные дела являются в
своем подавляющем большинстве не вновь
возбужденными, а делами, находящимися дли-
тельное время в стадии предварительного рас-
следования.

3. Переданные в суд дела касаются главным
образом выпуска недоброкачественной продук-
ции в легкой и пищевой промышленности.
Дел, связанных с тяжелым машиностроением, с
производством средств производства, с пред-
приятиями оборонного значения, ни в произ-
водстве органов прокуратуры, ни в судах нет,
что лишний раз подтверждает указание на
свертывание работы органов прокуратуры по
делам по закону от 8 декабря.

4. Повысив надзор за делами по закону от
8 декабря, правильно сосредоточив, как тре-
бовали директивы Прокуратуры Союза, надзор
по этим делам непосредственно со стороны
краевого (обл.), республиканского прокурора,
выделив наиболее квалифицированных следо-
вателей для производства расследования этих
дел, отсеяв ряд дел, не подлежащих направ-
лению по закону от 8 декабря, краевые (обл.)
прокуроры в то же время не обеспечили не-

обходимой активности как следственного, так и прокурорского аппарата в вопросе выбора объекта для применения закона от 8 декабря, энергичное расследование по этим объектам и доведение дела до конца.

5. Сильно ослаблена работа с активом прокуратуры, который ранее являлся основным источником информации прокуратуры о выпуске недоброкачественной продукции, и совершенно не организована работа с активом на предприятиях, получающих продукцию. Между тем правильная организация работы с активом на этих предприятиях могла явиться чрезвычайно важным источником получения материала о предприятиях, выпускающих недоброкачественную продукцию.

6. Исходя из изложенного, оперативное совещание, подтверждая все ранее данные директивы Прокуратуры Союза о формах, методах и существе прокурорской работы по делам по закону от 8 декабря, считает необходимым:

а) Ввиду того, что выпуск недоброкачественной продукции все еще имеет место в широких размерах, органы печати, особенно газета «За индустриализацию» продолжают сигнализировать о все еще продолжающемся выпуске недоброкачественной и некомплектной продукции по ряду предприятий тяжелого машиностроения и предприятиям, имеющим оборонное значение, считать необходимым немедленно же провести расследование отдельных сигнализаций печати или сообщений активистов с тем, чтобы, остановив свое внимание на выпуске недоброкачественной или некомплектной продукции предприятиями, производящими средства производства или имеющими оборонное значение, обеспечить срочное расследование таких дел и доведение их до необходимого судебного разрешения.

б) Организовать работы с активом прокуратуры таким образом, чтобы активисты освещали не только о выпуске из данного предприятия недоброкачественной или некомплектной продукции, но и о получении такой продукции.

в) Прокурорам союзных республик на основе настоящего постановления добиться немедленного перелома в работе краевых (обл.) прокуроров по делам по закону от 8 декабря.

Совещание работников юстиции БССР

8 августа Наркомюстом БССР было создано 2-е всебелорусское совещание работников юстиции. На совещании присутствовали районные прокуроры, нарсудьи, следователи, работники военной, транспортной прокуратуры, трибуналов, линейных судов, работники исп. труд. учреждений, производственных товарищеских, сельских общественных судов, члены коллегии защитников, представители научно-исследовательских и учебных институтов. Всего на съезде участвовало более 300 делегатов.

На съезд для участия в его работах прибыли зам. прокурора Союза ССР т. А. Я. Вышинский и председатель Верхсуда СССР т. А. Н. Винокуров.

С большой речью на совещании выступил первый секретарь ЦК КП(б)Б т. Н. Ф. Гикало. На совещании выступили также председатель

СНК БССР т. Н. М. Голодод, зам. прокурора Союза ССР т. А. Я. Вышинский и председатель Верхсуда Союза ССР т. А. Н. Винокуров.

На совещании был заслушан доклад Наркомюста и прокурора БССР т. Кузьмина «XVII съезд ВКП и задачи органов юстиции» и ряд других докладов.

Резолюция

Второго совещания работников юстиции БССР

1. Положить в основу работы органов юстиции резолюции Первого всесоюзного совещания работников юстиции, указания нашему совещанию зам. прокурора т. Вышинского, председателя Верхсуда СССР т. Винокурова, председателя СНК БССР т. Голододы и Секретаря ЦК КП(б)Б т. Гикало.

2. Поручить каждому прокурору, нарсудье, следователю по-большевистски драться за проведение и реализацию этих указаний и за каждый пункт резолюции Первого всесоюзного совещания работников Юстиции.

3. Отмечая факты грубого извращения революционной законности в ряде районов БССР (Пухович, Костюковичи, Речица, Березино, Лезна и т. д.) и что органы юстиции оказались не на высоте по борьбе с этими извращениями, совещание требует от каждого работника юстиции большевистской, непримиримой борьбы за осуществление и проведение революционной законности, невзирая на лица.

4. Просить НКЮ издать материалы совещания и разрешить в оперативном порядке ряд вопросов, вставших в результате совещания и обмена опытом работы.

Приветствие совещания работников юстиции БССР

Прокурору Союза Акулову

Второе совещание работников юстиции Белоруссии шлет Вам, первому прокурору Союза, передовому и стойкому борцу за социалистическую законность, свой большевистский пламенный привет.

Ваш доклад на Всесоюзном совещании вскрывает крупнейшие недочеты и ошибки в работе органов юстиции. Эту суровую критику и программу перестройки работ, намеченную Вами и т. Вышинским, мы кладем в основу нашей работы в Белоруссии.

Мы твердо по-большевистски будем драться за проведение в жизнь всех решений Всесоюзного совещания работников юстиции.

Мы, работники юстиции БССР, районные прокуроры, нарсудьи, следователи чувствуем и ощущаем вашу серьезную помощь в нашей сложной и ответственной работе по проведению и осуществлению социалистической законности на самой границе Советского союза.

Под Вашим руководством мы будем драться за устранение всех недочетов, за выполнение качества судебной, следственной и прокурорской работы, за проведение советских законов по существу и по форме, не допуская беззакония на основе закона.

Президиум совещания

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ

О судебном приговоре

**Председателям верховных и прокурорам союзных республик
Председателям край(обл) судов, главсудов и нарсудьям, край(обл) прокурорам**

Рекомендуя прилагаемое при сем методическое письмо о судебном приговоре, составленное на основе доклада «о судебном приговоре», прочитанном в Институте уголовной и исправительно-трудовой политики. Верховный Суд СССР и Прокуратура Союза ССР предлагают верховным судам и прокурорам союзных республик дать по своим линиям указания о необходимости:

1. В точности соблюдать требования соответствующих статей УПК союзных республик о порядке обсуждения и составления судом приговора (гл. 24 УПК РСФСР и др. союзных республик).

2. Значительно повысить требования кассационных инстанций к качеству приговоров и, не ограничиваясь отменой недоброкачественных приговоров, каждый раз обсуждать вопрос о том—не явилось ли в данном случае плохое качество приговора результатом небрежного, недобросовестного отношения к делу со стороны судьи.

3. Обязать всех прокуроров обжаловать и добиваться отмены приговоров, постановленных с нарушением требований УПК, ставя в соответствующих случаях вопросы о привлечении к дисциплинарной, а в случае злостности—и к уголовной ответственности виновных в нарушении революционной законности.

Первое всесоюзное совещание работников юстиции признало необходимым, чтобы за каждый неправомочно вынесенный приговор нес ответственность как состав суда, так и не опротестовавший приговор прокурор (резолюция по докладу тт. Акулова и Винокурова п. 13-г).

Это решение совещания должно настойчиво и систематически проводиться в жизнь.

4. Включить в договоры соцсоревнования между судьями конкретные обязательства по улучшению качества приговоров, а в договоры между прокурорами—обязательства по надзору за качеством приговоров.

5. Организовать проработку настоящего письма всеми судебными и прокурорскими работниками.

Такая проработка должна быть проведена на президиумах судов, на камерных совещаниях прокуратуры, на районных и кустовых совещаниях работников юстиции и т. п.

Успех этой работы зависит в первую очередь от того, в какой мере председатель край(обл)суда и край(обл)прокурор будут руководить этой работой, в какой мере они проявят инициативу и настойчивость в систематической борьбе за качество приговора.

О ваших мероприятиях сообщите Верховному суду Союза ССР и Прокуратуре Союза ССР не позже 1/IX с. г.

Председатель Верховного суда Союза ССР

А. Винокуров.

Зам. прокурора Союза ССР **А. Вышинский.**
13/VIII 1934 г.

Методическое письмо Института уголовной и исправительно-трудовой политики

Успехи борьбы за выполнение задач второй пятилетки немислимы без подавления последних, отчаянных попыток сопротивления со стороны остатков разгромленного классового врага. Новые, скрытые формы классовой борьбы со стороны этих остатков эксплуататорских классов требуют особой бдительности для их распознавания, требуют умения выявлять скрытые пружины каждого дела, вдохновителей и подстрекателей преступления, остающихся сплошь и рядом за кулисами, ускользающих от недостаточно глубокого, недостаточно квалифицированного анализа.

«Основные задачи второй пятилетки—окончательная ликвидация капиталистических элементов, преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, завершение реконструкции всего народного хозяйства на новейшей технической базе, освоение новой техники и новых предприятий, механизация сельского хозяйства и поднятие его продуктивности—ставят со всей остротой вопрос о повышении качества работы во всех отраслях, в первую очередь качества организационно-практического руководства» (из резолюции XVII партсъезда по докладу т. Кагановича).

Эта директива съезда всецело относится и к работникам юстиции.

Это со всей четкостью отражено в решениях Первого всесоюзного совещания работников юстиции.

Решающим значением выполнения этих задач является повышение качества всей работы и перестройка всех звеньев судебно-прокурорской системы в соответствии с уровнем поставленных перед нами политических задач (п. 3 резолюции совещания по докладу тт. Акулова и Винокурова).

От работников юстиции также требуется повышение качества работы во всех отраслях как в области собственно судебной работы, начиная с возбуждения уголовного дела и кончая исполнением приговора, так и в области сигнализационной и массово-политической работы.

Настоящее письмо посвящено специально судебному приговору, поскольку этот документ имеет величайшее значение во всех областях работы органов юстиции. Приговор подводит итог всему процессу, приговором определяется судьба подсудимого и вся деятельность исправительно-трудовых учреждений в отношении его, из приговора широкие массы узнают об оценке судом от имени пролетарского государства как действий, бывших предметом судебного разбирательства, так и личности подсудимого.

Приговор служит основанием как для массово-политической, так и для сигнализационной, организующей деятельности органов юстиции. Понятно, какое громадное значение имеет этот документ и какой величайшей тщательностью должно быть обставлено его составление. Неправильный порядок обсуждения и вынесения приговора, небрежное составление его, игнорирование тех процессуальных гарантий, которыми закон обставляет

вынесение приговора, может свести на-нет результаты любого процесса.

К сожалению практика наших судов показывает, что качество приговоров далеко еще не стоит у нас на той высоте, которую партия требует от работы не только хозяйственных, но и административных органов.

В числе основных недостатков в работе судебных органов Первое всесоюзное совещание отметило упрощенчество, игнорирование процессуальных требований, политическую небрежность составления приговоров (п. 4 резолюции по докладу т. Акулова и т. Винокурова).

Качество приговоров зависит от множества причин: от качества всего процесса, от полноты расследования дела, от правильной оценки опасности данного деяния и выбора меры репрессии и т. п. Лучшее средство поднять качество приговоров — это поднять качество всей работы всех следственных и прокурорских органов. Но очень многие и крайне существенные недостатки приговоров происходят от неправильного подхода суда к самому составлению приговора. Именно этих недостатков мы и касаемся в настоящем письме.

Прежде всего необходимо отметить встречающуюся сплошь и рядом **недопустимую небрежность в составлении приговоров, явную неправильность изложения**, совершенно извращающую не только юридическое, но и политическое значение дела.

В некоторых случаях даже в приговорах краевых судов встречаются явно безграмотные, доходящие до нелепости формулировки. Так, например, в приговоре Северного крайсуда по делу Поликарпова, Рожкова и др. написано (помещаем с сохранением знаков препинания подлинника):

«Поликарпов, Рожков и Раков нынешним летом, заранее-предварительному-общему — явно-гнусному-преступному между собой соглашению (сговору) и обдуманному плану не взирая на его последствия и не останавливаясь не перед чем. По мотиву явно корыстных для личных своих целей капиталистической наживы за счет общественной, колхозной (социалистической) собственности в деревне, для осуществления всего этого на деле решили и т. д.»

Совершенно ясно, что подобная смесь юридических терминов, безграмотно соединенных слов и незаконченных фраз не может быть понята не только ни одним колхозником, но и ни одним работником юстиции, не исключая и самих авторов приговора. Характерно, что приговоры такого рода по большей части всегда проявляют претензию на «ученость», пользуются высокопарными и непонятными выражениями и само собой разумеется — совершенно недопустимы.

Приговор должен быть написан ясно, простым языком, но в то же время каждое слово в нем должно быть взвешено, каждая формулировка — обдумана.

С небрежностью и безграмотностью в составлении приговоров необходимо бороться самым решительным образом, настойчиво добиваться полного устранения приговоров вроде приведенных выше. Между тем кассационные инстанции сплошь и рядом не придают должного значения этим недостаткам, исходя из того соображения, что форма не важна,

важно содержание; в действительности же одно неотделимо от другого.

Вследствие подобного неправильного отношения к формулировке приговоров проявленная в этом небрежность доходит до того, что из приговора исчезают подсудимые, преданные суду, в отношении которых не выносятся ни обвинительного, ни оправдательного приговора (дело Кочеткова Верхсуд РСФСР № 26042—33 г.), одни и те же лица именуется разными именами, даже в тех случаях, когда эти лица приговариваются к высшей мере соц. защиты (по делу Верхсуда РСФСР № 27682-6—33 г. Булгаков Александр Николаевич превратился в приговоре в Николая Александровича, по делу того же суда № 27776—33 г. у осужденного Девченко оказалась целых 3 имени и т. п.). Бывает, что факты, установленные по делу в отношении одного лица, приписываются другому. Так, например, в приговоре по делу Репиных облсуд ИПО под председательством члена облсуда Летухова спугал Репина Александра с Репиным Геннадием и приписал последнему сознание в убийстве некоего Копалова, тогда как Репин Геннадий не только никогда не сознавался в этом убийстве, но, наоборот, категорически отрицал свое участие в этом преступлении (дело Верхсуда РСФСР № 25587—33 г.).

Подобное составление приговоров «наспех» является основной причиной одного из важнейших недостатков в приговорах судов — **неконкретной, расплывчатой формулировки приговора**, отсутствия четкого и ясного описания фактов, которые признаны судом доказанными. Характерным в этом отношении является дело Рожкова (Уральский облсуд — дело Верхсуда РСФСР № 26243-6—33 г.).

Из 91 строки приговора по этому делу 78 строк, т. е. более 90%, посвящены характеристике Рожкова, заполнены различными хоть и громкими, но ничего не говорящими фразами, как например: «залез в колхоз, где усиленно вел агитацию против колхозного строительства в незаметном виде и занимался расхищением колхозного общественного имущества с целью подрыва социалистического колхозного строительства» и т. п.

Только 13 строк в этом приговоре посвящены описанию конкретных деяний Рожкова — невыполнение заданий по хлебопоставкам и мясоставкам и хищение сбруи из колхоза, причем остается совершенно неизвестным, когда он похитил эту сбрую, откуда, при каких обстоятельствах и т. п.

Сплошь и рядом суды ограничиваются в приговоре простым перечислением ряда имевших место преступлений, совершенно не отвечая на вопрос, почему же они приписывают эти преступления обвиняемому, когда, где, при каких обстоятельствах эти преступления были совершены. Например выездная сессия Сев.-кав. крайсуда под председательством члена крайсуда т. Порецкого по делу Нартоева, Абрегова и др. следующим образом формулирует обвинение, которое суд признал доказанным:

«Нартоев, Абрегов и Дакшенов с участием еще нескольких лиц, следствием не установленных, организовали бандитскую шайку, которая систематически производила хищения как колхозного имущества (из кладовой колхоза похищены продукты), так и имущества колхозников; за этот период, т. е. с начала апреля

до 20 июня 1933 г. ими похищены: 8 коров, 3 телят, 2 лошади и т. п.». Когда совершены эти хищения, у кого, при каких обстоятельствах — остается неизвестным. И кассационной инстанции, и самим подсудным, и всем слушавшим процесс предоставляется догадываться об этом самим (дело Верховсуда РСФСР № 27520/а—33 г.).

Западносибирский крайсуд под председательством запасного члена суда т. Алешковича пошел еще дальше. По делу Григорьева он привел в приговоре ряд преступлений, приписываемых Григорьеву, и приговорил его к расстрелу. При детальном разборе дела в Верховсуде РСФСР обнаружилось, что из всего этого перечня лишь один случай—хищение 150—200 снопов ржи было содержанием данного процесса, а все остальное было предметом других дел, по которым Григорьев был в свое время судим и отбыл назначенные ему меры репрессии. Суд смешал все эти факты в одну кучу, так что получилось впечатление, что Григорьев приговорен к расстрелу за все перечисленные в приговоре преступления (дело Верховсуда РСФСР № 24554—33 г.).

В приговорах по делам, по которым суду предано несколько человек, сплошь и рядом наблюдается **недифференцированный подход суда ко всем подсудимым**. Очень часто по приговору совершенно невозможно установить, кто же конкретно совершил каждый из подсудимых. Все подсудимые рассматриваются как бы одно коллективное лицо, которое и фигурирует в приговоре как виновник данного преступления.

Вот некоторые выдержки из приговоров такого рода:

«Нарсуд 102 уч. Егорьевского района, рассмотрев в открытом судебном заседании дело по обвинению граждан: 1) Куприянова Г. Г., 2) Соловьева И. К., 3) Демидова Д. В., 4) Аксенова П. И. в преступлении, предусмотренном по 1 ч. 116 ст. УК—суд находит, что обвиняемые Куприянов, Соловьев, Демидов и Аксенов изобличаются в том, что они, первый будучи завмагазином, второй и третий являлись ответственными продавцами, а последний был уполномоченным Егорьевского отделения БГО МСПО работу обвиняемые производили с 1/ХП—31 г. по 5/Ш—32 г. За это время обвиняемые систематически производили растрату вверенных им по службе денежных средств и продуктов—последние обращали на свои личные потребности, в результате чего бухгалтерской экспертизой установлено, что на 21 февраля 1932 г. оказалась недостача 5122 руб.». Не говоря о том, что этот приговор оставляет желать очень много в смысле простой грамотности, по нему совершенно невозможно судить, что же конкретно сделано каждым из обвиняемых.

От этого недостатка далеко не свободны и краевые (областные) суды. Так, например, Западносибирский крайсуд весь приговор по делу Шибелко и др. в числе пяти человек построил исключительно в общей форме: и повели свою вредительскую деятельность, покупая с торгов пчел по 10 руб. улей, выводили в книгах по 30 руб., коров покупали с торгов по 25—30 руб., а выводили по книгам по 80 руб.» и т. п. Получается впечатление, что все пятеро подсудимых неразлучно друг за другом ходили на торги, все пятеро вели запись в книгах и т. п.

Подобный подход бесспорно «упрощает» работу суда, избавляя его от хлопотливой обязанности детализировать вину каждого подсудимого, детально разбираться в обстоятельствах дела, но он служит одной из основных причин массового, механического, огульного применения репрессии.

Приговоры такого рода явно недоброкачественны, в большинстве случаев они являются следствием лишь недобросовестной работы суда. Кассационные суды должны взять за правило не только не оставлять в силе приговоров такого рода, но и ставить вопрос об ответственности судей за вынесение таких приговоров.

Одним из наиболее серьезных дефектов судебных приговоров является наблюдающееся нередко несоответствие приговора фактическим обстоятельствам дела. Именно в этом кроется причина большинства судебных ошибок, большинства неверных по существу приговоров. Опасность таких приговоров особенно велика потому, что если в приведенных выше случаях по самому приговору можно судить о его недоброкачественности, то в случаях, когда приговор не соответствует фактическим обстоятельствам дела, недоброкачественность такого приговора можно установить лишь путем тщательного изучения всех материалов дела. Сплошь и рядом, если протокол судебного заседания составлен неполно и небрежно, ошибочность такого приговора вообще не может быть установлена путем проверки в кассационном или надзорном порядке. Нарсуд г. Йошкар-Ола Марийской автономной области признал гр-ку Холмову виновной в спекуляции и приговорил ее по 107 ст. УК к 5 годам лишения свободы. При проверке материалов дела оказалось, что единственной уликой против Холмовой был факт задержания ее с купленными ею 16 кг. муки и 5 кг. мяса. Гр. Холмова в прошлом работница, теперь домохозяйка, имеет многочисленную семью. Ни одного случая продажи ею продуктов не установлено. Тот же суд по той же статье УК приговорил к 2 г. лишения свободы Кубарева. При проверке было выяснено, что единственной уликой против Кубарева явилось показание свидетельницы Сальниковой, соседки Кубарева, которая, как было выяснено, находилась с ним в продолжительной ссоре. Ни одного конкретного случая продажи Кубаревым чего-либо суд не установил. Ряд допрошенных свидетелей дали определенные показания, что семья Кубаревых спекуляцией не занимается (дело Верховсуда РСФСР № 81123-в—33 г.).

Средневолжский крайсуд 1 сентября 1933 г. признал гр. Филькова и других виновными по закону 7 августа 1932 г. и приговорил Филькова к расстрелу, а четырех других подсудимых к лишению свободы на срок 5—10 лет. В приговоре суд приписал осужденным ряд краж у отдельных лиц и систематические кражи колхозного хлеба в уборочную кампанию 1932 г. Понятно, что именно последнее обвинение повлекло за собой применение закона от 7 августа. Между тем оказалось, что как раз обвинение в краже колхозного хлеба ничем по делу не подтверждено, имевшее место в 1932 г. хищения хлеба остались нераскрытыми, никаких данных о совершении этих хищений Фильковым и другими обвиняемыми в этом деле не было (дело Верховсуда РСФСР № 27654-а—33 г.).

Перечень приговоров такого рода можно было бы еще значительно увеличить, но в этом нет надобности. Каждому работнику кассационных судов известно, как много приговоров отменяется вследствие несоответствия их фактическим обстоятельствам дела.

Отмена приговоров в таких случаях конечно необходима, но она далеко не устраняет вреда, приносимого такого рода приговорами. Не говоря о том, что неправильно осужденные содержатся под стражей иногда довольно длительный срок до отмены приговора кассационной инстанцией; не говоря о том, что иногда кассационная инстанция может и не усмотреть подобной неправильности и оставить в силе неправильный по существу приговор, но даже и в тех случаях, когда такой приговор будет своевременно отменен, далеко не всегда возможно при вторичном рассмотрении дела выявить все то, что можно было выявить при первом рассмотрении дела. Поэтому необходимо самым настойчивым образом бороться за то, чтобы подобные приговоры вообще не допускались. Перечисляя меры, необходимые для повышения качества судебной работы, Первое всесоюзное совещание требует: «Обеспечить конкретность и обоснованность выводов, к которым приходит суд по существу разбираемого дела, конкретность и обоснованность обвинения в отношении каждого лица, признанного судом виновным по делу» (п. 18-б резолюции по докладу т. Вышинского).

Одним из наиболее действительных средств для достижения этой цели является требование обязательной мотивировки приговора.

В нашей процессуальной практике, да и в теории советского уголовного процесса, существует некоторое преубеждение против мотивировки приговора, взгляд на такую мотивировку, как на пережиток буржуазного процесса. Надо со всей категоричностью заявить, что подобный взгляд совершенно неверен, особенно в наших условиях, требующих высокого качества работы, строгой обоснованности и четкости таких действий и актов органов юстиции, как судебный приговор.

Что следует понимать под мотивировкой приговора? Мотивировка приговора должна заключаться не в том, чтобы указывать почему суд поверил такому-то свидетелю, а не поверил другому, почему он придал значение одним доказательствам и не придал значения другим, хотя могут быть случаи, когда вполне уместно изложить в приговоре и мотивы такого рода. Но обязательным содержанием мотивировочной части приговора должно являться указание на те доказательства, которые судкладает в основу приговора.

Вот пример очень хорошей мотивировки приговора по делу о хищении зерна из колхозного амбара.

«15 ноября 1933 г. в 8 час. вечера завхоз колхоза «Красный боец» Захаров Алексей вместе со сторожем того же колхоза Дмитриюком Федором вскрыли амбар колхоза № 4, охраняемый Дмитриюком, и вывели из него на лошади, взятой Захаровым из колхозной конюшни, 5 цент. семенной пшеницы. Украденную пшеницу сын Захарова Матвей повез той же ночью в с. Ртищево на базар, но был по дороге в 3 час. утра задержан в д. Сасово милиционером Бабковым. Хотя Захаров Алексей и Матвей и Дмитриюк Федор свою вину

отрицают, суд находит обвинение доказанным, следующими данными:

1) Дежурный конюх Савельев показал, что Захаров Алексей в 6 час. вечера взял у него ту самую лошадь, на которой был задержан с пшеницей Захаров Матвей, якобы для поездки в МТС, но в МТС не поехал, 2) в амбаре, охраняемом Дмитриюком, нехватило 5 цент. пшеницы, т. е. как раз того количества, которое оказалось в повозке у Захарова Матвея, 3) проходивший около 8 час. вечера мимо амбара № 4 колхозник Игнатов Степан видел, что амбар открыт и около него стоит запряженная в телегу та самая лошадь, с которой был задержан Захаров Матвей и что Дмитриюк выносил и амбара мешок с зерном и укладывал его в телегу, 4) замок амбара № 4 оказался в полной исправности, а ключи от него находились у Захарова Алексея, 5) объяснения Захаровых Матвея и Алексея о том, что зерно это принадлежит им, не заслуживает доверия как по изложенным соображениям, так и потому, что экспертизой зерна установлено полное несходство его с зерном, имевшимся у Захарова, и наоборот, полное совпадение его по сорту, натуре, влажности и примесям с зерном, хранившимся в амбаре № 4, 6) объяснения Дмитриюка, что он дежурил у амбара № 4 с 6 час. вечера до его задержания в 6 час. утра 16 ноября и что за это время никто не входил в амбар, совершенно противоречат указанным обстоятельствам дела и лишь подтверждает соучастие его в хищении этого зерна».

Такая мотивировка не составляет никакого обременения для суда, но зато дает гарантию, что суд не вынес приговора кое-как, наспех, что он тщательно взвесил все обстоятельства дела. Приговор с такой мотивировкой понятен и произведет гораздо больший политический эффект, чем немотивированный приговор. Наконец наличие в приговоре мотивировки значительно облегчает работу кассационных инстанций.

Очень существенным недостатком многих приговоров является механическое **формальное обозначение в них классовой принадлежности подсудимых**. Не приходится доказывать, какое громадное значение имеет этот момент для правильности всего приговора в целом. Между тем суды сплошь и рядом не проверяют социального лица подсудимых во время судебного следствия и не обсуждают особо в совещательной комнате собранных по этому вопросу доказательств. В результате в приговор механически переносится социальная характеристика подсудимого, имеющаяся в деле, сплошь и рядом чисто формальная, а иногда и совершенно неправильная. Так, например, облсуд ЦЧО по делу Кириенко и Пасенко, охарактеризовал их в приговоре как классовых врагов. Между тем в деле был целый ряд доказательств активной революционной деятельности обвиняемых как во время гражданской войны, так и далее до самого последнего времени (дело Верхсуда № 23938—33 г.). Калмыцкий облсуд по делу Кутенова и др. в числе 10 человек кратко характеризовал подсудимых как кулаков-лишенцев. Между тем оказалось, что подсудимые были лишены избирательных прав тогда, когда они уже содержались под стражей по этому самому делу и не имели возможности обжаловать лишение их избирательных прав. К числу чуждых элементов был отнесен, вследствие подобного

механического подхода, Соколов Сергей, который с 1912 до 1918 г. был батраком, в 1918 г. вступил добровольцем в Красную армию; с 1923 г. после демобилизации по 1928 г. был рабочим на рыбных промыслах, а с 1929 г. вступил в колхоз. Основанием для отнесения его к числу чуждых элементов послужило только то, что он сын дьячка (дело Верхсуда № 25843-а—33 г.).

Совершенно бесспорно, что вопрос о классе лица обвиняемого должен быть специально обсужден судом. Часть приговора, посвященная этому вопросу столь же обязательна, сколько важна и ответственна, как и та, которая посвящена формулировке обвинения. Со всеми случаями механического перенесения в приговор определения социального лица обвиняемых из обвинительного заключения или из имеющихся в деле характеристик сельсоветов и др. организаций надо вести самую решительную борьбу.

Очень часто в приговорах наблюдается **нечеткость в определении меры уголовного наказания.**

Недопустимо также назначение таких мер репрессии или такая комбинация этих мер, которая не предусмотрена законом. Например Горьковский крайсуд под председательством члена крайсуда Киселева приговорил Афримовича и Комаровского к 3 годам лишения свободы. Из них 2 года суд определил считать условным, с обязательством осужденных представить за этот срок одобрительные документы от общественных организаций, а оставшийся год заменил и-т. работами (дело Верхсуда РСФСР № 24955—33 г.).

Зачем понадобилась суду такая сложная комбинация — неизвестно, но во всяком случае она совершенно незаконна.

Очень многие из перечисленных недостатков приговоров происходят потому, что **работа суда в совещательной комнате** очень часто проводится не так, как нужно. Вместо детальной проработки всех материалов дела совещание суда часто сводится к обмену впечатлениями между судьями, к согласованию вопроса о мере репрессии. Каждый судья говорит о том, что по его мнению следует «дать» тому или иному подсудимому, и когда по этому вопросу достигнута договоренность, председатель приступает к составлению приговора. Сплошь и рядом никакой продуманной системы при совещании суда не соблюдается, и перечень вопросов, установленный 320 ст. УПК РСФСР и соответственными статьями УПК других союзных республик, очень часто игнорируется.

Точное исполнение требований УПК о постановке вопросов в совещательной комнате по вынесению приговора указано в резолюциях Первого всесоюзного совещания работников юстиции как одно из важнейших условий улучшения качества судебной работы (п. 18-6 по докладу т. Вышинского).

Совещание судей в совещательной комнате должно происходить в соответствии с требованиями ст. 320 УПК РСФСР и соответствующих статей УПК других союзных республик.

Мнение каждого из судей должно быть обязательно мотивировано конкретными доказательствами по делу. Председатель суда должен направлять в эту сторону работу нарзаседателей, должен опрашивать их мнение по каждому из собранных по делу доказательств, пресекать общие, неконкретные рассуждения.

Лишь при этом условии суд может объективно и сознательно подойти к избранию меры репрессии.

Чтобы обеспечить такую последовательность обсуждения приговора, надо ввести в правило, чтобы до того, как суд приступит к обсуждению приговора, он составил перечень вопросов, которые подлежат разрешению суда по данному делу.

Этот перечень должен быть составлен применительно к схеме, указанной в ст. 320 УПК РСФСР и в соответствующих статьях УПК других союзных республик, но не должен механически воспроизводить этой схемы. Перечень вопросов по каждому делу должен составляться в соответствии с конкретными особенностями данного дела, отражать все его характерные черты. Совещание судей должно идти в той последовательности, которая в этом перечне установлена. Этот перечень должен быть включен в описательную часть приговора или приложен в приговору на подпись судей.

Приговор суда есть акт, имеющий величайшее политическое значение. Правильная политическая заостренность приговора — необходимое условие для того, чтобы приговор мог произвести тот массовый эффект, который от него требуется. Январский пленум ЦК и ЦК ВКП(б) 1933 г. в резолюции по докладу т. Кагановича особо подчеркнул необходимость разветвления вокруг и на основе конкретных судебных дел широкой массовой работы. Всемерного усиления этой работы требует от нас и инструкция СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 8 мая 1933 г.

Первое всесоюзное совещание работников юстиции в ряде своих резолюций также подчеркнуло, какое громадное значение имеет использование судебных процессов для организации вокруг них общественного мнения и использования их для укрепления социалистического правосознания (п. 6 резолюции по докладу т. Крыленко, резолюция по докладу т. Сегала). Для этого необходимо, чтобы приговор давал ясную и четкую политическую оценку тех фактов, которые были предметом данного процесса.

В нашей практике это делается обычно в форме так называемой «политической шапки» приговора, состоящей из ряда общих фраз, написанных в стиле газетной передовицы. Вот типичный пример такой «политической шапки».

«Сессия Главсуда Крыма установила доказанным: грандиозные достижения трудящихся Советского союза в области строительства социалистического хозяйства в результате правильного проведения генеральной линии коммунистической партии и сплочения вокруг нее многочисленных масс рабочих и трудящихся крестьян вызвали бешеное сопротивление классового врага, который, маскируясь под трудящегося, проникает во все отрасли народного хозяйства и проводит там контрреволюционную подрывную работу в целях срыва социализма и ослабления мощи первого и единственного в мире пролетарского государства» (из приговора Главсуда Крыма от 13—23 января 1934 г. по делу Боборчкина, Крапова и др.). К какому делу относится эта часть приговора — сказать совершенно невозможно, никакого значения для оценки обстоятельств данного дела такие общие рассуждения не имеют и только без всякой пользы угрожают приговор и затемняют его смысл.

Еще хуже бывает тогда, когда рассуждения такого рода пишутся безграмотно. Так например в приговоре нарсуда Сабинского района Татарской АССР содержится такая фраза: «кулачество в хозяйственной кампании, идя против партии, правительства к мировому пролетариату, ведя за собой» и т. п.

Политическая заостренность приговора должна выражаться не в общих фразах, не в высокопарных отвлеченных рассуждениях, а в правильной оценке фактических обстоятельств данного дела. Политическая оценка не должна сосредоточиваться в какой-то особой, специально для этой цели предназначенной части приговора, а должна пронизывать весь приговор от начала до конца. Лучший образец величайшей политической заостренности приговора дал нам Владимир Ильич в своем известном письме к т. Богданову по поводу волокиты с изготовлением плугов Фаулера (Ленин том XXIX, стр. 414).

Чем короче приговор, тем лучше. Научиться писать приговоры кратко и полно, научиться насыщать их политическим содержанием, не уклоняясь в сторону от конкретных обстоятельств данного дела, очень нелегко, но именно поэтому надо с особенным старанием учиться самим и учить других этому искусству. Первое всесоюзное совещание работников юстиции рекомендовало в соответствующих случаях политические формулировки сочетать с конкретным материалом данного судебного дела (резол. по докладу т. Вышинского, п. 18-в).

В заключение необходимо остановиться на сигнализационной роли приговора. Советский суд не может ограничиться только тем, что он присудит кого-либо к той или иной мере репрессии; надо принять меры к устранению тех организационно-хозяйственных дефектов, которые создали обстановку, благоприятствовавшую данному преступлению. Эта задача выполняется еще далеко недостаточно, сплошь и рядом суды первой инстанции упускают это из виду, а кассационные суды не исправляют их упущений. Между тем организующее значение правильно составленного приговора огромно. Но для этого приговор должен вскрыть все недостатки в работе той организации, которой касалось рассматриваемое судом дело (само собою разумеется, лишь те недостатки, которые имеют отношение к данному преступлению). Обсуждая приговор в совещательной комнате, пересматривая и сопоставляя одно с другим все собранные по делу доказательства, суд должен задаться вопросом об этих недостатках, постараться найти на этот вопрос ясный и определенный ответ и изложить этот ответ в приговоре (или в особом определении, если и суд найдет это более удобным).

Первое всесоюзное совещание судебно-прокурорских работников признало необходимым:

«При разборе дела не только устанавливать виновность тех или иных лиц, но и выявлять те хозяйственные организационные неполадки и недочеты, которые создают обстановку для возникновения преступления, и обо всех этих неполадках и недочетах сигнализировать основным определениям соответствующим партийным и советским органам; результаты сигнализации должны быть периодически проверяемы» (резюльция по докладу т. Вышинского, п. 18-е).

Сигнализация суда о выявленных организационно-хозяйственных неполадках—очень важная задача суда.

Для того чтобы добиться существенных результатов по улучшению качества приговоров, нужна систематическая, настойчивая работа. Конечно, путем циркулярного распоряжения или инструктивного письма устранить отмеченные выше недостатки приговора нельзя. Для этого нужно использовать все средства, все методы руководства.

Прокурорам союзных республик о качестве расследования

Состоявшееся в апреле с. г. Всесоюзное совещание судебно-прокурорских работников в прениях и предложениях по докладу о повышении качества судебно-прокурорской работы отметило ряд дефектов предварительного производства по уголовным делам. Эти дефекты отрицательно влияют на дальнейший ход дел, понижают качество работы суда, в частности выносимых им приговоров, и нередко обуславливают трудно-исправимые судебные ошибки.

При предстоящем пересмотре УПК будут конечно учтены все выявленные судебной практикой недостатки в постановке отдельных процессуальных институтов, и весь кодекс будет перестроен в соответствии с политическими задачами современного этапа.

Однако нижеперечисленные главные дефекты предварительного производства должны быть устранены теперь же, еще до пересмотра УПК.

1. Одной из основных причин неудовлетворительного состояния расследования является изъятие из ведения следователей ряда дел, представляющих значительную сложность и требующих соответствующей квалификации органов расследования.

Для устранения этого дефекта предлагается установить в рамках 8 ст. Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и действующих в союзных республиках УПК разграничение компетенции органов расследования (применительно к ст.ст. 108 УПК РСФСР, БССР и ССРА, 106 УССР, 105 АССР, 10 УзССР и ТадССР и 99 ТССР и ст. 6 Временных правил производства расследований по уголовным делам ССРГ), с обязательным отнесением к компетенции следователя преступлений государственных, важнейших должностных, дел по законам 7 и 22 августа 1932 г. и 8 декабря 1933 г., а также всех дел, подсудных край(обл) суду. Участие в расследовании дел этой категории органов милиции должно строго ограничиваться установленными УПК рамками (ст.ст. 99 и 106 УПК РСФСР, БССР и ССРА, 97 и 103 УССР, 96 и 103 АССР, 88 и 96 ТССР, 12 УзССР и Тад. ССР и ст. 8 Временных правил ССРГ).

2. В работе органов расследования установился недостаточно ответственный подход к вопросу о возбуждении уголовного дела. По любому сообщению учреждений и жалобе частных лиц начинается уголовное дело, и граждане нередко привлекаются к уголовной ответственности по весьма шатким основаниям. Такой подход вызывает бесполезную трату времени и государственных средств, отбывает от работы граждан и создает для них ненужные стеснения, часто загромождают суд делами, не имеющими никакого значения, что в итоге только дискредитирует работу суда.

Для устранения подобных явлений предлагаю впредь до изменения в законодательном

вило, что возбуждение уголовного дела и начало расследования могут иметь место лишь по мотивированному постановлению соответствующего следственного органа, утвержденного прокурором. Это отнюдь не исключает законного права судьи (суда) на возбуждение уголовного преследования по усмотрению им преступления в соответствии со ст. 91 УПК РСФСР и соответствующими ей статьями УПК других союзных республик.

3. Действующие в союзных республиках УПК предусматривают возможность обжалования действий органов расследования и устанавливают жесткие сроки для рассмотрения этих жалоб (ст.ст. 107, 212, 220 УПК РСФСР, БССР и ССРА, 104, 205, 211 УССР, 104, 209, 217 АССР, 97, 190 и 193 ТССР, 21 УзССР и ТадССР и ст. 16 Временных правил ССРГ). Этот процессуальный порядок, обеспечивая контроль и своевременное исправление ошибок органов расследования, тем самым должен повышать качество следственной работы. Между тем на практике он вышел из употребления, и подаваемые жалобы либо просто приобщаются к делу, либо остаются без отклика в «нарядах наблюдательных производств».

Предлагаю обеспечить реальность установленного в законе порядка обжалования действий органов расследования перед вышестоящими органами, для чего обязать лиц, производящих расследование, объявлять участвующим в деле сторонам их право принесения жалоб с указанием, кому именно жалобы могут подаваться и в какие сроки, и немедленно по поступлении жалоб направлять таковые по принадлежности. Вместе с тем обязать прокуроров точно соблюдать установленные УПК сроки при рассмотрении жалоб, а в случае отклонения их выносить мотивированное постановление, сообщая об этом жалобщикам и выдавая им по их требованию копии этих постановлений.

4. До сих пор основным дефектом предварительного производства является его чрезмерная длительность. Отсюда — потеря частью дел своей актуальности и крайняя трудность восполнения недостатков следствия по делам, возвращаемым судами для доследования. Отсюда же — затяжные сроки лишения свободы в качестве меры пресечения.

Обязывая органы расследования и прокуратуры добиваться кратчайших сроков следствия, не превышающих, как правило, 10—20 дней, и лишь в более сложных случаях — одного месяца, предлагаю обеспечить теперь же окончание в эти сроки расследований по всем делам, по которым обвиняемые находятся под стражей. Отсрочка окончания расследования допускается мотивированным постановлением прокурора, приобщаемым к делу.

5. Практика расследования почти совершенно не знает требуемого законом предъявления материалов законченного следствия обвиняемому (ст. 205 УПК РСФСР, 200 УССР, 207 БССР и ССРА, 204 АССР, 186 ТССР, 60 УзССР и Тад. ССР и ст. 67 Временных правил ССРГ). Между тем это процессуальное правило, обеспечивая максимальную полноту и объективность расследования, в то же время охраняет права обвиняемого и часто избывает суд от необходимости направлять дело на доследование или даже прекращать его в судебном заседании.

Ввиду этого предлагаю обеспечить точное и неуклонное соблюдение указанного выше требования УПК союзных республик о предъявлении материалов законченного следствия с последующим дополнением его в соответствующих случаях.

6. Обвинительное заключение или постановление о предании суду завершает все расследование, подытоживает его результаты. Исключительно важное значение этого документа в нашем процессе не требует особых доказательств.

Изучение текущей практики показывает, что чаще всего по самым серьезным делам обвинительное заключение вместо делового, сжатого, но исчерпывающего основные моменты изложения обстоятельств преступления содержит общие рассуждения о политике советской власти, о хозяйственных достижениях, о борьбе классов и т. п., иногда вовсе не имеющих отношения к данному преступлению. Обстоятельства по делу излагаются небрежно и неясно, а также и не всегда в соответствии с материалами расследования. Как правило, обвинительные заключения совершенно игнорируют объяснения обвиняемых, представляемые ими в свое оправдание, избегая анализа соответствующего материала, хотя этот материал нередко имеет серьезное значение с точки зрения убедительности обвинительных выводов и правильности всей конструкции обвинения.

Это обстоятельство понижает ценность обвинительного заключения и должно быть немедленно устранено. Обвинительное заключение должно быть построено чрезвычайно продуманно и доказательно.

Описательная часть обвинительного заключения должна представлять собой связанное изложение обстоятельств дела, как они установлены расследованием, с приведением как обличающих, так и оправдывающих обвиняемого моментов. Обвинительное заключение должно быть составлено таким образом, чтобы из него была ясна несостоятельность оправданий обвиняемого и чтобы резолютивная часть с формулировкой обвинения являлась строго обоснованным логическим выводом из изложения описательной части.

Общие рассуждения, громкие фразы и ни на чем не основанные догадки никоим образом не должны загромождать обвинительных заключений.

7. С целью повышения ответственности следователя и прокурора за качество материалов расследования предлагаю установить, как правило, чтобы в каждом случае внесения судом дела в распорядительное (или подготовительное) заседание следователь или прокурор, направивший дело, обязательно присутствовал в распорядительном заседании и докладывал дело.

Все вышеперечисленные меры по устранению основных дефектов предварительного производства должны быть предметом особо тщательного контроля со стороны прокурорского надзора.

Установите персональную ответственность прокуроров, наблюдающих за расследованием, за нарушение предложенных мероприятий.

Изданные во исполнение настоящего директивного письма циркуляры прошу направить

ко мне не позже чем через декаду после получения вами письма.

Зам. прокурора Союза **Вышинский.**

О порядке привлечения к уголовной ответственности инженерно-технических работников и хозяйственников

Всем прокурорам союзных республик, краевым и областным прокурорам.

В связи с обращением в Прокуратуру Союза ряда прокуроров с просьбой о разъяснении порядка привлечения к уголовной ответственности инженерно-технических работников и хозяйственников, виновных в преступном нарушении правил по технике безопасности, **разъясняю:**

Порядок привлечения к уголовной ответственности инженерно-технических работников и хозяйственников, установленный **циркуляром Прокуратуры Союза от 2/VI с. г., полностью остается в силе.**

По делам, связанным с преступным нарушением хозяйственниками и инженерно-техническими работниками правил по технике безопасности, прокурор, возбудивший дело, ставит в известность вышестоящую хозяйственную организацию.

Однако, в случае несогласия соответствующего вышестоящего хозяйственника с мнением прокурора о необходимости предания суду инженерно-технического работника или хозяйственника, виновного в преступном нарушении правил по технике безопасности, Прокурор в праве под свою ответственность направить дело в суд для заслушания.

В этом случае дальнейшего согласования не требуется.

О всех таких случаях ставить в известность Прокуратуру Союза.

Зам. прокурора Союза ССР **А. Вышинский.**

23 августа 1934 г.

О СОЗЫВЕ VII СЪЕЗДА СОВЕТОВ

Директивное письмо № 22 Верховного суда ССР

23 июля 1934 г.

О мероприятиях судебных органов в связи с созывом VII съезда советов Союза ССР верховным судам союзных республик

По постановлению ЦИК Союза ССР от 7/VII 1934 г. созывается в Москве 15/I 1935 г. VII съезд советов Союза ССР. Этому съезду будут предшествовать республиканские, краевые, областные и районные съезды советов и перевыборы местных советов.

Верховный суд Союза ССР предлагает в связи с этим произвести следующую работу:

1. Обеспечить устранение от участия в выборах лишенных прав, для чего:

а) проверить, сообщено ли в соответствующие органы о всех осужденных, лишенных судебных приговором избирательных прав (ст. 31 УК РСФСР и соотв. статьи УК других союзных республик), и дополнительно дать сведения сельским, районным и городским советам о всех таких лицах, о которых ранее не сообщалось.

б) сообщить тем же органам о лицах, хозяйства которых выявлены судом кулацкими и признаны таковыми вступившим в законную силу приговором суда.

2. Исправить ошибки, выражающиеся в массовом осуждении сельского колхозного советского актива и трудящихся, для чего:

а) разобратить до начала избирательной кампании все заявления работников сельсоветов, МТС, совхозов и колхозного актива и трудящихся о неправильном осуждении их;

б) просмотреть в порядке надзора дела об осужденных работниках сельсоветов, МТС, совхозов и колхозного актива (председатель, бригадир и т. д.), а также дела, связанные с проведением различных сельхозкампаний в тех районах, в которых имели место массовые извращения в осуждении трудящихся;

в) проверить правильность всех приговоров, в которых применено в отношении трудящихся поражение прав, без назначения им лишения свободы и в случае нецелесообразности лишения прав отменить эту часть приговора.

Верховный суд Союза ССР особо указывает, что в настоящей директиве речь идет только об исправлении допущенных ошибок вследствие имевших место перегибов и невыполнения требований директивы от 8/V 1933 г. и предупреждает от всякого расширительного толкования и понимания ее как мероприятия, направленного к ослаблению борьбы с преступностью.

3. Принять непосредственное участие в выборах сельских судов, для чего:

а) на основании закона (ст. 1 пост. През. ЦИК СССР от 29/IX 1930 г.—СЗ СССР 1930 г. № 51, ст. 531) обеспечить одновременно с перевыборами советов избрание председателей и членов сельских судов там, где они не организованы, и перевыборы сельских судов там, где они существуют, обеспечив эти суды политически выдержанным и проверенным составом;

б) при перевыборах и выборах сельских судов поставить доклады нарсудей о роли и значении сельских судов в борьбе с нарушителями законов и об установлении социалистической дисциплины в массе колхозников и трудящихся единоличников, показав на конкретной практике качество работы сельсудов.

4. Привлечь всех нарзаседателей и соцсоветских собраний избирателей, для чего:

а) до начала кампании провести одно-два занятия с судебным активом по вопросу о практическом применении инструкций по выборам и о задачах, стоящих перед съездом советов;

б) организовать группы нарзаседателей, соревнующихся между собой на лучшее проведение предсъездовских собраний в отдельных предприятиях, МТС, совхозах и т. д., где работают нарзаседатели, а также среди неорганизованного населения, установив для соревнующихся твердые показатели соревнования и в частности полный охват работающих и правоспособных членов их семей, лучшее составление проекта наказа вновь избираемым советам и т. д.

5. Кроме того судебные органы должны представить правительствам союзных и автономных республик и местным исполкомам для докладов на съездах необходимый материал о работе судов с конкретными данными, как

осуществляется борьба за революционную законность и выполнение директив от 8/IV 1933 г., как суды охраняют социалистическую собственность и преследуют растратчиков и расхитителей, какие меры принимают против виновных в выпуске недоброкачественной продукции и как содействуют выполнению планов по животноводству, зерну и т. д.

6. Помимо указанного судебные органы должны добиться к VII съезду советов резкого улучшения качества своей работы.

Верховный суд СССР рекомендует судебным органам развернуть работу по организации соревнования на достижение лучших показателей в работе к открытию VII съезда. Основным объектом соревнования должно быть взято проведение в своей практической работе директивы от 8/IV 1933 г. В качестве конкретных обязательств, по которым при этом должно быть проведено соцсоревнование, могут служить следующие показатели:

а) достижение наибольшей эффективности по делам, связанным с текущими и ближайшими хозяйкампаниями (уборочной, заготовительной и кампании по осеннему севу), а также по делам, связанным с преступлениями, предусмотренными законом от 7/VIII 1932 г., 8/XII 1933 г. и 16/II 1933 г. о борьбе с хищениями и растратами в органах кооперации и госторговли. Эта эффективность должна быть достигнута путем: тщательной предварительной проверки дел этих категорий в подготовительных заседаниях, с отсевом маловажных дел и переда-

чей их на рассмотрение в общественные суды и в дисциплинарном порядке; передачи в соответствующих случаях дел на дополнительное исследование; недопущения массовой необоснованной репрессии в отношении трудящихся; тщательного выявления инициаторов и главных виновников преступлений и, в особенности, выявления классового врага и его агенты с применением к ним самых суровых мер репрессии; быстрого и своевременного реагирования, путем судебной репрессии, на отдельные преступления с мобилизацией волею этих дел внимания широкой общественности трудящихся;

б) выявления при посредстве общественного судебного актива результатов судебных процессов в смысле их влияния на поднятие социалистической дисциплины труда, улучшения качества работы, сокращения хищений, сокращения брака и т. д.

в) установления тесной связи с соответствующими директивными и хозяйственными организациями и сигнализации им о всех недочетах, выявленных в процессе рассмотрения дел. Верховный суд СССР предлагает верховным союзным республикам периодически информировать его о проведении в жизнь настоящего директивного письма.

Сроки представления информации 1/XI 1934 г. и 1/I 1935 г.

Председатель Верховного суда Союза ССР
А. Винокуров.

О незаконном изъятии средств у потребкооперации

Прокурорам союзных республик

Центросоюз СССР и РСФСР представил в Прокуратуру Союза ССР материалы, из которых видно, что на местах получили широкое распространение случаи незаконного изъятия значительных денежных сумм из оборотных средств потребкооперации.

Эти изъятия составляют в общем десятки миллионов рублей, и причиняют системе потребкооперации серьезный ущерб.

Чаще всего незаконные изъятия средств допускаются финансовыми органами и банками, практикующими преувеличенное обложение потребкооперации, задержку в возврате переплаченных сумм, в передаче поступающих на ее счета средств и т. д.

Наряду с этим местные органы власти прибегают к прямому использованию средств потребкооперации на различные местные нужды, так например: с Илийского и Кампетинского районов Казакстана взято 9011 руб. на постройку плотины; с Орловского РПС — 15 тыс. рублей на командировочные расходы районных работников; с Вологодского РПС — 3 тыс. рублей на съемку и планировку города; с Какпетинского 8 тыс. рублей на питание заключенных и т. д. Особенно большие средства берутся у кооперации на содержание сто-

ловых для местных работников и на питание различных конференций и слетов.

С этими незаконными изъятиями средств потребкооперации необходимо повести решительную борьбу.

Постановления местных органов, обязывающие потребкооперацию к производству не связанных с ее хозяйственной деятельностью не предусмотренных финансовым расходом, должны немедленно опротестовываться.

Должностные лица, виновные в даче распоряжений о незаконном изъятии средств у кооперативных организаций, а также и работники кооперативных организаций, выполняющие такие незаконные распоряжения, должны привлекаться, в зависимости от конкретных обстоятельств каждого дела, к дисциплинарной или уголовной ответственности, как за должностные преступления. Незаконно изъятые средства при этом должны немедленно возвращаться.

О мерах, которые будут приняты вами по данному вопросу, прошу мне сообщить.

Зам. прокурора Союза ССР **Вышинский.**

23 августа 1934 года.

О работе контрольно-ревизионных комиссий в предприятиях кооперации

Прокурорам союзных республик

Для усиления борьбы с хищениями и растратами Президиум Центросоюза постановлением от 25 апреля с. г. установил обязательный минимум ревизионных действий контрольно-ревизионной комиссии по проверке работы предприятий кооперации.

Минимум этот определен следующим образом:

а) касса и подотчетные суммы должны быть обревизованы не менее одного раза в месяц; выполнение сметы проверяется не реже одного раза в квартал;

б) магазины и лавки должны быть один раз в квартал обревизованы;

в) межрайбазы, склады должны быть обревизованы один раз в год;

г) каждая хозрасчетная организация обл. (край) потребсоюза должна быть обревизована один раз в год;

д) вся деятельность (торговая, производственная, заготовительная) сельпо, ЗРК горно ревизуется не менее одного раза в год;

е) квартальные и годовые балансы и отчеты кооперации не могут быть опубликованы без заключения КРК.

Для обеспечения выполнения КРК этого минимума, имеющего большое значение для успешности борьбы с хищениями и растратами, прошу дать указание органам Прокуратуры на местах о том, при расследовании и рассмотрении дел о хищениях и растратах, обязательно проверялось выполнение КРК указанного минимума. Работники КРК, невыполняющие этих своих функций по проверке работы предприятий кооперации, должны привлекаться к уголовной ответственности за халатное отношение к возложенным на них обязанностям.

Прокурор Союза ССР Акулов.

9 августа 1934 г.

О проверке качества ширпотреба

Почто-телеграмма прокурорам союзных республик

Газета «За индустриализацию» совместно с Главметизом и Центросоюзом организует проверку качества ширпотреба, изготовляемого предприятиями Наркомтяжпрома.

Предлагаю обеспечить по линии подведомственной вам прокуратуры связь органов прокуратуры с бригадами, проводящими проверку, оказав им всемерную помощь при проверке.

Обеспечить в кратчайший срок расследование всех материалов, передаваемых бригада-

ми прокуратуре, и организовать судебные процессы по этим материалам.

Взять на особый учет все возбужденные в связи с этим приказом дела.

Первое сообщение о выполнении приказа представить мне к 1 сентября.

Акулов.

23 августа 1934 г.

№0129887
ЮФ СПБГУ

ИЗДАТЕЛЬ: Государственное издательство
СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Адрес изд-ва: Москва, Красная пл., здание ЦИК,
пом. 28

Ответств. редактор И. А. Акулов

Редколлегия: А. Я. Вышинский (зам. отв. редактора), Р. П. Катанян, С. Н. Орловский, С. С. Пилявский, Г. К. Рогинский, Г. М. Сегал, В. В. Соколин.

Сдано в производство 25/VIII 1934 г.; подписано к печати 22/IX—1934 г.; 3 1/2 печ. л. 9,10 авт. л. в 1 бум. л. 232128 зн.; формат бум 72 X 105. С—04п. № 462. Техн. редактор А. Цыпко.

Уполном. Главлита Б—39755

Заказ 1273

Тираж 5000.

15-я типография «Полиграфкнига», Мал. Дмитровка, 18.

ВЫШЛИ В СВЕТ И ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ

ОСНОВНОЙ ЗАКОН (конституция) Союза советских социалистических республик. Стр. 32. Ц. **12 к.**

А. В. ШОТМАН—15 лет во главе советского государства.
К 15-летию избрания М. И. Калинина председателем ВЦИК. Стр. 16. Ц. **10 к.**

ЕЛЕНА КЕРБЕР—Как Советская Россия борется с преступностью.
Перевод с немецкого. С предисловием Н. В. Крыленко, приложением речи М. Горького, очерка Н. Зогина и материалов о строительстве Беломорско-Балтийского канала. Книга богато иллюстрирована. Стр. 160. Ц. **2 р. 50 к.**

ЛАГОВИЕР—В помощь райпрокурору и нарследователю. Практическое пособие.
2 переработанное изд. книги „Районная прокуратура“. Стр. 180. Ц. **2 р. 75 к.**

ХИТЕВ и АСКАРХАНОВ—Нотариальные действия нотариальных контор, риков и сельсоветов. Комментированное пособие. Стр. 84. Ц. **90 к.**

П. АНДРЕЕВ—Задачи актива советской юстиции в деревне.
Краткий очерк прав и обязанностей колхозного актива юстиции. Стр. 48. Ц. **25 к.**

Г. МИРАБО и Н. НАУМОВ—Производственно-товарищеские суды на городском транспорте. Под редакцией Л. Г. Фогелевича. Стр. 40. Ц. **25 к.**

В. ЕФИМОЧКИН—Секции революционной законности при сельских советах.
В помощь активу советской юстиции. Стр. 56. Ц. **25 к.**

И. ВОЙТИНСКИЙ—История строительства Ин-та советского законодательства. Стр. 481. Ц. **60 к.**

А. Я. ВЫШИНСКИЙ—Очерк советской законности и задачи районной юстиции. Стр. 40. Ц. **60 к.**
Очерк советской судебной системы. Стр. 52. Ц. **75 к.**

Подготовили редакция и издательство Ин-та советского законодательства. Стр. 15 к., переп. **35 к.**
Стр. 5 к., переп. **35 к.**

ГРИШИН—Очерк советского законодательства. Стр. 88. Ц. **3 р. 20 к.**

Основные вопросы советского законодательства и доп. Стр. 40. Ц. **3 р. 25 к.**

А. ВЫШИНСКИЙ—Очерк советской юстиции. С приложением о порядке вступления в брак. Стр. 62. Ц. **50 к.**

ПРОДАЖА

Почтовые

КАХ КОГИЗа

ые (краевые)

Цена 1 руб.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Ко всем читателям и судебно-прокурорским работникам

Государственное издательство „Советское законодательство“ приступило к составлению тематического плана на 1935 год.

В целях охвата планом наиболее актуальных тем по советскому строительству и праву, издания полноценных, марксистски выдержанных учебников для правовых вузов, юридических курсов и самообразования, а также выпуска книг по вопросам текущей практики судебно-прокурорских и следственных органов, издательство просит вас ответить на следующие вопросы, выяснение которых поможет полнее учесть потребность читательских масс:

1. Какие темы и в каком изложении вы считаете необходимым включить в план 1935 года?
2. Какие книги помогли вам в вашей практической или научно-исследовательской работе?
3. Какие из прочитанных книг, выпущенных издательством, вы считаете лучшими и что именно вы находите в них ценного?
4. Какие книги вы считаете неудачными и почему (сухость изложения, недостаточная конкретность, ошибочные положения, плохое оформление и т. д.).
5. Что из ранее изданных книг нужно, по вашему мнению, переиздать?
6. Какие темы необходимо включить в план издания национальной литературы?

Издательство надеется на вашу активную помощь и ожидает от вас письменного ответа с указанием вашей профессии и стажа.

Ответы направляйте по адресу издательства: Москва, Красная пл., здание ЦИИ СССР (б. ГУМ), пом. 28.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО“